

РАБОТНИЦА

№ 9 1976

Издательство «ПРАВДА»

Саша этой песни, наверное, не знает. Сегодня поют другое, и лишь изредка радио принесет голос из дальнего для Саши далека, из молодости ее мамы, Ии Васильевны Забоевой:

Здравствуй, наша Москва,
дорогая Москва,
Здравствуй, лучшая в мире
столица студентов...

Саша смотрит в объектив еще не студенткой. Снимок сделан в июле, когда она принадлежала к многотысячному племени абитуриентов, уже познавших производство и совсем инфантильных, предприимчивых и застенчивых, трудолюбивых и верящих в «авось».

«Ашхабад... Новосибирск... Кишинев», — слышала Саша в приемной комиссии факультета почвоведения Московского государственного университета имени Ломоносова. Подошла ее очередь, усталая сотрудница (три претендента на место! Четыре!) глянула на тоненькую девочку, внимательно прочла ее документы и отложила их в отдельную стопку. Золотая медаль...

Фотокорреспондент призывал Ию Васильевну улыбаться. Фоторепортерам вообще импонирует оптимизм. Ия Васильевна по натуре человек сдержанный и серьезный, но она уважает работу — и чужую работу не меньше, чем собственную. Поэтому она старалась улыбаться, хотя и через силу. Не то было состояние души.

Тревожным, переломным выдалось в семье нынешнее лето: дочери-двойняшки окончили школу и, как мать ни уговаривала их продолжить учебу в родном Сыктывкаре, одна решила ехать в Москву, а вторая — в Ленинград. Одна выбрала почвоведение, другая — медицину. И вот впервые в жизни сестры расстаются. А матери невозможно представить дом без их запальчивых споров и их друзей, без разбросанных книг и лоскутов вокруг стрекочущей машинки. С работы она, как правило, приходит поздно: мало ли забот у директора Института биологии, тем более если директор совмещает административную деятельность с «собственной» научной. И так дороги часы семейного единения.

— Социологи, я читала, называют дом психологической нишей для современного человека. А для таких бродяг, как мы, особенно. Ведь в экспедиции наламаешься, накопишься, находишься, — Ия Васильевна стеснялась своего состояния и пыталась его объяснить даже не столько мне, сколько самой себе.

Взяла и неожиданно для себя оформила

Ия Васильевна Забоева с дочерью Сашей.

Фото Н. МАТОРИНА.

ВЫБИРАЮ ТВОЮ СУДЬБУ

отпуск, полетела вместе с Сашей на экзамены. Только в университет Саша просит маму не заходить, та ждет на лавочке.

Согласившись на интервью, Забоева прочла мне обстоятельную лекцию. О хозяйстве края. О перспективах своего института. Доказала на убедительных примерах и цифровых выкладках, как тесно увязаны наука и жизнь. В планах пятилетки сказано об освоении природных ресурсов Тимано-Печорской нефтегазоносной провинции: «...довести здесь в 1980 году добычу нефти примерно до 25 млн. тонн, газа — до 22 млрд. куб. метров. Расширить и реконструировать целлюлозные и деревообрабатывающие предприятия на севере европейской части страны».

Ия Васильевна перечислила мне лаборатории своего института. Их двенадцать. Причем наряду с традиционными, такими, как лаборатория географии и генезиса почв, интродукции растений или физиологии животных, действуют новейшие — к примеру, отдел математики и вычислительной техники, лаборатория сравнительной кардиологии. Известно же, что именно стык наук предопределяет сегодня многие открытия. (Позднее я узнаю в Сыктывкаре, как много Забоева выступает, и любая аудитория затаив дыхание слушает о вариантах переборского стока северных рек или о залужении тундры.) Но чувствовалось: сейчас ей не до интервью.

Относительно серьезности дочернего выбора сомнений у нее нет: девочки бывали в лаборатории и со многими ее коллегами знакомы. А если человек случайно выбрал себе эту профессию?

Одна из новых знакомых, списывая расписание экзаменов, призналась Саше, что факультет привлекателен для нее единственным — поменьше конкурс, чем на соседнем биофаке. «А уж с медалью, — сказала она Саше, — я бы не сюда толкнулась».

— И в классе меня многие не понимали, — признается Саша. — Охота, говорят, землю рыть да таскать. Неужели ничего нет интереснее? — Она не скрывает обиду за профессию: — Геолог — это каждому ясно. Романтика трудных дорог! Открытия, песни у костра, комарье... А у почвоведов не то же самое?

Когда-то вот так же и Ия Забоева приехала в столицу. Аспиранткой Коми филиала Академии наук СССР приехала она в почвенный институт имени Докучаева. Но разве нельзя ей было работать над диссертацией дома, в Сыктывкаре? Ведь все равно каждый год с весны до осени она «наращивала» диссертацию в родной тайге, на лугах и болотах, на водоразделе неторопливых северных рек Печоры и Вычегды.

И все-таки профессор Евгения Николаевна Иванова, одна из основателей сектора почвоведения Коми филиала Академии наук СССР, «красная» Ии Забоевой в науке, считала необходимым для аспирантки пожить в

Москве. Освоить современные методики. Перечитать литературу. Москва должна была, по мнению профессора Ивановой, помочь становлению молодого ученого, вывести тихую и неутомимую Ию Забоеву на самый стряжень исследований, когда за обилием частных нащупываешь закономерности.

И Москва не обманула надежд профессора Ивановой. Ия Забоева тоже не обманула ее надежд. Кандидатская диссертация была признана весомой: в ней спрессовались материалы по почвам обширной территории, считавшейся доселе «белым пятном». Впрочем, в похвалах Забоева подозревала и определенную снисходительность, к науке Коми края маститые ученые относились добро, как к старательному новичку.

Чтобы тебя принимали на равных, был один путь — работа. Снова экспедиции, описания, анализы, наблюдения, публикации... Годы и годы накоплений. Докторскую диссертацию И. В. Забоевой от кандидатской отделяют двадцать лет. Она стала первым доктором наук из женщин коми.

Докторскую Ия Васильевна защищала тоже в Москве, в том же институте имени Докучаева.

В предисловии к ее монографии «Почвы и земельные ресурсы Коми АССР» известный почвовед академик И. П. Герасимов написал: «Настоящая работа является первой современной научной монографией о почвах и земельных ресурсах этого обширного северного района, обобщающей всесторонний анализ сельскохозяйственного и лесохозяйственного освоения площадей и дающей обоснованные научные рекомендации для их практического рационального использования».

На первой странице монографии я увидела лаконичную строку: «Посвящается светлой памяти Евгении Николаевны Ивановой...»

Два года назад в Москве проходил X Международный конгресс почвоведов. После конгресса зарубежным гостям было предложено выбрать себе маршруты для экскурсий по Советскому Союзу. На десятках заявок возникло слово *podsol* — термин, введенный около ста лет назад Докучаевым, — «подзол». 46 ученых изъявили желание поехать в Сыктывкар. Дело в том, что почвоведы всех стран озабочены составлением мировой почвенной карты, а это невозможно без единой системы почвенных единиц и понятий. Единства взглядов как раз и не было по поводу подзолообразования, происходящего в почвах северной тайги.

Не будем вдаваться в тонкости научных споров, но почвоведом Коми АССР предстояло отстаивать свою точку зрения — доказать на новом, сегодняшнем уровне генетическую сущность и взаимосвязь различных процессов, развивающихся в почвах таежной зоны. Дискуссии велись прямо на местах почвенных разрезов. Гости были приятно удивлены щед-

ростью советских коллег: им разрешалось увозить пробы почв, для них перевели материалы многолетних исследований.

— Говорят, что Забоева в научных спорах держалась очень уверенно. Кстати, иные гости не скрывали удивления, что таким большим и сложным институтом руководит женщина, что среди научных сотрудников тоже большинство женщин. Один канадский профессор уверял, что во всей Канаде не насчитаешь столько женщин-почвоведов...

— Почему ты выбрала именно почвоведение? — спросила я Сашу, спросила «под занавес» нашего с нею разговора, когда она уже рассказала мне про свой класс, про подружек, про народный театр и клуб интернациональной дружбы.

— Про него мало кто знает, — ответила Саша несколько загадочно.

Ей, видимо, не хотелось произносить ожидаемых мною слов об уважении к делу матери, о преемственности.

— Как ты считаешь, мама искренне тебя отговаривала?

— Она отговаривала как мама, — улыбнулась Саша. — С самого детства привыкла считать меня слабой, ну, физически. А мы с Таней три лета подряд в Крым ездили, в трудовой лагерь старшеклассников. Мама думает: юг, море, отдых. Я попросилась с нею в экспедицию, а она: «Там трудно, отдохайте». Отдых — ого! Подъем в четыре часа, в это время у розы самые обильные эфирные масла. И пошла по ряду, руки исколоты, солнце жарит, мухи, слепни. А нормы какие! И никто не ныл, потому что ехали добровольно.

— А Таня не захотела поступать вместе с тобою?

— Нет, у нее мечта — медицина, и бабушка хочет видеть ее медиком.

Разговор пришлось сворачивать: я понимала, что у Саши, человека обязательного и организованного, накануне экзамена минуты на счету. Ия Васильевна вышла меня проводить.

— Все казнию себя: времени на девочек не хватало. Все бабушка да бабушка, — сказала она о том, что было сейчас для нее главным.

И так понятна стала она, до родственной близости понятна этой святой своей виноватостью перед детьми, которой мучаются истинные матери. Где у нас, деловых женщин, достаток времени? Да и сколько его нужно уделить ребенку, чтобы чувствовать: ты сделала все, что могла. Но, может быть, именно занятость родителей, их общественная активность, их преданность делу воспитывают вернее, чем неусыпная опека?

Конечно, и Саша и Таня могли выбрать себе другие профессии. Дело не в почвоведении или медицине. Дело в тех жизненных принципах, которые впитаны, что называется, с молоком матери.

Я полетела в Сыктывкар...

* * *

— Рабочие мы крестьяне, — так охарактеризовала мать Забоевой Августа Андреевна свое социальное происхождение.

Она коренастая, с жарким румянцем на скулах, с усмешливыми глазами. Почти ровесница века, всего на годок его помоложе, она оказалась на удивление бодрой и легконогой. Упомянула в разговоре про дома, которые строил аж до первой мировой ее отец, искусный плотник, да тут же и предложила:

— А пойдёте, покажу.

И мы пошли вниз по зеленой Коммунистической улице. Пошли словно бы в глубь ее жизни, в глубь истории ее народа.

— Выше тайга стояла, мы с мужем на охоту ходили. Как на кого ходили? На мишку. У, этих мишек я перевидала... А тут огороды шли. А теперь ишь какие домищи понастроили.

Деревянные дома в центре города уже редки.

— Не жалко старину? — спрашиваю.

— А чего ее жалеть, — недоумевает Августа Андреевна, — старина для старой жизни годилась. Вот с собором, правда, погорячились — такой бы музей был. После революции в нем столовую устроили, а вечерами танцы. И плясала же я, грешница!

Родилась она в деревне Чит, до Усть-Сысольска (так назывался Сыктывкар) рукою подать. В семье Мальцевых была двадцать четвертой.

— Так много детей? — удивилась я.

— Да нет, у отца было всего пятеро. Мать рожала тринадцать раз, а выжили пятеро. Но отец жил одной семьей с братьями, мы и понятия не имели, кто из ребят родной, а кто двоюродный.

Хлеба до нового урожая не хватало, шли на заработки в город. И впрямь верная характеристика — «рабочие мы крестьяне». Ценили Мальцевых за мастерство и трезвость, нанимали их охотно.

— Двухэтажный дом видите? Купца Ивана Платоныча Комлина. А там стоял дом Василия Платоныча. Мать стружила тес, я лет с восьми щепки собирала, потом камень подтаскивала.

Поразительная это вещь — достоверность. Одно дело — читать про прошлое или даже представлять это прошлое по музейным экспонатам. И совершенно иное — история, воплощенная в судьбе конкретного человека. В судьбе, например, моей спутницы.

...Когда в беседе с Ией Васильевной мы вышли на размышления о социальных сдвигах, о нашем образе жизни, она сформулировала на привычном для нее научном языке: «Вы хотите с конкретных примеров смоделировать закономерности». Точно. И чем больше размышляю я над судьбой женщин ее семьи, над судьбой коллег Забоевой, с которыми познакомилась в Сыктывкаре (как жаль, что размеры очерка не позволяют рассказать о каждой из них!), тем ярче проступают закономерности.

Но не будем забегать вперед. Вернемся к Августе. В школу ей довелось ходить всего три зимы. Отец ее жалел, хотел бы учить дальше, но в городской школе надо было за

девчонку платить. А тут началась первая мировая. отца взяли на фронт.

Тогда-то и покатила она в Питер. Было принято: чтобы сколотить приданое, разъезжались девушки коми по большим городам. В Петрограде жила в горничных тетка Густа Сашенька. Упросила хозяев пустить в ее же каморку и Густю. Хозяева горничную ценили, согласились, но с условием: пускай Густа поможет следить за паркетом. Каждую ночь перед рассветом, когда самый-самый сон, тетя будит: «Пора!» Надевают на ноги щетки — и айда по комнатам.

— Ну точно фигурное катание, — смеется Августа Андреевна. — Молодые же! А к восьми я должна быть в швейной мастерской, куда меня отдали в ученье. Хозяйка Елена Семеновна любила во всем порядок. Целый день ношусь — то в Гостиный двор за булавками, то на примерку с мастерицей.

За год «ученья» хозяйка не подпустила ее к швейной машинке, хотя плату взяла по уговору сполна — пятьдесят рублей за год, огромные по тем временам деньги. Это было самое обидное, что не учат. Вечером, убирая мастерскую, тщательно складывая возле каждой машинки недошитые платья, Густя цепко разглядывала, какая строчка, какие карманы, какой воротничок. Из лоскутьев с оглядкой кроила игрушечные наряды и шила, повторяя модные фасоны.

Богатые заказчицы смотрели на шуструю девочку как на диковинку. Узнав, что по национальности она зырянка, что приехала из таежной глуши, раскошеливались на чаевые. Густя во всем себе отказывала, копила. Но уж больно медленно копилось приданое.

Зато другое приданое копилось быстрее — классовое сознание, классовое чутье. Почему добрая Ириша, помощница мастерицы, живет у дяди в чулане без окна, а Нюра с отцом и вовсе на чердаке? Почему, когда они всей мастерской примкнули к забастовке, хозяйка промолчала, не перестала их кормить — боится? Почему тетя перепугалась, когда Густя принесла в дом большевистскую газету?

Трудно было разобраться. Царя скинули, а в мастерской все по-старому: Елена Семеновна осталась владелицей, за двенадцатичасовой день, не поднимая от машинок головы, мастерицы зарабатывают гроши.

— К нам приходили... не знаю, как назвать... студенты, видно. Читали нам лекции, водили на собрания. Книги давали. Тетя ругала: «Ты допрыгаешься, и меня из-за тебя выгонят. Как бы дети не увидели. Читай под кроватью».

Студенты повели швей как-то в Смольный. После Октября они именовали работниц «товарищами революционерками». Елены Семеновны в мастерской уже не было.

— Знать бы, кого я тогда услышу, — говорит Августа Андреевна откровенно, — я б окаменела! А то стоим на балконе, со всех сторон напирают, мы хохочем, переглядываемся, а тут кто-то вышел на сцену, и студенты нам: «Это Ленин! Запоминайте каждое слово!»

Хозяева квартиры были недовольны Густей.

«Уезжай ты от греха подальше! — упрашивала тетя. — Чует мое сердце, не сносишь тебе здесь головы!».

— Я не хотела уезжать. Сутки редела. А что делать — собралась. Товарищи мне газеты дали: вези к зырянам правду о революции. Попала домой на седьмые сутки... Как газеты пригодились: агитатор из меня, конечно, небольшой, но все же рассказывала про Питер. И очень хотелось учиться! Шила я тогда уже неплохо, но к другому тянуло. На люди.

* * *

Собственный ее дом: доживает последние денечки: рядом растет многоэтажный гараж.

Прочный же дом отстроил отец для любимой дочки! «Бревна везли гужом, — поясняет Августа Андреевна. — Если лес водой плывет, нет уже в нем той силы, а тут вся смола на месте».

Строили дом на счастье. Какое оно ей выпало, счастье, никто и не знал, даже родственники. Веселая ходила. Муж на серьезной должности, все больше в разъездах. Дочка подрастает, сын Боря. Пошла на курсы счетоводов: кто поверит, что муж против учебы?

Воспользовалась его длительной командировкой, окончила шестимесячные курсы медсестер. Назначили сестрой в хирургическое отделение. «И так мне работа понравилась! Людей облегчать... Врачи убеждают: обязательно, мол, надо тебе учиться дальше. А я не могу объяснить, что муж против. Мучаюсь. Потом все-таки решилась и поступила на курсы усовершенствования. «Хоть трава не расти, буду учиться», — говорю мужу. А он: «У тебя семья, дети. Третьего ждешь!» — и учебники мои в печку побросал... Потом я с ним разошлась»...

Как же велика должна быть тяга к знаниям, чтобы женщина в тридцать пять лет, обремененная детьми, засиживалась над книгами до полуночи. Все задания она учила наизусть, потому что своими словами рассказать не могла, не хватало запаса слов. Ребята с их хваткой памятью запомнили все медицинские премудрости раньше ее и подсказывали, если сбивалась.

Не ведая, мать преподавала детям нравственный урок стойкости в отстаивании своей мечты. И еще одному учил ее пример: у человека может не сложиться что-то в личной жизни, тут не всегда можно все спланировать и выровнять. Но главное для человека — найти себя в деле.

Вот какое приданое получила на пороге самостоятельности Ия Забоева. И не материна ли закуска — трудовая, общественная — помогла ей все ее студенческие каникулы ударно работать на сплаве леса? Не она ли выручала и в экспедициях? И не материна ли негибамость помогла Ие пережить ту зимнюю ночь, когда сообщили, что на стройке погиб ее муж? Девчонка тогда было по два с половиной года.

...Сегодня на пороге самостоятельности следующее поколение.

Таня похожа на сестру и не похожа: мягче, застенчивее. Прямо-таки тургеневская девушка. Может быть, это впечатление — от модной, удлиненной юбки, от батистовой блузки в мережках (между прочим, собственного изготовления). Она всерьез увлекается искусством, у нее большая и интересная коллекция репродукций.

В их 14-й школе, рассказывает Таня, в начале учебного года вывешивается специальная газета, посвященная выпускникам: кто куда пошел работать, кто куда поступил учиться. Под Сашиной фотографии подпишут: «Студентка МГУ», мама вчера звонила из Москвы, обрадовала. А у Тани экзамены впереди.

Да, экзамены впереди. Много экзаменов. На целую жизнь хватит.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

РАБОТНИЦА

Ежемесячный общесоюзно-политический и литературно-художественный журнал

Основан 8 марта 1914 года

СЕНТЯБРЬ 1976 ● МОСКВА ● ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ТАК МЫ ЖИВЕМ

ЛАПАЕВА Елена Ивановна, секретарь исполкома Шушенского районного Совета депутатов трудящихся, Красноярский край.

1. Какой друг и радость с тобой разделит и в трудный час окажется рядом, чего бы это ему ни стоило? Преданный. Преданность и общность взглядов в главном—это самое дорогое в друзьях. Работается хорошо рядом с людьми энергичными, целеустремленными (второе, пожалуй, даже важнее), с теми, кто живет не вчерашним днем, а чувствует сегодняшние требования, способен не только замечать перемены вокруг, но и творить их.

2. Все знают, что в семидесятом году у нас открыт мемориальный музей-заповедник «Сибирская ссылка В. И. Ленина». Восстановлен уголок старого сибирского села, и можно увидеть Шушенское таким, каким увидел его ссыльный В. И. Ульянов в конце прошлого века...

Кто не мечтает побывать в местах, связанных с таким дорогим для нас именем! В последнее время многие получили возможность сделать мечту реальностью. Едут группы школьников, студенты, едут люди

Каждый день несет нам ощутимые перемены. Открывая свежую газету, мы узнаем, что пущена турбина новой ГЭС или открыто месторождение газа, вступил в строй завод или сданы жилые корпуса. Хроника великой нашей стройки... Самая человечная из исторических хроник, потому что стройка эта ведется для человека, потому что главной своей задачей наше государство, наша партия считают рост благосостояния народа.

Высокая человечность пронизывает все происходящее вокруг, всю нашу жизнь. К этому привыкаешь. Этого порой не замечаешь. Мастер, достигший вершин в своем деле, всю душу вкладывает в подготовку молодых... Фабрика заботится о быте и отдыхе рабочих—строит для них квартиры, ясли для их детей, клубы, санатории... Любой человек получает возможность для полного раскрытия своих умственных и духовных сил. Работница становится директором завода, колхозница—академиком... Этому мы уже не удивляемся, это вошло в плоть и в кровь нашей действительности.

Когда легко дышится, о воздухе не думаешь. О воздухе вспоминаешь, когда его не хватает.

А вместе с тем весь наш образ жизни—самое удивительное историческое завоевание советского народа.

Мы задали три одинаковых вопроса женщинам из разных концов страны, разных профессий, разного жизненного опыта, разных национальностей:

1. Какие качества Вы цените в своих коллегах и своих друзьях?
2. Что изменилось за последние пять лет в Вашей жизни, в жизни предприятия, города?
3. Какую судьбу Вы пожелали бы своему ребенку? Ваше понимание счастья?

Вопросы эти, конечно, далеко не охватывают всего разнообразия нашего бытия, нашего времени, не охватывают всех сложностей наших будней. И ответы отнюдь не претендуют на масштабные обобщения. Но, как в частице отражается целое, так и в них, в размышлениях шести женщин (интервью с ними мы публикуем в этом номере журнала), отражаются нравственные законы жизни нашего общества.

семейные, с детьми. И мы теперь всех можем принять. Построена большая гостиница «Турист», две туристские базы, «Искра» и «Журавленок», первая—семейная, вторая—детская.

Два городских микрорайона выросли в Шушенском за прошедшую пятилетку—это и многоквартирные, современные дома со всеми удобствами и различные службы быта. Построили большой торговый центр, банно-прачечный комбинат, открыта новая библиотека, и вот-вот сдадут строители новый кинотеатр. Названия пока нет—объявили конкурс.

Перечисляю, и самой не верится: неужели все за последние пять лет, не ошиблась ли? Да, еще ведь школа на 960 мест, два детских комбината—они приняли по 240 ребятишек. Очереди в детские учреждения теперь нет. Знаете, как это приятно, отчитываясь перед избирателями, сообщить: «Проблема решена».

Городские приметы появляются во всех селах нашего района. Изменился сам жизненный уклад, меняется психология людей. Раньше в Шушенском сносим дом, освобождая место для новой застройки, так хозяин просит выделить ему участок земли: по-прежнему желает жить «своим домком». Сейчас все хотят переехать в новую квартиру с центральным отоплением, электрической плитой.

В личной жизни у меня два значительных события: заочно окончила юридический институт, факультет советского строительства, и стала бабушкой. В том, что это почти совпало, нет, наверное, ничего исключительного, сейчас многие учатся невзирая на возраст.

Ощутила ли пользу диплома? Да, уже на втором, третьем курсе института почувствовала, что работаете легче, интересней, чем раньше. Быстрее вникаешь в суть жалобы, предложения, с которыми человек пришел, сразу видишь обоснованность либо незаконность его претензий и, главное, опираясь на знание законов, быстрее ему поможешь.

3. Я, наверное, счастливый человек. Вот вы спросили про детей, про то, что хотела бы им пожелать, а я сразу подумала, да чтоб все у них сложилось так, как у нас с мужем. У нас всегда была цель, близкая или далекая. Всю жизнь оба учились. Муж ведь в семнадцать лет ушел на фронт и только после войны обретал профессию. Мы всегда знали, для чего живем, работа приносит удовлетворение, семья радовала—не будь у меня такой надежной семьи, где все друг друга поддерживали, куда меньше успела бы я в жизни.

Дети наши уже самостоятельные. Дочка окончила сельскохозяйственный институт; сын, отслужив в армии, работает шофером. Хочется, чтоб взяли они у тебя то, чем сам дорожишь, усвоили твои понятия о жизни. Очень дорого взаимопонимание, которое объединяет всех членов семьи.

В БУДНЯХ ВЕЛИКОЙ СТРОЙКИ...

Донская степь... Напоенная запахами пыли и чебреца, она снова просыпается от рокота мощных моторов, ударов по упрямым сваям. Так было и четверть века назад, когда здесь, в опаленной ветрами степи, возводился город.

Волгодонск рожден гидростроителями, теми, кто создал Цимлянскую ГЭС, судоходный канал и рукотворное море.

Сейчас город обретает вторую жизнь.

Сюда устремились тысячи строителей, романтиков и энтузиастов, возводить крупнейший завод энергетического машиностроения — Атоммаш.

...На главных объектах почти не видно людей. Лишь высоко над землей в переплетах металлических балок мелькнет фигурка монтажника или выльнет из кабины крановщик. Работает техника: режут, утюжат землю, тяжелые бульдозеры и скреперы, один за другим выплывают из котлована груженные красноватой глиной самосвалы.

Член парткома треста «Волгодонскэнергострой» Лариса Леонидовна Абрамова — она работала на стройках КАМАЗа и вроде привыкла к громадным размахам и темпам — говорит:

— На Атоммаше сроки до предела сжаты. Уже в будущем году надо сдать первую очередь завода. Ни за рубежом, ни у нас нет пока подобных предприятий. Представьте себе — главный корпус номер один: длина — 744 метра. Он будет из стекла и металла, наружные стены — из трехслойных панелей. А внутри — уникальное оборудование: листоштамповочный пресс усилием 15000 тонн, мостовой кран грузоподъемностью 1200 тонн.

Промышленная площадка займет 660 гектаров. В состав комплекса войдут завод из трех производственных корпусов и объектов вспомогательного назначения, теплоэлектроцентраль мощностью 260 тысяч киловатт, судоходный канал и механизированный причал для тяжеловесных грузов.

Раиса Ивановна Бедюх, секретарь Волгодонского горкома партии, увлеченно рассказывает:

— Я много лет живу в Волгодонске. После окончания университета десять лет работала на химическом комбинате имени 50-летия ВЛКСМ.

Хорошо, что в нашем городе «прописалась» такая грандиозная стройка. Весь город — от мала до велика — живет сегодня ею. Создается не только Атоммаш, но и новый город, втрое больше сегодняшнего. Опыт Набережных Челнов и Тольятти учит, что благоустройство города, социальное, культурно-бытовое и жилищное строительство должны вестись параллельно с производственным и даже опережающими темпами.

Работает техника: режут, утюжат землю, тяжелые бульдозеры и скреперы, один за другим выплывают из котлована груженные красноватой глиной самосвалы.

За прошлый год только для Атоммаша ввели в эксплуатацию 25 тысяч квадратных метров жилой площади, столовые, магазины и другие объекты.

А в нынешнем году будет сдано более 150 тысяч квадратных метров жилья, 2 школы на 1200 мест каждая, 4 детских дошкольных учреждения на 1120 мест, школа рабочей молодежи, 2 магазина, поликлиника. Идет реконструкция порта, железнодорожного вокзала, аэропорта и многое другое.

Людмилу Каминскую застать на месте трудно. У заместителя секретаря комитета комсомола много дел. Вчера на стройку прибыли 730 молодых строителей из различных республик и областей нашей страны. Все по комсомольским путевкам. Конечно, со всеми новичками сразу познакомиться трудно, но надо побывать в общежитиях, посмотреть, как устроились, ответить на вопросы.

— У нас, — говорит Людмила, — создано 37 комсомольско-молодежных коллективов — участков, смен, бригад. Многие приезжали к нам в поисках романтики. Они представляли себе, что будут жить в палатках, шагать по колено в грязи, а им предлагают современ-

ные общежития в пятиэтажных домах, спортивные площадки, Дворец культуры, концерты столичных артистов. Некоторые разочарованы: где же место для подвига?

Другие приезжают семьями с маленькими детьми и сразу требуют изолированные квартиры, место в детсаде, яслях. «Мы читали в газетах, — говорят они, — смотрели в телепередачах — для нас строится новый город... Все правильно, но ведь город строится, а не построен.

Людмила Ивановна Рудь.

Растет главный корпус № 1 Атоммаша.

...Мы сидим в бытовке, за столом, покрытым белой бумажной скатертью. За фанерной перегородкой слышны голоса и смех девчат.

Людмила Ивановна Рудь, бригадир штукатуров, выслушивает мои вопросы, кивает головой, а сама — чувствую — думает о своем.

— Давайте сделаем так, — вдруг прерывает она меня, — вы сейчас познакомитесь с девушками, побеседуете с ними, а я побегу выбивать раствор.

...Молчаливая Данута БернатовичUTE смущается. Потупив глаза, как на школьном экзамене, рассказывает:

— После восьмилетки поступила в торговую училище. Потом работала два года в столовой, а вечерами училась — окончила десятилетку. Перешла на химзавод, где работали родители, контролером. В прошлом году по комсомольской путевке приехала сюда. В учебном комбинате выучилась на штукатура. На практику попала в бригаду Людмилы Ивановны и осталась здесь.

— А почему, — спрашиваю, — выбрали эту бригаду, а не другую?

— Здесь девчата — как одна семья.

— И правда, — поддерживает подругу Валентина Латарцева. — Я приехала сюда из Сибири с мужем и двумя детьми. До этого много лет не работала, растеряла сноровку. Я постарше девчат, мне их вроде учить надо, а я всю бригаду назад тяну. Подумывала уйти, да Людмила Ивановна помогла. Сейчас четвертый разряд у меня.

— Везут раствор! — услышав гул мотора, закричали девчата.

Бытовка тут же опустела. Я заметил у стены щит. На нем слова: «Бригада Рудь Л. И., кавалера ордена «Знак Почета», заключила договор о соцсоревновании с Героем Социалистического Труда, делегатом XXV съезда КПСС, заслуженным строителем РСФСР Жуковец В. И. под лозунгом: «Я — хозяин стройки».

— Не успели прикрепить над новым объек-

«Создать и освоить мощности первой очереди Волгодонского завода тяжелого машиностроения и развернуть строительство второй очереди этого завода».

Из «Основных направлений развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

том, — поясняет вошедшая Людмила Ивановна. — А если честно, стыдно мне сейчас этот транспарант вешать. Несколько дней уже нормы не выполняем — с раствором перебои.

Для Людмилы Ивановны Рудь профессия строителя потомственная. В семье росли пятеро, и все девочки. Людмила была младшей. Часто, возвращаясь с работы, Иван Фомич слышал, как вздыхали вслед ему хуторяне: «Не везет мужику, кому передаст свое ремесло». Но ошиблись земляки. Две дочки стали строителями: Тасисия — сварщиком, Людмила — штукатуром. И обе сейчас на Атоммаше. Муж Людмилы — тоже штукатур, растут сын Володя и дочка Леночка. В первом девятиэтажном доме получили трехкомнатную квартиру. На новоселье пришла вся бригада.

Коммунист, член ревизионной комиссии Ростовского областного комитета партии Людмила Ивановна Рудь пользуется заслуженным уважением у волгодонцев. Второй раз избирают ее депутатом горсовета.

— У вас может создаться впечатление, что тут с раствором всегда так, — возвращается к нашему разговору бригадир. — Нет, конечно. План мы выполняем, даем в среднем 120 процентов. Но могли бы давать больше. Жилье нужно позарез. Некоторые на частных квартирах живут, по 35 рублей в месяц платят. Сейчас на стройке много молодежи. И влюбляются и женятся. А семья появилась — ей квартиру давай. Нужно скорее строить жилье. Вот и воюю за раствор...

...С каждым днем Атоммаш набирает силы. Растут мощные корпуса завода-гиганта. А рядом с ним поднимаются белые многоэтажные дома — словно огромные паруса, плывут над степью.

Р. ХАРЧЕНКО

Фото автора.

На отделке дома бригада Л. И. Рудь

ТАК МЫ ЖИВЕМ

ЧУЛАНОВА Вера Никитична, начальник лаборатории НОТ Волховского алюминиевого завода имени С. М. Кирова, Ленинградская область.

1. Среди многих прекрасных человеческих качеств я не могу выделить те, которым бы отдала предпочтение. Воспринимаю человека в целом. И подчас людям прямо противоположного психологического склада отдаю свои горячие симпатии.

Вот инженер Евгения Корицко. Человек же-

сткий, непримиримый, принципиальный—без всяких скидок, человек напористый.

Наша лаборатория изыскивает резервы повышения производительности труда. Железнодорожный цех долго открещивался от наших предложений: мол, у железнодорожников особое положение на заводе, четкого порядка навести невозможно. Корицко разобралась во всех «объективных» причинах и добилась, что теперь этот цех, как и все остальные, работает по комплексным планам повышения эффективности производства. Там, где нужно сломать косные представления, где нужно добиться своего, Корицко—незаменимый человек.

Инженер Анна Тимофеевна Антипова—сама душевность. Мягкая, уступчивая, негромкая, но и она в нашем небольшом коллективе просто незаменима. Если надо кому-то помочь, к чему-то подключиться в трудный момент, Антипова первая. Все самое тяжелое берет на себя она и в семье. У нее двое детей, замечательный муж—Петра Григорьевича знают в Волхове. Инвалид Отечественной войны, человек, потерявший руки и ноги, он сумел и в мирные дни остаться в строю. Петр Григорьевич—лесничий, Герой Социалистического Труда. Стоит ли говорить, какая помощница с ним рядом?

И все-таки что я имею в виду, когда говорю себе—настоящий человек, хороший работник? Назову это направленностью личности. Жить для других, для всех, для общества—это, по-моему, прекрасно. Для себя, только для себя—отвратительно. Не люблю людей равнодушных, безынициативных, умудряющихся жить по принципу «моя хата с краю».

2. Очень многое. Теперь я дважды бабушка. Старшая и средняя дочери стали инженерами, успели обзавестись семьями. Внуку Вите третий год, внучку Женечку еще не видела—родилась она этой зимой в Синегорье, Магаданской области, куда дочь Галя с мужем поехали после института.

Младшая моя дочь окончила десятилетку, работает на нашем заводе лаборанткой. Так что событий у нас с мужем хватает.

В работе тоже значительные перемены. По образованию я инженер-экономист. Завод свой знаю, работаю здесь давно. Была и секретарем парткома. Когда создали лабораторию научной организации труда, я, чтобы определить фронт ее работ, ездила за опытом на Урал.

Один из важнейших участков нашей работы—комплексное социально-экономическое планирование. Руководство завода серьезно отнеслось к новой службе, в штат вошли опытные, образованные специалисты. И все-таки первый план социально-экономического развития предприятия на 1971—1975 годы дался заводскому коллективу не просто. Тем радостнее было убедиться, что он оказался реальным.

Всего, что сделано для наших людей, для профессионального и духовного роста, для роста их благосостояния, сразу не перечислить.

За пятилетку модернизировали производство в электролизном цехе, автоматизировали обработку слитков.

Ежегодно завод сдает по жилому дому, каждый в среднем на 100 квартир. Построили профилакторий, где за год 1200 человек могут поправить свое здоровье. На турбазе «Андреевщина» поставили 12 семейных домиков.

Сейчас мы приступили к выполнению плана социально-экономического развития предприятия на 1976—1980 годы. Высокое качество продукции, повышение эффективности производства... К выполнению этих задач коллектив подготовлен. За девятую пятилетку добились Знака качества для 7 изделий, в первые месяцы десятой пятилетки Знак присужден еще 6 видам продукции.

Сегодня мы ищем резервы в людской психологии, в отношении каждого к делу, в инициативе каждого.

Немного о родном городе. В девятой пятилетке залечили оставшиеся рубцы войны—в Волхове снесены последние бараки. Построен больничный комплекс, новый хлебокомбинат, растет парк имени 50-летия Октября.

3. Дети и счастье. Я всегда связываю эти понятия. Вот только что иметь в виду при этом? Иногда мы, родители, снижаем понятие счастья до благополучия, стремимся оградить детей от трудностей, от их преодоления. И в результате... В результате случается—восемнадцатилетний эгоист на шею родителей.

Но так уж устроено наше общество, что, как правило, самостоятельная жизнь выпрямляет такого человека, исправляет наши родительские ошибки. Но лучше бы их не допускать.

Я очень ценю счастье творческого, трудового, нравственного единения в коллективе.

ИЗ ПОЭТИЧЕСКОЙ ТЕТРАДИ

Нина БЯЛОСИНСКАЯ

Учусь у дудочки старинной,
у древней палочки бузиной—
влекусь на безыскусный зов.
Семь дырочек.
Семь долгих гласных,
Семь простодушных, полновластных,
не знающих полутонов.
И длится голос изначальный,
великодушный и печальный.
Плывет.
А я на берегу
душой смирившейся, повинной
учусь у дудочки старинной.
И научиться не могу.

Выходишь из дома
без четверти восемь.
Холодное лето
похоже на осень.
Неяркое солнце
ушло восвояси.
Смыкаются тучи,
и путь их неясен.
Зеленые листья
над нами не кружат,
но, словно опавшие,
видятся в лужах.
И ветры назойливо
ластятся к людям
и шепчут, что лета
не будет, не будет.
И пляшут угрюмо
под сумрачным светом...
А может, сама ты
прощаешься с летом?

ГОРОД МИЛЛИОНЕРОВ

Малин — обыкновенный райцентр, каких много на Украине: редко прерываемая тишина, белые, в один этаж домики, окруженные садами, чехарда запахов — жасмин, жареная рыба, dust, а откуда-то тянет болотной сыростью, благоухает свежескошенная трава... Оттесняемые с проезжей части «Жигулями» да «Москвичами», жмутся к заборам запыленные велосипеды, на которых восседают дядьки в кепках и жинки в платочках; к велосипедному рулю приторочена «вечная» хозяйственная сумка из кирзы.

Вот все или почти все, что сможет заметить не слишком любознательный либо слишком торопливый приезжий, если он не пройдет по главной малинской улице дальше, за мост.

...А за мостом словно другой город. Блещат широкие окна многоэтажных домов. Улицу окаймляют изящно изогнутые светильники на высоких мачтах — прямо по столичной моде. Просторная планировка. Скверы. Дворец культуры — можно не смотреть на вывеску, и так видно: дворец! Великолепное здание школы.

На крышке водопроводного колодца, врезанной в тротуар, отлиты буквы: «Малин. бум. ф-ка. Мех. цех».

— Да, — улыбнулся Владимир Николаевич Неманихин, директор «Малин. бум.» — Малинская бумажной фабрики, — это наших рук дело — водопровод. Весь поселок (по-столичному микрорайон, кажется?) со всеми удобствами современного города строили мы, фабрика. На свои средства — средства предприятия. Своими руками. Для себя. Нет-нет, от производства никого не отрываем. Давно уже создали при ОКСе группу строителей. Собственно, какая группа — 450 человек! Цех зодчества. Вот они и строят. Жилые дома, производственные помещения — все, что находим нужным строить. Техничкой, конечно, располагаем. Самосвалы, краны, бульдозеры, автопогрузчики — что еще нужно, чтобы строить быстро, прочно, с соблюдением всех государственных норм? Да, вы правы, средств не жалеем. В прошлом году, например, около 600 тысяч рублей пошло на жилье. И вот вам другая цифра: в том же году больше шести миллионов рублей капложений мы потратили на расширение фабрики, на модернизацию оборудования. Какая связь? Я бы сказал, социальная. Если на производстве человек имеет дело с современным оборудованием, а дома лишен элементарных удобств, как вы заставите его поверить во всесторонность, всеохватность научно-технического прогресса, в то, что научно-технический прогресс в социалистическом обществе прежде всего ведет к повышению жизненного уровня народа?

Мы не только строим, — продолжал директор. На лице его появилось выражение озабоченности. — Я мог бы, конечно, перечислить вам те социально-культурные мероприятия, которые считаю важнейшими и постоянными статьями расхода. Но сам по себе этот перечень, вероятно, мало о чем скажет. Что конкретно, в достаточной ли мере получает от фабрики каждый работающий, его семья — вот что важно. И тут нам, мы в этом убеждены, работать и работать еще. Пойдете в цехи, — поднялся Владимир Николаевич, заканчивая разговор, — поговорите с людьми... В общем, увидите все сами. Ласкаво просимо, как говорят у нас на Украине!..

...Что увидел он, Владимир Николаевич Неманихин, когда в 1951 году приехал сюда директором?

Его встретили дикие заросли крапивы да бурьяна, залопившие не только фабричный двор — весь город. Война крепко похозяйничала в этих местах, и далеко не все ее следы были стерты. Малинская бумажная, 1871 года рождения, выглядела действующим музейным экспонатом. Действующим на пределе своего дряхлого, к тому же израненного войной оборудования. Между тем стране требовалось как можно больше продукции, которую выпускала Малинская фабрика — главный поставщик конденсаторной бумаги для электротехнической и радиоэлектронной промышленности. Год 1951-й стал годом второго рождения фабрики. Началом коренной реконструкции и решительного наращивания производственных мощностей. Началом большого строительства.

НА ФАБРИКЕ ЗА 25 ЛЕТ:

Установлено много нового, оснащенного автоматикой оборудования — от поточных линий конических мельниц для размла бумажной массы до отделочных станков. На

агрегатах, смонтированных и освоенных на фабрике, отливаются тончайшие сорта конденсаторной бумаги — толщиной до четырех микрон (высота пачки из 250 листов такой бумаги не более одного миллиметра).

Осуществлена модернизация старого оборудования («омоложение», как говорили на фабрике).

Пущен в эксплуатацию цех кондиционирования воздуха — «цех здоровья». С его помощью в производственных помещениях постоянно поддерживается «заказной» климат, с установленными влажностью и температурой воздуха.

ЗА ЭТО ЖЕ ВРЕМЯ ФАБРИКА ПОСТРОИЛА:

Более 150 жилых домов; общежитие на 360 мест (со всеми удобствами); механизированную прачечную; три корпуса детского комбината (проблема устройства детей дошкольного возраста решена полностью); загородный пионерский лагерь (он может принять всех желающих); школу на 1000 учащихся; двухэтажное здание здравпункта с кабинетами врачей-специалистов, водолечебницей, кабинетами физиотерапии; профилакторий на 75 мест. Фабрика благоустраивает и старые дома поселка — к ним подводятся отопление, водопровод, канализация, обеспечивается газоснабжение; принимает долевое участие в строительстве санаториев в Трускавце и Бердянске.

Когда Шурку привезли на фабрику, почти ничего этого там еще не было. А хоть бы и было! Она решила твердо: сберу! Но... осталась. Почему? Когда я двадцать с лишним лет спустя спрашиваю у нее об этом, брови на круглом, улыбочивом лице Александры Виноградовой недоуменно поднимаются: в самом деле, почему? Ножки у нее, шестнадцатилетней, были ох какие резвые! Из детдома убежала. А фабрика удержала. Чем же это, интересно знать?

...Ей сказали: будешь бобинорезчицей. Не сразу, конечно, поучишься сперва. Видишь рулоны? Это готовая бумага. Покажем тебе потом, какой длинный путь превращает целлюлозу в бумагу. А здесь, в отделочном цехе, ее уплотняют на каландрах и, последняя, заключительная операция — рулоны режут на бобины. Вот на этих станочках. Запорела бобину — труд всей бригады насмарку. Поняла? «Чего ж тут понимать? — усмехнулась про себя Шурка. — Резать, как колбасу, да и все». И неожиданно слотнула слюну, отчетливо представив себе красноватый, пахнущий чесноком кружок, отведать которого ей всего-то довелось разочка два.

С сомнением посматривала Ольга Тарасюк, старшая бобинорезчица, на свою молоденькую подручную. Была с ней ласкова, терпеливо учила приемам вовсе не простой, как может показаться новичку, специальности, но что на уме у этой девчонки? На девчонку-то непохожа, все у нее мальчишечье: одежда, вихры, резкий голос, резкие жесты...

Однако работать новенькая любила. Даже замечали с удивлением, что чем «важче» работа, тем веселей блещат синие глазенки Шурки Виноградовой.

Первое время, пока она была ученицей (велик ли заработок ученицы!), фабрика бесплатно кормила Шурку в своей столовой. Цехком каждый месяц вручал ей три рубля («Пойди, Шурочка, в кино», «Купи себе сладкого»)... Но вот уже и зарабатывала она прилично, освоив специальность: перевели ее на другой станок — Шура сама теперь была «старшей». Словом, самостоятельный человек. Что же, беспокойный, бродяжий дух Шурки Виноградовой выветрился? Или пал, побежденный интересом к первой в жизни профессии?

Что, кроме профессии, кроме работы, вошло в жизнь девушки, выросшей под детдомовской крышей?

У нее появились близкие, самые дорогие ей люди: Ольга Тарасюк, Ольга Захливная, тоже старшая бобинорезчица, Вера Костюченко — бухгалтер отделочного цеха... Сказать, что эти люди помогли Шуре

сделать несколько труднейших в ее жизни переходов: от ученицы до подручной, от подручной до бобинорезчицы, а потом и к более сложной специальности каландровщика, от начального образования к среднему,— сказать так будет неточно, неполно. Более важными, пожалуй, были иные изменения. От легкости, прямолинейности, жесткости суждений — к стремлению разобраться, сердцем почувствовать то, о чем берешься судить. От бесшабашности — к правилу «семь раз отмерь». От пугливой осторожности, которую когда-то вызывала в ней фабрика, к готовности «стоять до последнего» за честь предприятия. Не только за спортивную честь.

Спорт да еще художественная самодеятельность — это сфера самых популярных на фабрике увлечений. Увлечений, старательно поддерживаемых администрацией, партийным комитетом, общественными организациями. 35 тысяч рублей было потрачено в прошлом году на культурно-массовые мероприятия: работа кружков фабричного Дворца культуры, его драматический и танцевальный коллективы, которые, между прочим, не раз уже выступали в концертных залах Киева и Житомира, капелла бандуристов — одна из лучших на Украине, выставка фоторабот, представленных на конкурс, объявленный фабриком и комитетом комсомола фабрики, тематические вечера, диспуты, читательские конференции (во Дворце культуры превосходная библиотека), лекции, спектакли, концерты, автобусные и железнодорожные экскурсии по городам страны... На фабрике работает много спортивных секций, которыми руководят общественные тренеры. Богат спортивный инвентарь. Есть свой стадион — «Авангард», в распоряжении фабричных спортсменов два отлично оборудованных зала.

Какое это имеет отношение к Шуре Виноградовой? Самое непосредственное. Ножи у нее действительно оказались резвые. Она еще и фабрики-то толком не успела узнать, когда в составе сборной отправилась в Житомир, на областные соревнования. Ее велосипед пришел к финишу первым. К восторгу юной чемпионки, фабриком премировал ее ярко-алым спортивным костюмом.

Александра Виноградова.

У нее было еще два, как говорится, коронных вида: лыжи и гребля. Широкие возможности постоять за спортивную честь фабрики. Но независимо от того, добивалась ли она побед, и даже тогда, когда она перестала уже участвовать в соревнованиях, Шура могла в любой момент взять на фабрике лыжи зимой, велосипед летом и отправиться на тренировку, просто на прогулку. Не потому, что была на каком-то особом положении, а потому, что она, как все.

Вот это «как все» и объясняет, почему стала Александра Виноградова кадровой работницей Малинской бумажной фабрики.

Ощувив себя такой, как все вокруг нее, Шура почувствовала, что перестала быть бездомной. Да, сиротой она больше не была. У нее была фабрика. Многочисленная семья, где все трудились на совесть, где каждый радел за честь фабрики. И эта семья равно заботилась о каждом из своих членов.

Получив первый раз путевку, Шурка даже чуть ошалела: она — и вдруг в санаторий! Потом привыкла. Цхалтубо, Тисса, Хмельницкий, Бердянск... Ездил по льготным и бесплатным путевкам. В фабричном профилактории провела не один «месячник здоровья». Четырехразовое питание, все виды лечения тому, кто в нем нуждается. Стоимость путевки чуть больше 15 рублей. А пятая часть путевки в каждом заезде — бесплатно. Фабрике содержание профилактория на 75 человек обходится в сумму около 30 тысяч рублей в год... Дали Шуру комнату. Сперва маленькую, через некоторое время побольше.

Надо сказать, что к предоставляемым для работников фабрики благам — тем, о которых было упомянуто, и тем, о которых речь

впереди, — на фабрике относятся спокойно. Без умилений и восторгов. Словом, обыкновенно.

— Как мы прежде устраивали своих детей на лето? — рассказывает В. И. Катеринич, председатель фабкома. — Ходили по сельским школам, христарядничали: «Товарищ директор, разрешите лагерь устроить. А мы вам школу отремонтируем...» В общем, строительство своего пионерского лагеря было требованием жизни. Построили. Десятое лето мамы и папы не знают никаких хлопот: вносят за ребенка 11 рублей 94 копейки (это на одну смену), и все. Конечно, реальные расходы на ребенка несравненно больше — около 90 рублей. Но львиную долю берут на себя фабрика и профсоюз.

Ребятам в лагере хорошо: лес, берег водохранилища, в корпусах просторно, питание приличное. А мы хотим сделать лагерь образцовым, не для славы, конечно, — для самих ребят, чтобы лучше им отдыхалось. Вот поэтому на текущую пятилетку у нас запланировано еще 80 тысяч рублей на расширение лагеря и благоустройство. В наших намерениях, правда, более отдаленных, построить неподалеку от лагеря дачный поселок. Легкие, небольшие домики, в которых можно провести отпуск семьей или приехать на выходной день.

— Малыши? — переспросил меня В. И. Катеринич. — Коль скоро мы занялись подсчетами, наш детский комбинат — одна из самых важных статей расхода. Родителям содержание ребенка в яслях или в детском саду в среднем обходится в 10 рублей в месяц. Иногда чуть побольше, в зависимости от заработка. А фабрика доплачивает еще 30 рублей. В прошлом году предприятие выделило 144 тысячи рублей на различные расходы, связанные с содержанием детских комбинатов.

Сережка Дмитренко ведет пока что домашний образ жизни. Врач советует подождать еще месяц-другой, а тогда уж и в ясли можно. Советует, понятное дело, не Сережке, маме его. Мама, Валя Дмитренко, считает, что теперь все в ее быте более-менее устоялось. Муж Валя тоже работает на фабрике, накатчиком. И хорошо, что они на одном предприятии. Сидеть с ребенком некому, поэтому супругам Дмитренко дают возможность выходить в разные смены. Фабрика, спасибо ей, помогает решать и другие домашние заботы. Белье постирать берется прачечная; обедом накормит фабричная столовая — хорошая, между прочим, столовая, можно и полуфабрикаты купить... Что там говорить, самое трудное, конечно, позади! Это когда муж привез ее с Сережкой домой...

Встретил ее муж огромным, ярким букетом. Удивилась: был февраль, за окном палаты белым-бело, а тут эти цветы. Удивилась-то она, конечно, зря, что и сообразила в следующую секунду: оранжерею фабрика ведь для того и построила, чтобы торжества были настоящими торжествами всегда, в любое время года.

На консультацию к детскому врачу Валя ходит в тот самый здравпункт, который строила собственноручно. Она родом из соседнего, Коростышевского района. Закончив школу, приехала сюда. Взяли ее строителем. Полгода строила водолечебницу нового фабричного здравпункта. Потом пошла на резку бобин, в подручные. Работа нравилась. Сейчас Валя Дмитренко — бобинорезчица. Она комсорг смены, член бюро райкома комсомола. Год назад ее избрали депутатом Верховного Совета Украины.

ИЗ ПЛАНА СОЦИАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ КОЛЛЕКТИВА ФАБРИКИ НА ДЕСЯТУЮ ПЯТИЛЕТКУ

Построить жилых домов на 1 млн. 170 тыс. руб.
Один магазин и две столовых — 100 тыс. руб.
Комбинат бытовых услуг — 130 тыс. руб.

Не все то, что характеризует, так сказать, уровень социального развития коллектива, поддается жесткому планированию. Можно ли, например, назначить, кому, к какому сроку получить высшее образование, кому — среднеспециальное и т. п.? Хотя, бесспорно, в возможностях коллектива сделать так, чтобы не прекращался, напротив, ширился поход за знаниями. Прежде всего это, конечно, зависит от того, насколько серьезно принимают люди мысль о необходимости повышать знания, с чем эту необходимость связывают.

На Малинской фабрике работают 88 человек с высшим образованием, 23 — с незаконченным высшим, 254 — со средним специальным, 894 — с общим средним.

Но скажем так: на фабрике есть кому учиться. И люди учатся. На собственном примере убеждаясь в том, насколько это важно в условиях современного, сложного производства. Учатся в школах рабочей молодежи, в заочных техникумах и институтах, на дневных отделениях вузов, получая стипендию от фабрики, пославшей их на учебу. Не так давно на фабрике насчитывалось свыше 400 молодых рабочих, не имевших восьмилетнего образования. Сейчас — ни одного. Учащимся обеспечивают условия для нормальной учебы: не посылают в командировки, на сверхурочные работы, предоставляют дополнительный отпуск. Школу посещают в две смены — кому какая удобней. Применяются разнообразные формы поощрения учащихся, успешно сочетающих работу с учебой.

Им в первую очередь выдают путевки в дома отдыха и санатории. При подведении итогов социалистического соревнования, а также в конце учебного года лучших учеников отмечают денежными премиями, награждают почетными грамотами, подарками.

Считают: от того, насколько преуспевает коллектив фабрики в делах учебных, в решающей мере зависит выполнение планов развития производства.

Для того, кто не обделен чувством юмора, слушать Раису Васильевну — одно удовольствие. Разговор острый, интонация слегка ироничная, только над кем она иронизирует? Над собой? Над собеседником? Шутит или всерьез? Вот так, глядя мне прямо в глаза и без тени улыбки на лице, Раиса Васильевна Анникова сказала: «Обиделась на всех, потому и стала рацпредложения подавать — одно за другим. Понимаете?»

Насчет рацпредложений — это, я знал, правда. Только за последние шесть лет Анникова, начальник цеха промводоснабжения, подала 22 рацпредложения, которые принесли больше 20 тысяч рублей экономии. Но чтобы стимулом к техническому творчеству стала вдруг обида...

В 1968 году начались большие работы по реконструкции и расширению хозяйства химводоочистки. Монтировали сами обессоливающую установку в цехе и налаживали сами. Справились! Но вода шла не слишком хорошая. По убеждению Анниковой, в цехе должен был работать механик. Только специалист способен обеспечивать надежную работу установки. Что она и доказывала начальству, не дожидаясь разноса на очередной оперативке.

Не доказав руководству свое и «обидевшись на всех», как я понял, она задумалась, нет ли какого-нибудь дополнительного способа улучшить воду. Размышления Раисы Васильевны не были бесплодными. Потом возникла еще одна идея и еще... А там и механика, наконец, дали да еще и группу для него собрали. Установка стала работать как часы.

Наблюдая за тем, с какой, я бы сказал, непринужденной уверенностью отдает Анникова распоряжения по цеху, с какой охотой и с каким пониманием толкует она с рабочими об их профессиональных проблемах и какие дельные дает советы (вывод этот я сделал по уважительнейшим взглядам, обращенным на нее), я думал: вот человек, точно определивший свое место в жизни.

Она закончила станкостроительный техникум. С 1947 года на фабрике. Чертежница, потом техник. Одновременно училась в Ленинградском заочном лесотехническом институте. Начальник участка химводоочистки. Начальник цеха промводоснабжения...

Раиса Васильевна ведет меня по территории фабрики. Ведет в завтрашний день своего хозяйства. А это завтрашний день и фабрики. Всего Малина! Потому что вместо нынешнего водохранилища в «каких-то» 3 миллиона кубических метров, питающего водой фабрику, разольется настоящее море — почти 20 миллионов кубометров! Уже сооружена плотина, очищается будущее дно Малинского моря.

Лицо Анниковой исполнено истинного вдохновения (какая уж там ирония!), когда она показывает мне новое строящееся помещение цеха, рассказывает, что где будет, взволнованно (можно ли с этим свыкнуться!) повторяет: «Это же будет дворец! Настоящий дворец, видите!..»

Все, что сделано фабрикой в плане социально-культурных мероприятий, Владимир Николаевич Неманихин определяет как начало большой работы, рассчитанной далеко не на один год. Действительно, еще и сегодняшние потребности работников фабрики и их семей удовлетворены не полностью, что говорить о завтрашних, которые, разумеется, возрастут. Только через несколько лет фабрика рассчитывает обеспечить всех работников отдельными благоустроенными квартирами. Планируется перестройка производства — так, чтобы женщины не работали в ночную смену. И еще многое другое.

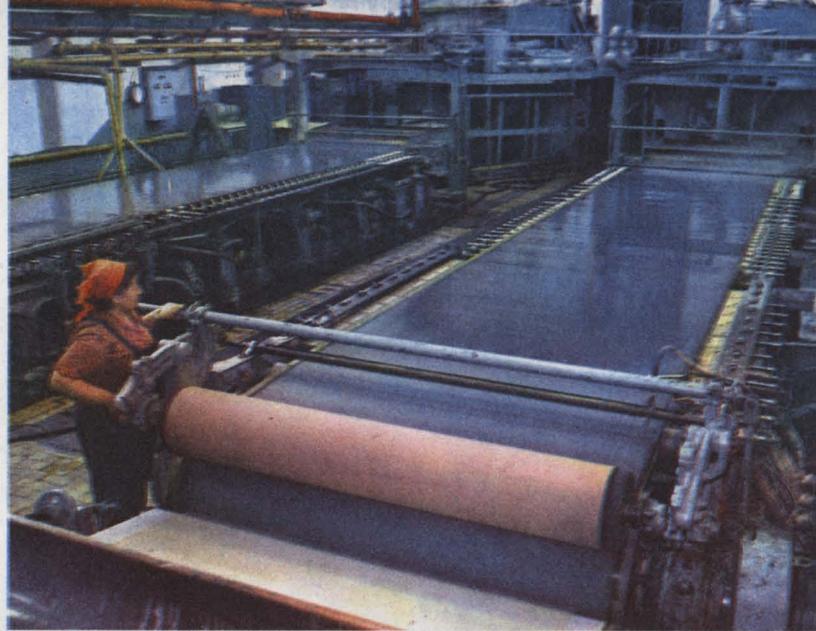
И все-таки перемены к лучшему в жизни людей очень значительны. Потребности малинцев неизменно встречают уважительное отношение. Два миллиона рублей израсходовала фабрика в прошлой пятилетке на культурно-бытовые нужды коллектива. И блага, адресованные малинским «миллионерам», растут с каждым годом...

● Любовь Михайловна Алексеенко первой в стране перешла на обслуживание двух бумагоделательных машин. Член Житомирского обкома партии, она была делегатом XXIII и XXIV съездов Компартии Украины.

● Фабричный профилакторий.

● Раиса Васильевна Анникова (слева) и лаборантка Раиса Григорьевна Вдовенко производят анализ воды.

Фото В. ШЕФФЕРА.

ДО-ХУЭ. УНИВЕРМАГ (СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ РЕСПУБЛИКА ВЬЕТНАМ).

**Имени
женщины**

«ЗДРАВСТВУЙ, МИНЬ КХАЙ!»

По центральной улице самого крупного города юга Вьетнама — бывшего Сайгона, а теперь Хошимина — не спеша идет стройная женщина. Ритмично постукивают ее деревянные сандалии.

Женщина сворачивает в переулок и вскоре останавливается у ажурных ворот, за которыми в глубине просторного двора с тенистыми платанами белеет трехэтажное здание. «Женская школа имени Нгуен Тхи Минь Кхай», — сообщает надпись на ограде, чуть повыше ворот.

— Ну, здравствуй, мама! — шепчет женщина и стоит в задумчивости, не замечая ни веселого школьного звонка, ни учениц в ярких шелковых платьях, выбежавших во двор. Они шумно окружают женщину, здороваются, называют свои имена. Вместе с ученицами она входит в большой прохладный вестибюль. Сегодня она расскажет им о той, чье имя носит школа. Расскажет о своей матери.

...Это было летом 1935 года, во время проходившего тогда в Москве VII конгресса Коминтерна. По Красной площади прогуливались двое. Невысокая, миловидная женщина с черной косой, уложенной вокруг

головы, казалась совсем хрупкой рядом с широкоплечим, крепко сбитым мужчиной. Даже случайного взгляда, брошенного на эту пару, было достаточно, чтобы сказать: идут влюбленные. И это было действительно так. Но никому, конечно, не могло прийти в голову, что и он и она в далеком, колониальном Вьетнаме заочно приговорены к смертной казни, как руководители Коммунистической партии Индокитая. Они оба были ее представителями на конгрессе Коминтерна.

Его звали Ле Хонг Фонг — Красный ветер. А его молодая спутница — Нгуен Тхи Минь Кхай — была одной из первых коммунисток, любимым вожаком революционеров на юге Вьетнама. Вышло так, что впервые они встретились в советской столице, и Москва, как в песне, познакомила их и подружила.

— У меня сегодня необыкновенный день, — говорила Минь Кхай. — Я виделась с Крупской. Она много рассказывала нам, женщинам — делегатам конгресса, о Ленине. А потом нас даже сняли для кино.

— Кино мы уже не увидим, — задумчиво ответил Фонг.

В тот вечер они покидали советскую столицу. Разными путями, по сложным конспиративным цепочкам, минув полицейские заслоны гоминдановского Китая, проскальзывая сквозь сеть шпиков, раскинутую французскими колонизаторами, оба возвращались на родину, чтобы бороться за независимость и свободу народа.

...Им редко удавалось видаться в Сайгоне. Каждый шаг подпольщиков был сопряжен с громадным риском, любая неосторожность могла оказаться роковой. «Крышей» для Ле Хонг Фонга служила торговая контора «Вьен-донг», где все считали его китайским коммерсантом Ли. Под самыми различными «прикрытиями» работала и Нгуен Тхи Минь Кхай — секретарь сайгонского подпольного комитета партии.

В 1938 году у них родилась дочь.

— Мама назвала меня Хонг Минь — Красная Аврора. Они с отцом придумали это имя еще в Москве, в честь Октябрьской революции...

Женщина на минуту прерывает свой рассказ. В классе стоит напряженная тишина. Лица девушек взволнованны.

О рождении дочери Ле Хонг Фонг узнал уже в тюремной камере. По доносу провокатора он был схвачен колониальными властями, его жестоко пытали. Накал борьбы возрастал, и мать не могла рисковать жизнью своей Авроры: маленькую Хонг Минь вскоре после рождения пришлось отдать на воспитание в крестьянскую семью, в деревню Бадием, близ Сайгона.

В сентябре 1940 года началась оккупация Вьетнама японскими милитаристами. Нгуен Тхи Минь Кхай возглавила подготовку к вооруженному восстанию патриотов.

...Штаб подпольного комитета заседал всю ночь. Связь с Севером, где находился Центральный Комитет партии, была прервана, в Сайгоне шли повальные аресты революционеров. И все же решено было начать восстание.

На исходе той ночи, едва над пальмовой рощей стал светлеть краешек неба, Минь Кхай подошла к тростниковой хижине, стоявшей в конце деревни, и осторожно постучала. Заспанная старушка, кутаясь в коричневое покрывало, высунулась в дверной проем. Минь Кхай приложила палец к губам.

Старушка на минуту скрылась и вышла со спящим ребенком на руках. Мать долго всматривалась в безмятежное лицо малышки, гладила черноволосую головку. Потом поцеловала ее и, не оглядываясь, ушла.

На явочной квартире в Сайгоне, куда на следующий день пришла Минь Кхай, ее ждала полицейская засада. Начались месяцы непрерывных допросов. Палачи изощрялись в своем адском мастерстве, надеясь заставить революционерку говорить. Однажды во время допроса в кабинет следователя втащили изможденного человека. Свет лампы упал на его лицо. Фонг! Да, это был он, ее муж, весь в шрамах и кровоподтеках, едва державшийся на ногах.

— Вам, конечно, знаком этот человек? — спросили ее.

Минь Кхай отрицательно повела головой. Фонг, не отрываясь, смотрел на жену. Но и от него тюремщики не смогли добиться ни слова.

— Ну, что ж, — сказали им, — тогда считайте ваше последнее свидание на этом свете оконченным.

...Ее расстреляли вместе с другими руководителями восстания на рассвете 24 мая 1941 года. Накануне казни Минь Кхай успела приготовить прощальный подарок дочери — подушечку с вышитой на ней надписью: «Революция не умирает». Ненадолго пережил свою жену и соратницу Ле Хонг Фонг. В сентябре 1942 года он погиб на Пуло-Кондоре — «острове смерти» в Тихом океане, куда колонизаторы ссылали революционеров. Последними словами, которые он, задыхаясь от нестерпимой боли в груди, отстучал в стенку своей одиночной камеры, были: «Я верю: революция победит!»

— Когда в мае 1975 года пришел час победы, — продолжала свой рассказ Хонг Минь, — на Пуло-Кондоре высадились воины Народной армии, освобожденные узники помогли разыскать могилу моего отца...

— А что же было с вами? — вырвалось у одной из учениц.

— До шестнадцати лет я не знала, кто мои родители. Меня передавали из одной семьи в другую. Ведь патриоты часто попадали в концлагеря, гибли в боях. Давно уже нет в живых того, кто первым приютил меня. Только в 1954 году, когда на Севере Народная армия разбила французских колонизаторов, меня разыскала одна пожилая женщина и рассказала правду о матери и отце. Потом я перебралась в Северный Вьетнам.

Еще двадцать с лишним лет пришлось

сражаться патриотам Вьетнама за дело, во имя которого отдали жизнь мать и отец Хонг Минь. В этой борьбе принимала участие и сайгонская школа, что носит теперь имя легендарной революционерки. Многие ее учителя и выпускницы были бойцами незримого фронта против агрессоров, фронта, проходившего через каждую улицу, через каждый дом.

— Сколько раз появлялись здесь тайные агенты полиции, — вспоминает директор школы Чан Тхи Ти. — Выспрашивали адреса старшеклассниц, заподозренных в связях с подпольем. Но мы водили шпиков за нос, предупреждали девушек, чтобы они успели скрыться.

— Мы не могли сидеть сложа руки, — рассказывали ученицы Хонг Минь. — Узнали, например, что в Бьенхоа находится приют для детей погибших патриотов: его организовали на свой страх и

лежит в горьком партии. Когда-то, в годы подполья, им руководила ее мать, а теперь там после окончания Ханойского политехнического института работает она сама.

Большие и сложные задачи призваны решать женщины Вьетнама на новом этапе революции. В июне этого года состоялось объединение женских организаций Севера и Юга страны в единую Всевьетнамскую федерацию женщин. «Это объединение, — писала газета «Нян зан», — создает благоприятные условия для повышения роли женщин в экономике, строительстве новой жизни, в воспитании нового человека». В цехах восстановленных предприятий, на рисовых полях вновь осваиваемых районов, в школах и больницах самоотверженно трудятся миллионы женщин. «Служить родине, хранить семейный очаг, быть равной в правах с мужчинами» — вот их лозунг.

А в школе имени Нгуен Тхи Минь Кхай

Н. К. Крупская и Нгуен Тхи Минь Кхай.

риск монахи из лагоды Ханг. Когда мы приехали туда в первый раз, то чуть не разрыдались: маленькие дети, искалеченные, обожженные напалмом, буквально умирали от голода и ран. Каждый день мы нагружали свои велосипеды рисовыми лепешками, вареной и сушеной рыбой, лекарствами, бинтами и ездил к малышам. Многих удалось выводить. Теперь, когда пришла свобода, этих ребят стали лечить в настоящих больницах. Они сыты, учатся. Но мы и теперь их не забываем.

— Наша школа должна быть достойна имени Нгуен Тхи Минь Кхай, — говорят ученицы.

Позади остались мрачные годы, когда в Сайгоне хозяйничали американские солдаты. Давно убраны с улиц проволочные заграждения, пустуют камеры тюрьмы Тихоа, где при режиме Тхиеу томилась политзаключенные. Из окон своей школы девушки с радостью смотрели, как горожане сталкивали с пьедестала бетонные фигуры американского и марионеточного солдата с автоматами в руках.

Хонг Минь прощается с девушкой и выходит на улицу. Ветер с набережной шевелит ее черные волосы. Путь Хонг Минь

продолжаются уроки. В одном из классов учительница читает выдержки из статьи Н. К. Крупской о коммунистическом воспитании: «Сейчас мы имеем громадные достижения, изменился весь облик нашей страны, народ стал организованным. Но чтобы двигаться дальше, необходимо вооружаться в гораздо большей степени знаниями».

Эти строки были написаны Надеждой Константиновной в 1935 году. Но девушкам города Хошимина кажется, что они обращены к ним — юным гражданам свободного, единого, социалистического Вьетнама.

...Если вам доведется побывать в Центральном музее В. И. Ленина в Москве, зайдите в зал, посвященный международному коммунистическому движению. Там демонстрируют небольшую киноленту о Коминтерне. На несколько секунд на экране покажется Надежда Константиновна Крупская, она беседует с молодой вьетнамкой. Это Нгуен Тхи Минь Кхай. Та самая.

Г. ГРАММАТЧИКОВ

ТАК МЫ ЖИВЕМ

КЛЫЧЕВА Майя Ильясовна, заведующая родильным домом, г. Небит-Даг, Туркменская ССР.

1. Щедрость души, человечность, готовность прийти на помощь, откликнуться на чужую беду, пожалуй, это я ценю в людях больше всего.

В прошлом году поступила к нам в роддом двадцатичетырехлетняя Майя А., мать троих детей. Родился у нее ребенок. Вначале все шло нормально, а ночью неожиданно у женщины открылось сильнейшее кровотечение. Дежурный врач, видя надвигающуюся катастрофу, вызвала из дому меня и еще двух врачей. Мы поняли: состояние больной критическое, потеря крови большая. Выход был один—прямое переливание крови (консерванты крови в этом случае не годились). Ложусь на кровать рядом с Майей, моя группа крови ей подходит. Следом за мной дают свою кровь врач Ольга Николаевна Рахманова, акушерка Тамара Ивановна Романдель, старшая сестра Ирина Васильевна Хазова, другие наши сотрудники, те, кто был в это время в больнице. К семи часам утра удалось более-менее поднять у больной давление. По моей просьбе приехали к нам из Красноводска хирурги Галина Павловна Паукер и Лидия Владимировна Сибиркина, нача-

ли делать операцию. За жизнь больной боролся весь персонал роддома. Требовалась кровь, много крови. Врачи, акушерки, сестры, нянечки, кухонные работники—равнодушных не было—все дали кровь.

Почти два месяца пролежала у нас Майя А. Вылечилась, вернулась домой к детям. А нас, работников больницы, сблизила, сама того не подозревая, эта женщина. Правду говорят, дающий всегда богаче того, кто берет.

У меня так жизнь сложилась, что всем, чего я добилась, чего достигла, что умею, я обязана хорошим людям. В русской школе, где я занималась, педагоги научили меня бороться за свою мечту: я хотела стать врачом. И я им стала. До этого туркменогинекологов в республике не было. В небит-дагском роддоме, где я начала работать после окончания Ашхабадского мединститута, мне помогали опытные русские врачи—Мария Евдокимовна Спикина, Антонина Григорьевна Угарова.

2. Мы видим, как буквально на глазах меняется жизнь. Всего семнадцать лет назад, когда я начала работать, считалось чрезвычайным происшествием, если туркменка рожала в роддоме. Сейчас же никто не рискует рожать дома. Все идет к нам. Мы

принимаем в год более двух с половиной тысяч новорожденных. И город наш за это время вырос, население увеличилось. Старый роддом стал тесноват, в сентябре мы справляем новоселье—новое здание роддома, рассчитанное на 150 коек, оборудовано по последнему слову медицины.

За эту пятилетку по инициативе нефтяников объединения «Туркменнефть» в городе, у подножия гор Большие Балханы, построен медицинский центр: городская и детская больницы, станция переливания крови.

Судьба туркменской женщины в прошлом—трагическая судьба. Только Советская власть дала ей возможность встать вровень с мужчинами. Глубокие изменения происходят в быту, в семейных отношениях. Я не говорю о таких унижающих женщин обычаях, как калым, ясак,—они ушли в прошлое безвозвратно. Но совсем недавно еще считалось предосудительным, если девушка шла по улице с юношей. Из загса выходят—муж впереди, а молодая жена в пяти шагах за ним. А теперь молодежь часто играет комсомольские свадьбы, муж моллудую жену на руках выносит из загса. Мужчины нередко берут на себя часть обязанностей по дому. При нашем роддоме, например, есть школа отцов. Мужчины охот-

ТАК МЫ ЖИВЕМ

ОКОТЭТТО Елена Николаевна, заведующая отделом по работе среди женщин Ямало-Ненецкого окружного комитета КПСС.

1. Вечная мерзлота, Полярный круг, тундра... Вы заметили, что, слыша эти слова, мы представляем мужественных, сильных людей, для которых наш суровый край—родной дом. Наверное, такие они и есть, мои земляки, люди, с которыми я работаю, которых вижу каждый день в Салехарде, с которыми встречаюсь в самых отдаленных уголках

округа. И, наверное, потому, что так холодна и требовательна тундра, мне особенно дорого в человеке трудолюбие. Не только способность много и плодотворно работать, преодолевая остатки доставшегося нам в наследство почти первобытного уклада, но именно любить этот труд, испытывать радость и от результатов его и от самого процесса созидания.

Трудолюбие—это черта, которая, на мой взгляд, определяет поведение человека, его место в обществе, его характер, его жизнь.

После окончания Ленинградского пединститута имени Герцена я начала работать в окружном отделе народного образования. Заведующий его В. И. Костецкий поражал нас своей удивительной любознательностью, способностью радоваться любому делу, любой, пусть самой дальней и самой трудной поездке, любому успеху оленевода или его детей. Человек, приехавший с далекого, неведомого для многих здешних людей юга, из Армавира, он стал своим, другом, которому рады в каждом поселке, в каждом чуме. Много высоких слов заслужил этот человек, но я бы сказала просто: он был очень трудолюбив.

2. При въезде в город установлен транспарант: «Салехард. Город на Полярном круге». Половина нашей земли, самой северной окраины Западной Сибири, «омываемой ледяными водами Карского моря, находится за Полярным кругом. Но теперь этот край стали называть землей тепла и

холода. Из шести уникальных газовых месторождений в мире с запасами свыше триллиона кубометров три—в нашем округе. Уренгойское, Заполярное, Медвежье.

Перемены, происходящие у нас, затрагивают и старые, традиционные отрасли нашей экономики—оленьеводство, рыболовство, охоту. Сейчас созданы специализированные оленеводческие совхозы, мы занимаем второе место в мире (после Чукотки) по оленеводству. Конечно, пока еще перевести довольно большую группу населения на полную оседлость трудно. Но уже многое делается. Начали пасти стада сменные звенья пастухов. Они отрываются от семьи ненадолго, нет смысла кочевать всем. Однако и тех оленеводов, которые кочуют семьями, ждут в поселках благоустроенные, теплые дома.

Три года назад направили меня в отдел по работе среди женщин окружного комитета партии. В нашем краю эта работа имеет свои сложности: колоссальные расстояния, суровый климат, бураны, заносы. И семейный быт пока еще нелегкий.

но ходят на занятия, учатся ухаживать за малышом — купать, пеленать, стирать пеленки.

Последние годы и мне принесли добрые перемены. Повысила свою квалификацию — получила первую врачебную категорию. Стала заведующей роддомом. Вновь избрана народным заседателем, уже 15 лет работаю в Верховном суде республики. Руковожу городским женсоветом. Словом, скучать некогда, жизнь наполнена событиями, движением и потому интересна.

3. Я редко спрашиваю себя: счастлива ли? Думаю, именно потому, что счастлива в том высоком смысле, когда работой можно гордиться и увлекаться до самозабвения. И личная моя жизнь сложилась так, что нас с мужем объединяет и большое чувство и общее дело: он главврач городской больницы, кандидат медицинских наук. Счастье — это дети, их у меня трое. Старший сын, Аман, учится в нефтяном техникуме. Ляля и Эмин еще в школу бегают.

Жизнь не всегда гладкая, дорога. Все в ней встретится — успехи и неудачи, радости и горе. Хочется, чтобы дети мои были стойкими: пусть удачи не кружат им голову, а поражения не лишают уверенности.

В районах округа созданы внештатные отделы по работе среди женщин, 72 женсовета.

Уже половина наших малышек ходит в ясли и детские сады. Для детей оленеводов созданы специальные школы-интернаты, где на полном государственном обеспечении сейчас находится более 16 тысяч ребят.

Но наибольшие сдвиги произошли, я думаю, в сознании женщин. Они в курсе жизни страны: получают газеты, слушают радио, передвижные библиотеки снабжают оленеводов книгами, передвижные киноустановки демонстрируют в тундре новые кинокартины.

3. Что такое счастье? Я считаю, это счастье, когда девчонка, выросшая в чуме кочевника, до совершеннолетия не видевшая радиоприемника, получает диплом педагога. Счастье, когда ей, дочери оленевода, погибшего при защите Ленинграда, доверяют один из самых сложных участков партийной работы. Мои дети (их двое — сын и дочь) мечтают о будущем, выбор которого зависит только от них-самых. Это и есть мое счастье. Счастье моего народа.

Ах ты, Лиза- Лизаветта

Рассказ

Гераниха еще порог не переступила, а Полина Ивановна уже догадалась, кого это принесло.

— Ты дома, Ивановна?

Голос тонкий, игривый. Полина Ивановна как услышала его, так чуть не заплакала с досады. Ну, что за должность такая: хоть бы утром домашней жизнью дали пожить! Нинке в школу пора собираться, и у самой Полины Ивановны перед работой дела дома есть, а тут эта Гераниха.

— Заходи, раз уж пришла, — сказала она заставшей на пороге гостье.

Та после этих слов бегом ринулась к столу, плюхнулась руками и грудью на него.

«Когда баба дурная, — подумала Полина Ивановна, разглядывая бусы на пышной груди Геранихи, — так ту дурость за сто километров разглядишь». Бус было ниток шесть, и все разные: и под жемчуг, и под бирюзу, и из натурального янтаря.

— Ты успокойся, — сказала она Геранихе, — час ранний, тебя не ждали. Сейчас отзавтракаем, Нинку в школу проводим и поговорим. Дочка вышла из спальни, как солнце из-за горы выкатилось, халат легонький, розовый, коса темная, пооблохматилась за ночь.

— Че, думаешь, всегда такой будешь? — кинула на нее завистливый взгляд Гераниха. — Все пропадет.

— Куда ж оно денется? — удивленно спросила Нина.

— Иди мойся. — Полина Ивановна рассердилась на дочь, а Гераниху, будь ее воля, взяла бы за плечи да и выставила вон. Бусы нацепила, щеки подкрасила, свеклой, похоже. Это уж как водится, каждому селу по своему несчастью. Кому ворожея-пророчица, кому лекарь-знахарь, а нам Гераниха, вечная невеста.

— Ну, сказывай, что там у тебя загорелось? — спросила Полина Ивановна, когда Нинка, зыркнув на них веселым глазом, ушла в школу.

Пыл у Геранихи пропал, она уже вроде и говорить расхотела.

— Лизавета наша... Сашку Петракова каждый вечер пускает...

Сказала и смолкла. И Полина Ивановна молчала, не сразу до нее дошел смысл слов, сказанных Геранихой. Потом собралась с мыслями, подумала: «Все, что скажу, Гераниха тут же по селу во все стороны пустит».

— Неправда это! Наговор. Лизавета — чело-

век ответственный, ее жизнь уже поклевала. Не дам я вам чернить Лизавету.

— Жалеют ее люди, а не чернят. — Гераниха надулась, не такого ответа ждала она от партийного секретаря. — Я к тебе с доброй просьбой пришла: поговори с Сашкой, пусть женится, пока в армию не загудел.

Полина Ивановна дар речи чуть не потеряла после таких слов.

— С ума вы посходили! Какая женитьба? Сашка — мальчишка совсем. Иди, Анна Герасимовна, и не трави мне душу и пенсионеркам своим накажи, чтоб имя Лизаветы не трепали.

Гераниха после этих слов натянула жакетку, повязала платок и тихо, как мышь, шмыгнула из дома. Полина Ивановна подождала, пока она выйдет со двора, и тоже стала собираться.

Шла по улице и решала, куда свернуть. То ли к Лизавете на ферму, то ли с матерью Сашки Петракова встретиться. У всех еще на памяти, как хоронили Сашкиного отца, а вот и новая беда не задержалась. Сколько же это Сашке лет? Пожалуй, двадцать сравнялось. А Лизавете? Той уже двадцать четвертый. Своей ты рукой, Полина Ивановна, писала военкому, чтобы дал Сашке отсрочку от армии. Отец помер, мать — инвалид, сын, мол, единственный. И Лизавету той же рукой к ордену представляла. Председатель тогда не очень поддерживал:

— Анкета у нее не для такого ордена...

— Это ты про то, что мужа у нее нет? Что она своего пьяницу и заспинника выгнала? Да за одно это ей положено орден вручить. Всем бабам я бы за это награды выдавала.

— Ну и выдавай. — Председатель дальше не стал спорить, подписал характеристику, как бы возложив целиком ответственность на Полину Ивановну.

...Улица в этот час была безлюдной. Дети в школе. Взрослые на фермах, в мастерских. На лавочке у калитки дома Груздевых грелся на солнышке старый Максим. Вот уж кому прозвище дали, как припечатали, — Кудря. И в молодости был кудрявый, и теперь из-под старой ушанки по лбу седые завитки раскиданы. Глаза ясные глядят весело, вроде в радости великой он оттого, что Полину, секретаря, увидел.

Так всю жизнь Кудря и прожил. Всему радовался; и чарке, и чужой удаче, и жене своей Антониде, которая родила ему двух

мальчиков-погодков, таких же, как он сам, кудрявеньких, ясноглазых. Девчонкой была в войну Полина Ивановна, лет десять ей тогда было, но помнит, как горевало село, когда пришла весть, что погибли Кудрины сыновья. Две похоронки в один месяц.

— Как пришли на этот свет,— причитала Антонина,— так и ушли, один за другим.

Полина Ивановна поравнялась со скамейкой, на которой сидел старик, протянула ему руку.

— Здравствуй, Максим Степаныч.

Кудря пожал ей руку, взгляделся в лицо.

— Чего это, Поля, к тебе Гераниха прибежала?

— Прибегала... И к вам заходит?

— Наведывает.

— Скажи, Максим Степаныч, про Лизавету тебе ничего не говорили?

Кудря заерзал на скамейке.

— А че про Лизу мне говорить? Лиза сама до нас бегаёт. И Сашка ейный забегает.

«Ейный». У Полины Ивановны сердце будто кто дернул. Значит, уже и нет никакой тайны, все село знает. Может, как раз эту тайну от нее, сговорившись, и охраняют. Ну, раз начала, надо до конца допрос доводить.

— Что же Сашка, жениться на Лизавете собрался?

Кудря посерьезнел, накрыл нижней губой верхнюю и глубокомысленно поглядел вверх.

— Жениться, считаю, ему рановато. В армии еще не был, отсрочку дали, а служить надо. Опять же профессии, чтоб семью кормить, нет.

— Лизавета прокормит.

— И-и-и!— Кудря укоризненно поглядел на Полину Ивановну.— Ты чтой-то на Сашку сердитая. Он парень хороший, четвертым едоком у Лизаветы не будет, не бойся.

— Я на Лизавету сердитая. Беды ей мало в жизни было. Еще одну на свою голову готовит.

— Беды хватанула. Так что ж, в той беде ей всю жизнь и сидеть? Надо выбирать из бед. Годы ее молодые, силы есть, выберется.

— Ох, Кудря... Это у Сашки годы молодые. Двое детей у Лизаветы. Где это видано, чтобы из такой ситуации хорошее что вышло.

Кудря молчал. Глядел прямо перед собой и молчал.

— То-то же,— сказала Полина Ивановна.— Ты лучше поговори с Лизаветой, останови.

С камнем на душе отошла от него Полина Ивановна. Деревенская психология. Остатки вековой дремучести. Дом у соседа загорится, схватит ведро, побежит заливать. А если гибнет на глазах чужая жизнь, с завалинки не поднимется, понятия не имеет, что можно человека спасти. А всего-то и помочь— слово сказать. Один бы сказал, другой...

С правой стороны дороги, выступая чуть вперед, в ряду других стоял дом Лизы Агафоновой. Занавески на окнах задернуты, из-за ставни торчат сегодняшние газеты. Быстро, ах, как быстро ко всему хорошему привыкли! Та же Лизавета. Въехала в новый дом и глазом не повела. Мебель рижскую из райцентра привезла, телевизор старый сменила. К чему люди годами шли, рубль к рублю прикладывали, она одним махом получила. Конечно, на ферме ей достается. А с другой стороны, если работа в радость, можно и вставать ни свет ни заря, после первой дойки домой нестись, детей поднимать, в ясли собирать и опять на ферму...

Взяла себе Агафонова группу первотелок, на всю область прогремела. Ох, ты, Лиза-Лизавета. Откуда у тебя силы взялись еще и на любовь, на Сашку этого, будь он не ладен.

Полина Ивановна вспомнила, как два года назад, когда Лизавета ждала второго ребенка, приходила ее мать, жаловалась, что дочь прямо из окна покидала на улице вещи мужа и тот не стал их подбирать, уехал. Лежат, мол, те вещи уже второй день в пыли, дивят людей.

Полина Ивановна посоветовала Лизиной матери забрать к себе вещи зятя.

— Помирится Лиза с мужем, никуда не денется.

— Не помирится. Я ее знаю,— ответила мать. И как в воду смотрела.

Старый и малый в деревне ближе друг другу, чем молодые, у которых разница в годах небольшая. В молодости три, четыре года разницы, как река в разливе— берегу берега не видать. Саша с Лизой на одной улице выросли, все друг про друга знали, а будто незнакомые были. Лиза замуж вышла, из города вернулась, сына родила. А Саша еще только школу тогда заканчивал.

Красивые дети у Лизы. Старший, Володя,—трехлетний мужичок, глаза синие, на щеках ямочки—присуха всей улицы: мимо не пройдешь. На голове такая золотая карусель, что и кудрями не назовешь, какое-то бы надо новое слово придумать. Младший, Миша,— годовалый мальчик, обуза и жизненное неудобство для старшего, Володи. Мать Мишу одевает—Володя в пальто и шарфе парится, ждет. Мать Мишу кормит— брат из-за стола не вылезает, нелзя.

Саша Петраков появился в Лизиной жизни летом. Послали его тогда временно на ферму,

помощником механика на раздачу кормов. Доярки почти все в годах, но парня приняли по-молодому насмешливо, дали прозвище «Жених», любили подшутить над ним.

— Сашок, что-то с тебя Травиата глаз не сходит, вздыхает, как завидит?

Травиата, степенная корова-рекордистка, стоявшая крайней в Лизином ряду, и в самом деле чем-то выделяла Сашу: провожала глазами, тянула голову, когда он подходил к кормушке.

Лизе не нравились такие шуточки. И однажды она сказала:

— Своих детей хоть куда, лишь бы в городе пристроить, и у других охоту отбиваете. Пришел парень на ферму работячий, скромный, его бы завлечь работой, чтоб полюбил свое дело, а кругом одни насмешки.

— Вот и завлечи, ты же у нас самая передовая...

Крикнул кто-то из женщин эти слова насчет «завлечи», и все тут же примолкли, устыдились. Кого уж ей завлечь, этой бедолаге, со своим «приданным». Хорошие детки, ничего не скажешь, но кому они нужны, кроме родной матери? Лиза, конечно, по молодости хвост трубой: «Много детей—это когда один, а когда двое, они взаимовыручают». Слова эти от гордости, а не от жизни. Может, появится в селе кто из приезжих, зацепится за Лизавету и возьмет ее с детьми, все может быть, все бывает.

А она вдруг взяла и завлекла Сашку. День за днем, не загадывая, не желая того, незаметно для себя и для других. Сперва он был товарищем по работе, а Лизавета умела ценить товарищество.

— Саша, когда силос вскрывать будут, ты верхний слой сними—и в сторону. Он еще не готов, пусть полежит.

Сашка не подводил: из новой траншеи силос поступал сочный, улежавшийся.

— Сашенька, тебе по дороге, отнеси, пожалуйста, эту записку ветеринару.

Он отнес, а ответ принес вечером ей домой.

Лиза готовила ужин, стояла у плиты.

— Где же твои дети?—шагнув во вторую комнату, спросил Саша.

— Мишу Гераниха взяла, пальто ему шьет, а Володя,—Лиза понизила голос,—под столом сидит.

Саша нагнулся и увидел круглые колени и над ними два радужных синих глаза.

— Ты почему там сидишь?

Лизин сын вытянул шею, так что края ска-терти легли ему на спину, и ответил:

— Я вшыгда тут буду шидеть.

— Пусть сидит!—крикнула Лиза.— Не обращай на него внимания, а то он, как артист, только и ждет, чтобы на него посмотрели.

Саша сел в кресло, вытянул ноги

— Иди шуда, под штол,—позвал Володя.

Саша на коленях вполз под стол. Крышка уперлась ему в голову.

— Ты большой!—Мальчонка глядел на него с восхищением.— А теперь гавкай.

— Зачем?

— Будешь шабакой.

— Для чего?

— Мама удивичча.

— Нет, не буду.

— Ты большой,—вздыхнул Володя и вылез из-под стола.

Потом они втроем ужинали. А еще позже Лиза укладывала сына спать, гладила его волосы, шептала что-то ласковое.

Саша смотрел на них, и росли в его груди нежность и удивление. Нежность к мальчику, которого так любят, и удивление Лизаветой, которая так спокойна и красива дома.

Когда сын уснул, Лиза сказала гостю:

— Ты больше к нам не ходи, Саша. Знаешь наших старух: сочинят какую-нибудь небылицу.

— Я не боюсь.

— Один можешь чего угодно не бояться. А нас трое. И мне надо за троих думать. Я тоже одна ничего не боялась, да ничего хорошего из этого не получилось.

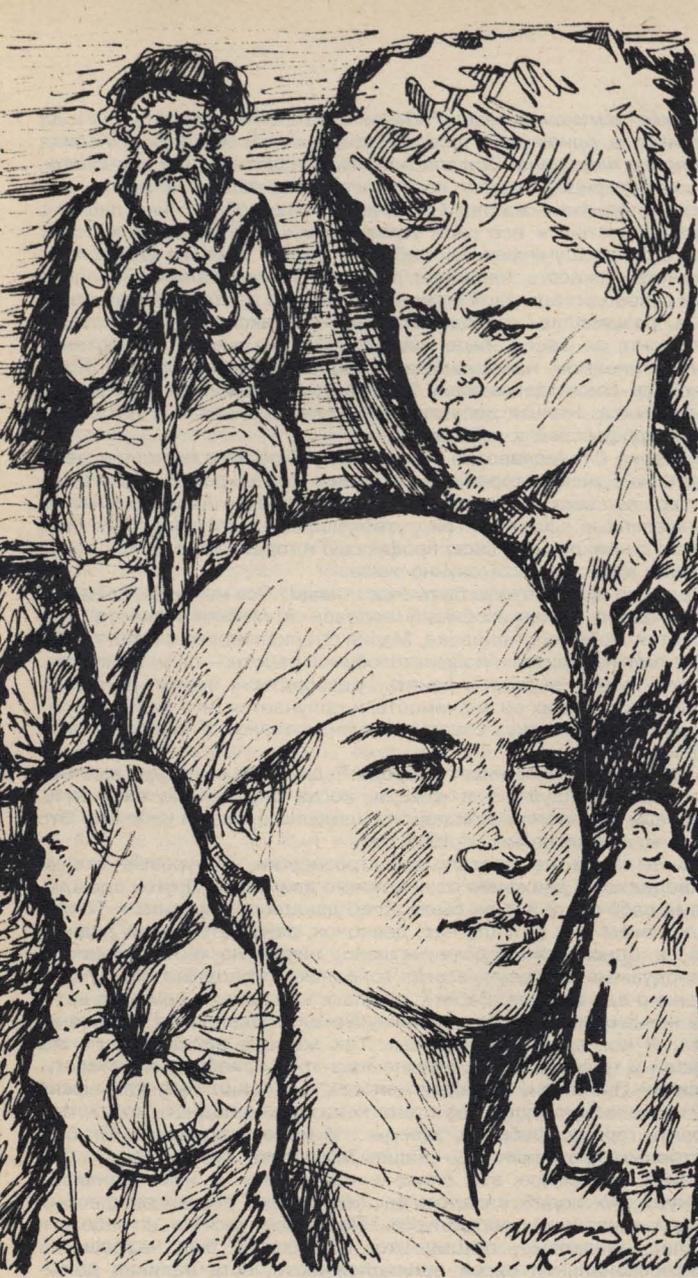
— Дети получились.—Саша сказал самые мудрые слова, которые и в более зрелом возрасте не всем приходят в голову.—Выходит, самое лучшее в жизни получилось.

Коровы Лизы Агафоновой стояли в первом ряду. Двадцать четыре черно-пестрые рогатки доедали концентраты, переминались с ноги на ногу в ожидании минуты, когда их выгонят прогуляться на баз. Лиза прошла с ведром позади своего ряда. Тоненькая, серый халат на двух таких Лизавет шили: правая пола на спину перешла, ремешком халат на талии схвачен. Платок по глаза, концы узелком сзади на шее. Шея высокая, и лицо из платка, как репка мытая, светится. Симпатичная Лиза-Лизавета, взгляд решительный, таких долго горе-беда не берет. И молодость держится дольше положенного. Долго-то долго, да не вечно.

Полина Ивановна почувствовала, как от напряжения у нее заныла спина и пересохло в горле.

— Лиза,—позвала она,—ты скоро освободишь?

Лизавета вскинула голову и быстрым шагом направилась к ней.

Жестокие были те слова, но она о них не пожалела, потому что верила в их справедливость.

В партком Лизавета не пришла. Полина Ивановна прождала ее до шести часов. Шла домой и каялась, что напугала Лизавету, не так надо было с ней говорить. Ведь дело не в том, что кто-то ее любовь запретить может. Остеречь хотела, как от родной дочери, беду отвести. Уйдет Сашка в армию, вернется уже другим. И Лизавета другой станет, и дети подрастут, переменятся. Ничего не стоит на месте. Сегодня любовь, как на крыльях, в небо поднимается, а завтра и на землю опустит. Тот человек и не тот. А женское сердце ни почем знать того не хочет. Ах ты, Лиза-Лизавета! Видно, чем сильней чело-

— Странно ты рассуждаешь, — отвечала Нина, — будто лежит на дороге это чувство и надо к нему как-то по-особому осторожно подойти. Любовь — это состояние души, когда радуешься всему хорошему на земле.

— Да что ты знаешь про любовь? Дай бог, чтобы у тебя она состоялась так, как ты говоришь. А мне Лизавета покоя не дает. Дети у нее, да и старше она Саши. Сегодня он ее любит, завтра разлюбит...

— А если она его разлюбит? — В Нининых глазах вспыхнул протест. — Она что, не человек? Может, как раз она-то возьмет да и разлюбит.

— Это на нее тоже похоже, — неожиданно согласилась Полина Ивановна, — с этой Лизой мы еще хлебнем горя.

Лиза вернулась в коровник после разговора с Полиной Ивановной, и доярки по лицу ее тут же обо всем догадались. Никто не подошел к ней, даже те, кого мучило любопытство. С одной стороны, надо бы подойти, сказать: «Не горюй, девонька, все уладится», а с другой — что уладится? Никто им не докладывал, о чем говорили между собой Лизавета и Полина Ивановна. Лиза — человек справедливый, работающий. Будь Саша Петраков постарше да посамостоятельней, сами пожелали бы ему

Рисунок Л. ХАЙЛОВА

Они вышли в подсобку, сели на скамейку, Лизавета глядела прямо перед собой, не опуская головы.

— Здесь говорить будем или в другом месте?

— В другом. — Лиза положила руки на колени, сжала в кулаки.

Полина Ивановна увидела, как на них побелели косточки.

— Знаешь, о чем разговор будет?

— Знаю.

— Тогда приходи после обеда в партком.

— Не приду.

— Как это не приду? Ты на работе, и я на работе. Я тебя как секретарь вызываю, к четырем часам.

Полина Ивановна поднялась, от гнева и бессилия даже голова закружилась. И что за баба — эта Лизавета!

— О жизни надо думать, о будущем, — сказала Полина Ивановна побледневшей Лизе и тут же заметила, как у той дрогнули губы и потемнели от обиды глаза.

— Я, Полина Ивановна, о своей жизни сама позабочусь: нет такого закона, чтобы за личную жизнь даже перед вами отчитываться.

— Есть такой закон, — сказала ей, уходя, Полина Ивановна, — люди не одним веком тот закон сочиняли. И про детей и про любовь. Думать надо о завтрашнем дне. А то будешь, как Гераниха, в пятьдесят лет щеки свеклой красить, женихов из-за углов выглядывать.

век, тем больше ему достается, не может он с чужого опыта любовь свою строить, на своих ухабах да ямках норовит голову сломать.

— Нина, — спросила она дома у дочери, — что люди говорят про Сашу и Лизавету?

Нина пожалала плечами, поежилась, с матерью такой разговор был ей непривычен.

— Ничего особенного не говорят.

— Пусть не особенное, а все-таки?

Нина подыскивала слова, они прозвучали ровно, как на уроке.

— Говорят, что у них любовь. Что Сашка влюбился в Лизавету и хочет жениться.

— А не говорят, что в армию уйдет и забудет?

— Так тоже говорят. А я не верю. Если у них настоящая любовь, никакая разлука не разлучит.

— Ишь ты, — Полина Ивановна с сожалением поглядела на дочь, — как у вас все просто. «Если настоящая любовь». А если не настоящая? Как вы определяете?

— Так же, наверное, как и вы. — Нина оправилась от смущения, глядела на мать спокойно. — Еще ни один поэт, ни один ученый не объяснил, что такое любовь.

— Вот видишь, значит, человек должен подходить к любви осторожно, обдуманно. Это не просто чувство, это жизнь, счастье или беда человека. — Полина Ивановна говорила, ни на минуту не забывая, что разговор у нее с дочерью.

такую невесту. Но любовь любовью, а двое чужих детей — это две жизни, два человека. Их растить надо, то есть работать на них — и душой и руками. Какая же у Саши любовь должна быть, чтобы перекинулась она и на детей, чтобы хватило ее на долгие годы? Любовь, она не бывает настоящей или ненастоящей, она может быть только любовью. И срок ее — жизнь.

Лиза заканчивала дойку, когда Саша подошел к ней.

— Что она тебе сказала?

— Что нельзя нам с тобой...

— А ты что ответила?

— Можно.

В тот вечер Саша впервые открыто пошел к Лизе.

— Сегодня останусь у тебя, — сказал он ей, — все и так думаю, что я тут живу.

— Нет, Сашенька, не будет сегодня этого. Не время еще...

— Но ведь все и так думаю.

— И пусть себе думаю.

Крепкие Лизины руки сжали его голову, он уткнулся лицом в ее плечо и почувствовал тепло всей своей будущей жизни, в которой были и этот дом, и их любовь, и их дети, и те, что уже есть, и те, что еще будут.

— Ты моя невеста, — сказал он.

— А ты мой жених, — ответила Лизавета.

Так оно и было. Что значили те преграды, о которых думали другие? Самое большое испытание они выбрали себе сами. И только в их власти было одолеть его или отступить друг от друга.

УЧИТЕЛЬ, ВОСПИТАЙ УЧЕНИКА!

Е. ДОБРОВОЛЬСКИЙ

По весне, как сойдут снега, отшумят, отзвенят ручьями, на проталинах, на подсыхающей земле заклубится голубой пар, у отца начиналось самое горячее время. С утра пораньше заходили к нему в кузницу соседи, садились на порожке, дымили самокрутками и, щурясь от дыма, любовались. Пылает в горне огонь, летят искры, и настроение, помнится, всегда по весне было праздничное, и мысль такая была: красивая все-таки работа у кузнецов! Днем подкатит, бывало, на скрипучей бричке сам председатель колхоза, снимет в дверях картуз: «Здравия желаем, Леонтий Ануфриевич, наш вам привет!»—и волнуется, все ли ко времени будет: скоро в поле.

Отец, как и положено мастеру, не спеша вытирает правую руку о кожаный фартук, здоровается, говорит, что все в полном порядке, не волнуйтесь...

Иван Леонтьевич Куренков вспоминает свое детство, и получается, что ему вроде как на роду было написано стать кузнецом, продолжать отцовское дело, а слова «наставник» тогда в теперешнем его понимании еще и не было. Отец учил так, как его самого учили в свое время. Да и за отцовскую учебу диплома не дают, это в семейном порядке, само собой...

Куренков рассказывал мне, что еще в школе мальчишкой, когда в мечтах видел себя сначала полярником, исследователем седой Арктики, потом летчиком, сердце его замирало от мысли, что оторвется он от родных своих деревенских мест, от старой колхозной кузницы. Но только судьбе угодно было, чтобы пошел он, Иван Леонтьевич, по родительским стопам. На кузнеца он совсем не похож: невысок, тонкий.

— Обычно кузнецов какими представляют? Ну, чтоб грудь колесом, ручищи—во! Человек горячей профессии. А у нас и отец небольшим был, некрупный мужчина, и я вот такой же.

Нравится Куренкову кузница, и он всех, кто приходит к нему в бригаду, первым делом выспрашивает, но не с наскака, а осторожненько так, отчего эту профессию выбрал, а не другую. Это для дела важно.

— Свободнаяковка,—рассказывает мне Иван Леонтьевич,—это та же работа, что с пластилином. Кузнец лепит изделие каждый раз особое.

Поступил он в ремесленное училище, готовили его править повозки, ремонтировать инструмент, словом, специалиста для села, но он попал в промышленность, стал городским жителем, и был в его судьбе человек, на которого он равнялся и равнялся. Был наставник, хотя опять же подчеркнуть надо, что слово это тогда широкого хождения не имело. Были капитаны-наставники на флоте, были машинисты-наставники на транспорте, но то наставники по должности, вроде как контролеры. Стоит такой контролер и наблюдает, как выполняются те или иные производственные операции, а Иван Леонтьевич не хочет быть контролером, он в своем высоком звании наставника видит, помимо сферы производственной, еще и сферу духовную. Такое открывается ему назначение, и я вспомнил о нашей с ним встрече потому, что передо мной несколько писем из разных концов нашей страны, и все они о наставниках, о людях, учивших мастерству и ставших учителями жизни.

На костромском заводе «Рабочий металлист» двадцать два года трудится в одном цехе все на одном и том же станке Галина Павловна Федорина. Пришла в цех семнадцатилетней девчонкой, как к токарному станку подступиться, не знала, и был у нее учитель, опытный мастер Григорий Чекалов. Она о нем пишет с благодарностью и все свои успехи, все удачи адресует на счет своего первого учителя. Он работать научил и нашел слова, чтоб доказать важность токарного ремесла. Теперь Галина Павловна сама руководит бригадой коммунистического труда, сама наставница, и, размышляя, как сделать так, чтоб экскаваторы, которые выпускает ее завод, были еще лучше, она пишет: «Работая с личным клеймом, немисливо работать с каким-либо браком. Я это девочкам своим доказываю. Ведь экскаваторы наши идут во все уголки мира. Нельзя допустить ни одной бракованной детали. И своей профессией я горжусь».

А Мария Станиславовна Гольцева с Урала не с металлом дело имеет, не с экскаваторами, а с тканями. Она закройщица в ателье, мастер по верхней дамской одежде, пальто шьет зимние и демисезонные. Хочется ей, чтоб девчата, которые работают вместе с ней, любили свою профессию и гордились бы ею, потому что без этой гордости скучно жить.

Ведь что нужно, чтобы быть счастливым? Все мы люди, всем нам для счастья нужен любимый человек и любимая работа. Что касается любимого человека, Мария Станиславовна считает: «Тут как у тебя получится». А насчет любимой работы—полная ясность: работу нужно выбрать, понять, разобраться, найти для себя скрытую от многих ее значимость, и получается, что на пятьдесят процентов человеку счастье гарантировано. Главное—найти себя!

Маргарита Кутник живет в городе Рудный. Из ее письма я понял, что она металлург, а в юности, когда определяла свой путь, работала в геологической партии младшим буровым рабочим. Это было во время войны, в 1943 году.

«В те годы не хватало электроэнергии, и буровые станки приводились в движение от нефтяного двигателя. Другой одежды, кроме рабочей, у нас не было. Хлеб давали по карточкам. Топить было нечем. Мы (а жило нас, девчонок, рано потерявших родителей, в одной комнатухе четверо) ничем не интересовались: равнодушные ко всему, всегда голодные и холодные, мы думали только о еде и тепле. Работа казалась нам наказанием... Но вот к нам назначили нового начальника, Василия Павловича Шелковникова. И все вдруг изменилось... Так же шла война, так же мы мерзли и недоедали, но отныне наш труд приобрел значимость. Василий Павлович, бывалый человек, объяснил нам, как важно найти железную руду. Без стали невозможно поднять хозяйство, строить города, фабрики, заводы... И мы ему поверили. Он был настоящим наставником»,—пишет Маргарита Кутник.

Какое же емкое это слово—«наставник» и как одинаково волнует оно людей, казалось бы, совершенно разных профессий: токаря, закройщицу, металлурга... Профессии разные, но заботы и мысли одинаковые, потому что, кем бы ни был человек по профессиональной своей принадлежности, есть великая должность—мастер. И девиз любого дела, когда оно из скучной повседневности превращается в творчество, гласит: «Учитель, воспитай ученика».

Я не случайно вспомнил старого своего знакомого—новосибирского кузнеца Ивана Леонтьевича. Мне запомнилось его отношение к своему делу и к тем, кто учился у него кузнечному ремеслу. Я познакомился с ним в кузнечно-прессовом цехе, писать о нем не собирался, просто ходил по заводу, смотрел, как и что, и однажды утром в кузнечном цехе задержался у трехтонного молота свободнойковки.

Трое рабочих загружали металл в нагретельную печь, из ее жерла вырвалось огненное зарево и гудело ровным, размеренным гулом, и было в этом гуле и пламени что-то напоминающее извержение вулкана.

Удивительно было наблюдать, как трое людей из плоти и крови усмиряли стихию. Движения их были спокойны и размеренны. Маленькие в огромном, гулком пролете, они делали свое повседневное дело. Сегодня, как вчера, без суеты и спешки. Когда металл был загружен, бригадир приподнял фибровую каску, провел ладонью по волосам и, заметив меня, улыбнулся, подошел, спросил вполне добродушно:

— Интересуетесь?

— Да.

Он понимающе кивнул, спокойно и без той усталой снисходительности, с какой вроде бы принято кивать всем непосвященным: ладно, мол, интересуйтесь, раз вам так хочется. Нет, он принял мою заинтересованность как вполне естественное и закономерное проявление. А как же иначе, если он считает кузнечное дело искусством? Позже я выяснил, что Куренков—знатный кузнец и уважаемый на заводе наставник.

Само движение наставников возникло не вдруг, с какой-то определенной даты, как с четко означенного рубежа. Всегда молодых прикрепляли к опытным мастерам, чтоб те передавали свои приемы работы. Но наставничество—это не только учеба

ремеслу, профессии, перенимание приемов мастерства менее опытным у более опытного. Наставничество в наши дни—это движение, цель которого—воспитать из новичка не просто мастера, но и человека. Мало быть только слесарем, только токарем, только кузнецом, пусть самого высокого класса. и отлично делать свое дело, надо быть человеком.

Первого ученика Ивана Леонтьевича звали Саша Гром. Он пришел в бригаду сразу после училища. К любой работе нужно привыкнуть, вработаться, а к кузнечной особенно. Это только кажется, что если сила есть, ума не надо. Настоящие кузнецы всегда не столько силой, сколько смекалкой славились. Что именно Куренков объяснял Саше, я не знаю, и повторить тех слов мне Иван Леонтьевич не мог, только пожимал плечами: «Да я уж и не помню». Но не случайно Александр Гром сейчас один из лучших заводских мастеров и тоже руководит бригадой. Оба бригадира дружат по сегодняшний день. Когда Сашу наградили орденом за кузнечные успехи, Иван Леонтьевич отбил ему поздравительную телеграмму слов на сто. Девушка на почте все удивлялась: зачем на соседнюю улицу телеграмму давать, проще позвонить по телефону и поздравить. Так вот в этой телеграмме наставник писал своему ученику: «Вспомни, Саша, как боялся, что не выдержишь»,—а при встрече напомнил вычитанную в одной книге восточную мудрость: «Не презирай слабого детеныша, быть может, это детеныш льва».

— Выходи, что я лев?—засмеялся Гром.—Царь пустыни, да...

— Нет, ты не лев, но уж точно не детеныш,—ответил Иван Леонтьевич.

Как-то несколько лет назад к ним в молотовой пролет пришел белообрый парень Игорь, высокий, худой, и всех насмешил, заявив, что желает быть кузнецом: я, сказал, жилистый. Взяли Игоря в бригаду, учили, но быстро надоело ему кузнечное ремесло: жара, говорит, и радости вроде бы мало. Решил он уйти на сборку. И все бы ничего, но был у парня самый настоящий кузнечный талант. Ловкий был, быстрый, подручного чувствовал, и при этом была в нем та доля упрямства, которая, по мнению Ивана Леонтьевича, совершенно необходима кузнецу, потому что человек имеет дело с металлом.

Начал он парня отговаривать, разные обстоятельства приводил в резон, но все напрасно. Ушел Игорь на сборку, но там тоже долго не продержался, уволился с завода. Так обидно было Куренкову, все-таки Игорь—прирожденный кузнец, не часто это бывает, и вот, как говорится, продал свое первородство за чечевичную похлебку, устроился экспедитором в каком-то торге. Прошел год, а может, и больше, Куренков возвращался с завода домой и увидел Игоря.

Разговор начался самый обычный: как здоровье, какие новости, а потом вдруг без всякого вступления Игорь сказал, глядя под ноги: «Иван Леонтьевич, возьмите меня к себе. Назад. Хочу снова в кузнечный...»

В бригаде к желанию Игоря отнеслись без энтузиазма. Кому нужны летуны? Его учи, вводи в свой коллектив, а там станет ему скучно—и ушел человек. Но вопреки общему мнению бригадир стоял на своем, говорил, что ошибся человек, с кем не бывает. Пошел в отдел кадров, беседовал с начальством, пока Игорь ждал в коридоре, убедил, уговорил. И вернулся Игорь в бригаду. «Ну, давай, сынок, будем вспоминать, что забыли. Это вот молот, а эти, которые рядом, твои товарищи, ты один раз их надежды обманул, ну, значит, тебе вдвойне труд, надо снова доверие заслужить».

Теперь Игорь работает самостоятельно, и о нем в заводской газете была заметка «Покоритель огня».

Я разговаривал с Куренковым и все время возвращался к мысли, что вот передо мной счастливый человек. Он много знает, у него настоящее дело, важное и нужное. И совсем не случайно его брат Николай тоже пришел в кузнечный и работает у Ивана Леонтьевича подручным. Куренков смеется:

— Так у меня полная семейственность: брат рядом, и жена на crane работает.

Когда я познакомился с Куренковым ближе, разговоры наши пошли о вещах более широких, чем приемы кузнечного ремесла.

Для чего работает человек? Для того, чтобы быть сытым, ну, одеваться, ну, чтоб была у него хорошая семья и в семье полный достаток. А еще для чего?

А еще для радости, только часто говорить об этом не нужно. И если есть человеку от своей работы радость, то это и есть счастье, оно под ногами не валяется, его надо уметь найти и беречь. Этому Иван Леонтьевич и учит своих учеников.

Ученики идут дальше своих учителей. Но, постигая вершины мастерства, не нужно забывать, что, кроме чисто профессиональных связей, есть нечто большее, что объединяет ученика и учителя. Та духовная сфера, которая создает не просто мастера, но человека.

Иван Леонтьевич все эти положения вслух, естественно, не формулирует. Он мыслит и действует вполне конкретно. У него потребность заботиться о своем деле. Для него кузнечное дело стало смыслом, а потому как повседневное руководство к действию он и принял прекрасный девиз любого творчества: «Учитель, воспитай ученика!».

ТАК МЫ ЖИВЕМ

НАЗАРОВА Лидия Ивановна, экономист отдела материально-технического снабжения Соколовско-Сарбайского горно-обогатительного комбината, г. Рудный, Кустанайская обл.

1. Ценю в людях преданность делу.

Двадцать два года назад на месте Рудного была степь—ни кустика, ни деревца. Сейчас, глядя на громадные цеха горно-обогатительного комбината, на город, благоустроенный, зеленый, в котором около 130 тысяч жителей, в это трудно поверить.

Я по-хорошему завидую тем 96 женщинам, которые работают на комбинате с первых колышков, с первых палаток.

Конечно, не каждому выпадает в жизни такое счастье—основать новый город. Но участвовать в его развитии, чтобы он год от году становился краше и людям в нем лучше жилось—в силах каждого. Надо только честно делать свое дело, крепко любить его и не изменять этой любви.

2. Поблизости от Рудного осваивается новое, Качарское месторождение железной руды. Опыт нашего комбината очень пригодился—Рудный становится теперь опорной базой для новых разработок.

Когда говорят о свершениях последней пятилетки, планах на будущее, невольно про себя прикидываю, куда наша руда идет. И выходит, что по всей стране на заводах и стройках горняки Рудного свое достойное место занимают.

Недавно горняки Сарбайского карьера рапортовали Родине о добыче двухсотмиллионной тонны руды. Все больше ее дает наш комбинат. Не случайно много кварталов подряд держит он передвигающееся Красное знамя Министерства черной металлургии СССР. Пожалуй, это главная наша победа.

Главная победа, но не единственная. За последние пять лет мы построили три новых микрорайона—жилой фонд города вы-

рос на одну треть. Полностью решили проблему детских учреждений, а для молодого города это особенно важно. В Рудном появились три новых торговых центра. Открыта медсаншкола комбината—стационар на 300 коек, поликлиника на 700 посещений в день. В прошлом году дети получили прекрасный подарок—Дворец пионеров. Строится новая гостиница, еще один профилакторий на 300 мест, с бассейном. Расположен он в парковой зоне. Я не оговорила—у нас есть большая зона отдыха, настоящий парк. А ведь когда-то сомневались, что в Кустанайской степи, где и кустика не встретишь, можно вырастить деревья. Вырастили.

Меняется город—меняется и жизнь людей, живущих в нем. Многие работники комбината учатся, одни—в филиале Казахского политехнического института, другие—в индустриальном техникуме. Женщины, а они составляют 55 процентов всех работников комбината, осваивают сложные профессии.

Сама я инженер, окончила горный факультет Томского политехнического института. Работаю в отделе материально-технического снабжения. За эту пятилетку мы полностью реконструировали и модернизировали наше складское хозяйство. Погрузочно-разгрузочные работы механизированы на 90 процентов. Грузчиков практически нет—есть водители электропогрузчиков.

3. В моей личной жизни, к сожалению, не все сложилось так, как бы я хотела. С мужем мы расстались. И может быть, если со стороны посмотреть, счастливой меня не назовешь. Но счастье—это, по-моему, когда интересно жить. А для меня каждый день—сегодняшний и завтрашний—полон интереса.

Моему сыну, Саше, пятнадцать лет, он учится в девятом классе. Хочу, чтобы стал он, как и я, горняком,—очень горжусь своей профессией.

Г Л А З А

«Личная карточка» или «автобиография» фабрики была вывешена на сцене Дворца культуры и занимала всю высоту от верхнего занавеса до подмостков:

Фамилия, имя, отчество: Швейная фабрика имени 40-летия ВЛКСМ.

Место рождения: Тирасполь.

Пол: 5178 женщин, 603—мужчины.

Национальность: представители 27 народов СССР.

Партийность: 471 коммунист, 1773 комсомолец.

Социальное положение: 5397 рабочих, 255—ИТР, 129 служащих.

Объем выполняемой работы: 75,4 миллиона рублей.

Трудовые достижения: 92 квартала подряд—победитель Всесоюзного соревнования предприятий легкой промышленности.

Награды: Орден Трудового Красного Знамени.

Изобретения: 26.

Научные разработки: комплексная система рационального использования сырья; комплексная система управления качеством; сквозные бригады.

В Г Л А З А

Мы рассказывали об этой фабрике. Впервые—лет двадцать назад. Тогда была сделана первая научная разработка, поднявшая производительность труда тираспольских швейниц выше общесоюзных норм. Два года назад мы писали, как здесь управляют качеством, как заботятся о человеке. И вот снова «Работница» в Тирасполе, на этот раз в связи с первым Всесоюзным слетом сквозных бригад отличного качества. И наш сегодняшний разговор—вокруг последней строки «автобиографии».

Сквозные бригады отличного качества. Что это такое? Говоря общо—новый вид рабочего коллектива. Говоря конкретно—объединение людей различных цехов и участков, занятых выпуском одной и той же продукции,—технологическая цепочка. А взаимоотношения между звеньями цепочки строятся на основе гарантийных договоров.

Чтобы всё было понятно, пройдем по цепочке первой в стране сквозной бригады отличного качества. Ее работниц легко угадать по голубым платьям в горошек. Начало цепочки—в подготовительном цехе на участке промера. Разматывается рулон, и быстро-быстро мчат по станку, напоминающему чертежную доску, бесконечные метры материи. Наташа Шевченко и Оля Петрова проверяют качество ткани, измеряют ее и отправляют по конвейеру на следующий этаж в раскройный цех. Девушки всегда работали добросовестно, но, признаться, раньше их не очень волновало, куда и к кому потечет матерчатая река. Теперь же со следующим звеном—раскройщицами—их связывают взаимные обязательства. Ткань уходит от них с гарантийным паспортом—своеобразной визитной карточкой. По этому паспорту настильщицы (они выравнивают полотно на многометровых столах, настилая одно на другое) видят, что разбраковщицы отметили даже малейшие дефекты просмотренной ими ткани. От настильщиц—Анны Брыкиной и Анны Силаевой—ткань тоже уйдет со всеми пометками в гарантийном паспорте к резнице Зинаиде Никитенко.

Из раскройного цеха кипы заготовок поступают в швейный, в знаменитую на фабрике бригаду Валентины Мунтян—основное и самое большое звено всей цепи. Вместе с гарантийным паспортом на пути брака стоят общественные посты взаимопроверки «НД»—«Ноль

дефектов». Стоящие на посту не просто фиксируют появившийся недостаток, а стараются выявить его причину, добиться ее устранения.

Бригада Вали Мунтян шьет модные, молодежного покроя мужские сорочки.

Закройщиц и швей, как и все остальные звенья, связывают взаимные гарантии и требования. Диапазон взаимобязательств велик, и они разнообразны: досрочно выполнить годовой план, повысить процент изделий на Знак качества и обещание помочь новичкам освоить смежные профессии или подготовиться к поступлению в техникум. Можно насчитать десять—пятнадцать пунктов обязательств, но все они сведутся к трем высотам качества: качеству труда, качеству продукции, качеству воспитательной работы.

Но, подумала я, пост «НД» начал свою жизнь до оформления технологических цепочек. Могли и без сквозных бригад существовать гарантийные паспорта. Многие передовики уже давно владеют личным клеймом. Что же принципиально нового в сквозных бригадах?

—Во-первых, система—четкое взаимодействие всех рычагов достижения качества применительно к данному, конкретному коллективу,—не задумываясь, ответила на мой вопрос инженер Анна Павлова, председатель совета молодых специалистов, одна из инициаторов создания сквозных бригад.—Во-вторых, сквозная бригада не только инструмент борьбы за качество, а прежде всего социально-производственный коллектив, где резко повышается ответственность каждого за общее дело.

Людей в цепочках связывает не только работа над одним и тем же изделием, но и множество «непроизводственных» контактов: участие в самодельных ансамблях, читательских конференциях, в работе с подростками из подшефной школы и много других интересных дел, которые диктует разработанная и действующая на фабрике система воспитания «Гармония».

—Даже просто посидеть рядом, вместе—и то очень важно. Я хочу сравнить отношения в наших сквозных бригадах с отношениями в дружной семье.—Это рассуждает Валентина Сергеевна Соловьева. Директор фабрики. Герой Социалистического Труда. Член ЦК Компартии Молдавии, вдохновитель и участник всех добрых начинаний фабричной молодежи.—Бывает, в семье поссорятся, порой болезненно снимают какие-то шероховатости, но вместе преодолевают трудности и не представляют жизни друг без друга, без общей цели. Им всегда хватает оптимизма и умения заглядывать вперед. Из таких отношений внутри коллективов и родились главные принципы сквозных бригад—взаимная поддержка, взаимная выручка, взаимная требовательность и доверие. В конце концов это дает людям и успех дела, и радость победы, и стимул к самосовершенствованию.

Итак, от звена к звену, на совесть скроенная, на совесть сшитая, на совесть отглаженная, приходит сорочка на участок упаковки отделочного цеха. Ира Капранова красиво сложит, упакует ее и на самом виду закрепит цветной ярлык с изображением государственного Знака качества. А перед этим на картонной вкладке, что не дает рубашке помяться, поставит штамп—маленький кружок с буквами «КГ» и цифрой 9 в середине.

Тот, кто принесет покупку домой, не узнает, что этот штамп означает «комсомольская гарантия», а число девять скрывает имя Иры Капрановой, но он обязательно оценит то, как хорошо и с какой любовью сделана вещь.

Пока мы ходили по цехам, к Вале Мунтян—моему гиду по сквозной—обращались работницы с самыми разными вопросами. Валя стала как бы неофициальным лидером цепочки. А официального руководителя у сквозной цепочки нет, она управляется на общественных началах советом сквозной бригады и штабом качества, отчитывающимся перед комитетом комсомола. В цепочке, конечно, не только молодежь: это технологическая линия, она объединяет людей разных возрастов. По этому поводу Валя Мунтян сказала мне: «Вот уже и дочь после десятилетки пошла на фабрику, а сердцем и душой мы с ней словно ровесники».

Как-то в одном из очерков о Тираспольской фабрике мелькнула фраза «глаза в глаза». Применимая для выражения связей очень тесных, очень личных, казалось бы, совсем непроизводственных, она была тут же подхвачена работницами и стала характеристикой взаимоотношений в сквозных бригадах. Отношения глаза в глаза—точнее не скажешь! Интересен экономический эффект этих отношений. На 11 процентов поднялась производительность труда и на 15 увеличился выпуск изделий со Знаком качества.

В заключение вернемся к «автобиографии» фабрики. Строчка «сквозные бригады» стоит после строки «комплексная система управления качеством». Эти понятия относятся друг к другу, как частное к общему. Молодые специалисты—Анна Павлова, Татьяна Панова, Светлана Антонова, Валентина Карташова, Илья Будак, Владимир Ладункин—воспитанники фабрики, прошедшие здесь все ступени от рабочих до ответственных инженерных постов,—стали главными создателями новой модели рабочего коллектива—сквозных бригад отличного качества. Эта творческая разработка была одобрена и оценена премией Ленинского комсомола за 1976 год.

Сегодня в нашей промышленности сотни сквозных бригад отличного качества, созданных по почину тираспольцев.

А. ДИХТЯРЬ

ПОРТРЕТ, НАЙДЕННЫЙ В ЗЕМЛЕ

Если б меня спросили, что я больше всего ценю в творчестве выдающегося советского художника Александра Николаевича Самохвалова, я бы сказал: восхищение женщиной, поэтическое отношение к ней.

Самохвалов чаще всего писал женщин: работниц, физкультурниц, крестьянок из коммуны «Ленинский путь», метростроевок, делегатов партийных и профсоюзных съездов. Увлечшись в двадцатых годах росписью фарфора, он даже на тарелках и блюдах рисовал «швею», «девушку с грибами», «завтрак работницы». Он искал и учился распознавать новый идеал женской красоты. компонентами которого считал здоровье, трудовое вдохновение, оптимизм. Изображения метростроевок, например, не психологические портреты, скорее художественная публицистика. Автор как бы говорит: мои героини, строительницы Московского метрополитена, не отличаются девичьей нежностью. Эти молодые женщины запечатлены в момент величайшего трудового напряжения. Они совершают подвиг. Потому кажутся мне прекрасными.

Да, тридцатые героические годы, эпоху первых пятилеток, художник запечатлел навсегда. Вершиной его творчества стало знакомое многим полотну «Девушка в футболке».

Два лета—тридцатого и тридцать первого годов—художник провел в поселке Бежаницы, Псковской области. Здесь находилась коммуна «Ленинский путь», позднее ставшая колхозом. В этих местах родилось и едва не погибло одно из полотен художника.

Коммуна раскинулась на высоком холме. До революции было здесь имение Богдановское, принадлежавшее братьям Философовым. Сохранился прекрасный парк с двумя прудами и густыми аллеями. Коммунары жили в двух вместительных бывших барских домах, разделенных на однокомнатные квартиры. В комнате председателя коммуны Матвея Дмитриевича Ткачева и поселился на лето художник.

Председатель коммуны был одним из тех ярких энтузиастов, усилиями и страстью которых поднималось в те годы молодое наше хозяйство. Самохвалов рисовал много: темные пруды в парке, детей, шестилетнюю Лиду, дочь Ткачева,—ее можно было уговорить посидеть спокойно, только пообещав конфетку,—работниц коммуны и, разумеется, председателя, с которым крепко подружились.

Ткачева он рисовал все больше в деле—в поле, на конюшне...

А. Самохвалов. Ткачевы.

«В 1934 году часть этого цикла экспонировалась на Международной выставке в Венеции,—писал художник в воспоминаниях, которые сейчас готовятся к печати.—Зрители и критики Италии весьма доброжелательно встретили портреты «героев социалистических полей». «Полевые работницы» были приобретены для музея Венеции.

...Я пробыл там (у коммунаров.—Ю. А.) два лета. Один старый коммунары нередко и по долгу останавливался около меня... Однажды, поднимаясь с пенька, на который он присел, он изрек следующее:

— Ты бог, ты людей делаешь...—И, помолчав немного, добавил:— Да, но я тоже бог, я хлеб для людей делаю».

Однажды художник задумал семейный портрет Ткачева.

Матвей Дмитриевич получил на холсте легко и быстро. А с Анной Николаевной дело долго не ладилось. Жена председателя специально для сеансов наряжалась в свое лучшее синее шерстяное платье, а оно, сливаясь с синей косовороткой мужа, делало общий тон картины однообразным, невыразительным. Но однажды Самохвалов увидел Анну Николаевну в простом бумажном платье в крупную клетку и с трудом уговорил позировать именно в нем. И дело сразу пошло.

Лидя, как обычно, не желала сидеть спокойно. Пришлось снова занять ее конфетами. Конфеты девочка ела, но все

равно никакого восторга от нудных сеансов не испытывала. Об этом и свидетельствует ее недовольное личико на холсте.

...В сорок первом году Ткачев вместе с другими колхозниками сражался с фашистами, партизанил. В январе сорок второго он был схвачен полицией и расстрелян. Лидя с матерью спаслись по счастливой случайности. Перед тем, как покинуть родные места, Ткачевы, как и другие их односельчане, закопали свое имущество в землю—выбрали укромное место в парке, где так любили бывать перед войной. А когда после победы вернулись, на месте поселка дымилось пожарище. В парке, тоже изувеченном войной, они нашли разрытые ямы и пепел. Вещей не было. Анна Николаевна и Лидя потерянно стояли над пепелищем, как вдруг увидели уголок белого подрамника, торчавший из земли. Это был «Семейный портрет» Самохвалова, в свое время бережно завернутый Ткачевым в мешковину. Полотно почернело от налипшей земли, сажи и времени.

Ткачевы унесли его с собой. Анна Николаевна отмыла налипшую грязь обыкновенным мылом (реставраторы пришли бы в ужас, если б смогли видеть эту процедуру!)—и на нее глянули лица мужа и дочери, ее собственное лицо, таким, каким оно было в то, казалось ей, далекое время... Военные четыре года пропастью пролегли между былой и

будущей жизнью. Да и встреча с самим художником казалась им теперь эпизодом, навсегда канувшим в прошлое.

Между тем Александр Николаевич Самохвалов пытался после войны разыскать кого-либо из Ткачевых, о судьбе которых ничего не знал: послал запросы, писал письма. Он слышал, что сам Ткачев был расстрелян фашистами. А что случилось с его семьей, так и не выяснил.

Художник не мог знать, что Лидя теперь Лидия Матвеевна Рабкова, выйдя замуж, поменяла фамилию и была в это время уже кандидатом медицинских наук. Не знал он и того, что Лидия Матвеевна не пропустила ни одной выставки, где экспонировались его картины, неизменно восхищалась ими, издали поглядывала на художника, но подойти к нему, напомнить о себе не решалась.

Прошло еще какое-то время, и случай все же свел этих двух людей. В клинике, где работала доктор Рабкова, лежал художник, хорошо знавший Самохвалова. Врач и пациент как-то разговорились, и Лидия Матвеевна поделилась с ним своими детскими воспоминаниями, упомянув и о знакомстве с Александром Николаевичем.

— Да он же вас давно ищет!—воскликнул собеседник.

А через день сама Лидия Матвеевна приехала в мастерскую Самохвалова, захватив с собой «Семейный портрет». Трудно передать волнение, с каким встретил ее старый художник. Не отрываясь смотрел он то на Лиду, то на свое полотно сорокалетней давности, которое считал безвозвратно утраченным, слезы стояли в его глазах. Воспоминания давних дней и неожиданная встреча потрясли его. В ту пору он был безнадежно болен.

«Семейный портрет» хранится ныне у Анны Николаевны Ткачевой в местечке Елизаветино, что под Ленинградом. И если прикоснуться к нему, посыплется на пол из-за подрамника сухая псковская земля, опаленная войной, но сохранившая для нас прекрасную работу выдающегося художника.

Поток редакционной почты принес письмо:

«Прошу вас вмешаться. Комитет комсомола назначил меня в подшефную школу отрядной вожатой. Во-первых, нельзя настолько давать человеку поручение, а во-вторых, я притворяться не умею, не смогу играть с детишками в «два притопа, три прихлопа» и делать вид, что ничего интереснее на свете нет. Не смогу опуститься до их возраста. Зачем же мне быть вожатой? Ответьте через журнал.

Люда Королева. г. Новосибирск».

И вспомнилось...

Звонок в дверь. На пороге женщина. Ярко-рыжая голова, россыпь веснушек по лицу. Рыжие глаза откровенно любопытны: ну-ка, что ты собой представляешь? Мои ладони сжимает узкая, крепкая рука:

— Я Сима.— В рыжих глазах уже другое: ничего, поладим.— А это все наши.

За порогом толпа. Первым шагнул в прихожую подполковник и, стукнувшись головой о висящий под самым потолком фонарь, смущенно представился:

— Слава.

Я не успевала пожимать руки. Андрей, Саша, Боря... Но что произошло с моим мужем! Я видела его таким только на одной давней фотографии. Мальчишка, остриженный под ноль, в пузырящихся шароварах с резиночками на щиколотках, зажал под мышкой футбольный мяч, и на лице такой восторг, что уголки рта без всяких завязочек держатся у мочек ушей. Он бросался от одного гостя к другому, стягивал с каждого пальто, не переставая повторять: «Ну, какие же вы молодцы! Ну, подарок! Сим, такое только ты могла придумать!» — и обнимал рыжую женщину.

Много лет я слышала это имя — Сима. Врываясь с телефонными звонками в дом, оно действовало с безотказностью пароля.

— Сима зовет? В семь? Буду.— И все дела побочу.

Иногда звонила сама Сима, напоминая то о встрече выпускников школы, то о юбилее учителя словесности. То приглашает на Ленинский урок, который она проводит с десятиклассниками. И опять готовность номер один: «Понял, собираемся».

И сколько же рассказов я о ней слышала! До бесконечности — про лагерь в Поварове, словно вернулся рассказчик из этого Поварова вчера, а не двадцать лет назад. В лагерь старшая вожатая Сима брала всех желающих. Верховодила она мальчишками. 204-я московская школа была в то время мужской.

В Симином палаточном лагере все делали сами: мачту для флага, волейбольную площадку... Сами покупали в соседней деревне продукты, варили обед. Это был праздник мальчишеской души, если память хранит в подробностях ночные бдения у костра, боже-ственный вкус сгущенки, которую выдавали только ночным дежурным, азарт соревнования...

А еще я читала письмо, которое писали тридцатилетние и сорокалетние пионеры в Министерство просвещения. Они хотели, чтобы преподавателю истории 204-й школы Серафиме Григорьевне Нудельман, их бывшей вожатой Симе, было присвоено звание заслуженной учительницы. Сима вряд ли читала это письмо. А оно признание в любви, оно памятник при жизни.

Потому смотрю на живую Симу и ее бывших подопечных во все глаза. Постепенно узнаю, кто из них кто. Инженер, токарь, писатель... Каждый давным-давно мчится по своей жизненной орбите, неизбежно обретая новых друзей, зарываясь в каждодневные заботы и планы. Счастье, наверное, что есть у орбит точка пересечения — Сима. Удивительно, но она все про каждого знает, что происходит сейчас в его жизни, чем обеспокоен, чем занят...

— Вы читали Сашину статью о любви в «Литературке»? Как ты, Саша, прекрасно написал!

— А ты поняла, что это про Марину?

— Конечно. Я рада, что ты на Марине женился. А помнишь, невесту мне на показ приводил. Ох, ребята, невеста! Жеманная, капризная. Бедный, думаю, Сашка! Увел меня на кухню и спрашивает: «Ну как?» Восторг ждет. Я так старалась быть деликатной! «Не наша, — говорю, — девочка», — он в амбицию: «Ты перестала разбираться в людях!»

— Не перестала, не перестала! — смеется писатель.

Т. АЛЕКСАНДРОВА

ЗАЧЕМ МНЕ БЫТЬ ВОЖАТЫМ?

Я завидую им всем. Я-то тут никто. Так, сбоку припека. Жена одного пионера. И что-то похожее на обиду через столько лет после детства: ведь могла бы и у меня быть Сима...

Может быть, у Люды Королевой тоже не было такой вожатой, потому и не открылись ей ни почетность, ни смысл «насильного» поручения. «Не смогу опуститься до их возраста». Не опуститься, наверное, податься. Постичь сложность десятилетнего или тринадцатилетнего человека. Почувствовать, как переживает он порой наше взрослое снисхождение к нему. Как жаждет не «двух притопов», а настоящих дел. Как мечтает обрести старшего друга. Только вместе с ним он может по-настоящему открывать для себя мир знаний, как, например, ребята карельской лесной академии «Берендей». Репортовать о пионерских плавках — о сотнях тонн стали, возвращенной стране. Помогать строительству БАМа и преобразованию Нечерноземья. Работать, чтобы отдать деньги на строительство Дворца пионеров в Ханое...

В одном права новосибирская корреспондентка: вести ребят может только человек,

любящий их. А как рождается любовь? Как становятся вожатым? Какой человек может рассчитывать на ребячью взаимность и к чему она обязывает и что дает ему?

Ответить на эти вопросы могут, наверное, только сами вожатые.

...Они пришли к нам в редакцию в один из майских дней, в один из дней Всесоюзного слета пионерских вожатых. Их было семнадцать. Казалось, не успеешь познакомиться с каждым за несколько часов встречи. Но они все хорошо запомнились. Может, потому, что каждый рассказывал о том, что считает для себя главным?

Спокойный, степенный Николай Клименок, электромонтер из Калининграда в ярко-синей вожатской форме. Восторженная Галя Шелякина, старшая вожатая из города Сланцы, которая несколько раз просила слова: хотелось выговориться, а тут такой случай — единомышленники собрались, одни у всех заботы, и даже сны, как выяснилось, похожие снятся. Застенчивая Таня Андросова, она приехала на слет из маленького якутского села. Летчик с Камчатки Геннадий Галкин. Ткачиха из Чебоксар Нина Павлова...

По-разному пришли они в вожатые. «Всегда мечтала стать учителем...» «Учусь заочно в педагогическом» — тут большая жизненная цель привела человека в пионерский отряд. Люда Чеснокова, старшая вожатая 41-й школы Гагаринского района Москвы, считает, что каждый студент пед-

института должен поработать вожатым: столько будущий педагог для себя здесь откроет, сколько не даст ему даже самое старательное штудирование педагогической науки.

Но вот Коля Клименок никогда не мечтал стать педагогом и в роли вожатого себя не представлял, не влекло. И если бы однажды не пошел в подшефную школу... Задание было: пригласить ребят на заводской субботник. И на субботнике он работал рядом с ними. Тут-то и сделал открытие: «С ними интересно!» Водил ребят по цеху, рассказывал про станки. Через несколько дней, услышав, что в школу нужен вожатый, сам вызвался: «Давайте я». Ничем особенным он своих пионеров не заинтересовывал, ничего такого не придумывал... Собирал отряд металлолом, он попросил на заводе тачку — и ребят уже нельзя было остановить: механизированная работа! Работали дольше всех отрядов, вышли на первое место. В воскресенье едет Николай на тренировку в лес — занимается спортивным ориентированием — и ребят своих обязательно берет с собой. Удовольствие обоюдное!

У Нины Павловой началось все неужи-

ПОДРУЖКА

Участники Всесоюзного слета пионерских вожатых в гостях у «Работницы».

данно. Вызвали в комитет комсомола. «Хочешь, — спрашивают, — отдохнуть? Поезжай отрядной вожатой в лагерь». Поехала. Ну и отдых! Отряд достался старший, трудный. Казалось, управлять им просто нельзя. И сама-то ничего не умеет, ничего не знает. Собрала тогда ребят, откровенно призналась: «Человек я совсем неопытный, помогите мне». И возник контакт...

С тех пор ездит в лагерь каждый год — теперь уже старшей вожатой — и пять лет работает отрядной вожатой в школе. «Это так много дает душе!»

Самое трудное, конечно, найти контакт. Ты с ними только начинаешь знакомиться, стараешься запомнить имена, а тридцать пар глаз впились в тебя буравчиками и уже разглядели с ног до головы, взвесили каждое слово. Бывает так: у новичка-вожатого масса планов, он рисует ребятам прекрасные картины их будущей жизни, а кто-то зевает, кто-то спрашивает, скоро ли кончится сбор. В чем дело? Да дело-то в том, что с ними не посоветовались, не отнеслись к ним с таким уважением, как Нина, не пригласили подумать...

Увлечь ребят легко тому, кто сам умеет увлекаться. Геннадий Галкин принес в

класс свои чемпионские авиамодели: занимается он авиамоделированием с самого детства — и все! Теперь все мальчишки в отряде моделисты. Пришел, увидел, победил. И сам оказался... в «побежденных». Вконец покорили его подопечные разбухшей страстью: отдал им в полное распоряжение свою квартиру — в школе нет специальной мастерской — и все вечера проводит с ними. По воскресеньям они вместе ездят на аэродром. Мальчишки просто бредят авиацией. И разве может не понять их вожатый Гена, если сам был таким?

— Отчего так получается, — размышляет Галя Шелякина, — принимаешь мальчишку в пионеры — он так взволнован! Все время старается потрогать галстук: здесь ли он? А в шестом, седьмом классе совершенно равнодушен ко всем пионерским делам. Нет ли в этом нашей вожатской вины? Раньше мне казалось: собрались ребята у костра, попели, и хорошо. Раз они у меня попели, два... Да ведь это уже не праздник — казенное мероприятие! И наш последний костер начался с веселой эстафеты. Кто, какой отряд быстрее придет к месту сбора, проявит больше находчивости в преодолении препятствий? Ты ловок, вынослив — прек-

расно, но надежный ли попутчик? Можно ли поставить высокий балл за вежливость? Рыцарями оказались наши мальчишки: они не оставили без помощи ни одной девочки и больше всего внимания оказали пожилой учительнице — рвались даже перенести ее через ручей...

Ребятам нужна романтика. А бывает иногда как? Подходит однажды ко мне мальчик: «Мне велели найти героя. Найду — пять баллов получу, а не найду — выговор». Да ведь это — кощунство! И по отношению к герою и по отношению к ребятам, которые самозабвенно ведут такой поиск.

На окраине нашего города похоронен поэт-фронтовик Георгий Суворов. Ребят взволновала его судьба. Они разыскивают людей, которые знали поэта. Собрали много документов, письма, фотографии. В школе теперь музей. И надо слышать, как рассказывают экскурсоводы-восемиклассники о герое... Помочь пионерам найти нужное дело — вот наша вожатская забота.

Заботы. Они серьезны. Пять лет ведет вожатый своего пионера. С девяти до четырнадцати. В это время формируется характер, начинают складываться взгляды на жизнь. В своем приветствии Всесоюзному слету вожатых Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев назвал их пионерскими комиссарами. Да, у вожатого комиссарская ответственность за доверенных ему пионеров.

— Недавно я стала коммунистом, — говорит Валентина Венско, старшая вожатая 21-й школы из г. Братска, — и глубже взглянула на свою работу. Самым главным для себя считаю идейно-политическое воспитание ребят. Убеждения, взгляды должны строиться на глубоких, разносторонних знаниях. И нам нести эти знания ребятам.

Чтобы нести знания, нужно самому много знать. Но будь ты и семи пядей во лбу, ни за что не ответить на все «почему?». Как быть? Не уронишь ли перед пионером авторитет, если скажешь: «Не знаю»? Нет. Куда важнее приучать ребят не к готовым ответам, а помогать им эти ответы искать. Развивать в них любознательность, привычку к самообразованию.

Еще проблема. Научить их уважать друг друга. Сколько вспыхивает ссор оттого, что каждый считает свое предложение и свое личное мнение самым верным, самым лучшим...

Есть у каждого вожатого среди пионеров один какой-нибудь мальчишка или одна девочка, которая становится его постоянной тревогой и болью. Девчонку терпеть не могут в классе. То ябедничает, то сплетничает, то «королевится» — унижает всех своим высокомерием... Как ей помочь стать человеком? Хорошо, если ты дерешься за нее вместе с родителями, но они не всегда тебя понимают...

— Некоторые родители, — говорит Наташа Погонина, студентка Ташкентского педагогического института имени Низами, — внушают своим детям, что лето — это лишь отдых, то есть отдых-безделье. Однажды я, как внештатный инструктор райкома комсомола, пришла в 91-ю школу, в 9-й класс. Спрашиваю: «Кто хочет работать летом в школьном строительном отряде?» Отряд помогает приводить в порядок детские парки, строить детские площадки... Встает один мальчик: «Мне мама не разрешит, она считает, что летом полезней отдыхать...»

Порой родители и не представляют, чем занимается их сын в пионерском отряде, и бывают недовольны, что он часами пропадает в школе. Поэтому студенты Ленин-

градского педагогического института имени Герцена организовали в своей подшефной школе клуб ПМП — «Папы, мамы, понимайте, почему мы пропадаем». О клубе рассказывала на встрече Люда Сонкина, студентка этого института.

На сборах, которые устраиваются здесь для пап и мам, ребята рассказывали о том, чем занимаются, чему научились, чего достигли, называли имена пионеров, которых в отряде больше всех уважают. И вместо непонимания — желание помочь, благодарность родителям.

Вожатые Братска всегда приглашают на огоньки в свои клубы «Факел» и «Пламя» самых уважаемых в городе людей, чтобы сделать их своими союзниками, познакомиться с ребятами. Много интересных людей среди родителей пионеров. Они должны стать помощниками.

— Собираемся с ребятами в поход, — говорит Валя Максимова, комсорг одного из цехов Новгородского завода имени Ленинского комсомола, — и обязательно приглашаем отцов. Ходили на Валдайские озера, по местам боевой и трудовой славы...

Казалось бы, в тот день была очередная, сугубо деловая редакционная встреча. Но оставила она ощущение праздника. Отчего? Может, из-за красных галстуков, которые адели на белых, желтых, голубых вожатских блузах? Из-за разбуженных воспоминаний о призывном горне в росистое лагерное утро? Нет, не только от этого. Было много рассказов о радости, которую приносит человеку вожатская судьба.

Разве не радостно замечать перемены в себе?

«Была застенчивой. Теперь у меня много друзей. Знаю, как подойти к любому человеку...»

«А ведь ты растешь вместе с ними! Ищешь с ними ответы на их вопросы и сама столько узнаешь!..»

«Замечаешь в себе организаторские способности, развиваешь их, работая с пионерами. Из вожатого, уверена, может получиться хороший организатор производства...»

Разве не радостно чувствовать, как ты многим нужен?

— Недавно прихожу в класс, — рассказывает Валя Максимова, — а классная руководительница говорит: «Я тебе такое сейчас покажу, такое»... И протягивает мне стопку сочинений «Что дала мне дружба с шефами?». Один мальчик пишет: «Я стал лучше, когда у меня появились такие верные друзья. Наши вожатые не читают нам морали — делом показывают, как надо жить, как вести себя. Становится стыдно, когда, рассказав о своих успехах, они должны слушать про наши двойки...»

Вера Агеева, десятиклассница Октябрьской школы, Оренбургской области, делится своей радостью тихо:

— В вожатые меня никто не выбирал, не посвящал, не назначал. Сама пришла в пятый класс, класс своей любимой учительницы.

Многие мои пионеры живут на моей улице. Идешь домой, а на крыльце тебя уже поджидают. Кто с математикой, кто с русским. «Помоги!» Сначала их уроки, потом свои. Потом бежишь на улицу, они уже там. Подруги говорят: «Ты, как маленькая, все с пионерами да с пионерами...» А я не представляю, как это прийти домой, а крыльцо пустое...

Вот сколько ответов на вопрос Людью Королевой: зачем мне быть вожатой?

СИТУАЦИЯ... КОНФЛИКТНАЯ

В аудитории разыгрываются этюды. Место действия — магазин. Действующие лица — покупатель и продавец. Ситуация конфликтная. Допустим, такая. Впервые увидев сыр «Рокфор», покупатель удивляется его темному цвету и высказывает предположение, что сыр испортился.

Как реагирует на это продавец? Один делает вид, что ничего не слышал: пусть думают, что хотят, сыр-то хороший! Другой с язвительной усмешкой осведомляется, не свалился ли покупатель с Луны, если до сих пор не отличает «Рокфор» от «Костромского»... А третий развеет опасения не сведущего в сырах, что сыр свежий, что «плесень» и чернота — это те качества, без которых он не был бы «Рокфором».

Мы сказали: ситуация конфликтная. Точнее, она может быть такой, если продавец выберет неправильный вариант ответа. И тогда повышенные тона, испорченное настроение, появление книги жалоб...

Разыгрываются этюды. Исполнители — учащиеся торгового училища. Мы не оговорились, именно торгового! Идет анализ возможных в практике торговли конфликтных ситуаций.

Безобидно ли, например, болтать с подружкой, не обращая внимания на томлящихся у прилавка покупателей? Не легче ли ответить на вопрос сразу, не дожидаясь его трехкратного повторения? Всегда ли уместно обращение «бабушка» по отношению к немолодой женщине? Произнесенное даже самым вежливым тоном, слово это иных обижает.

Не одну сотню раз в день продавец спрашивают об одном и том же. И каждый раз нужно отвечать спокойно, вежливо, глядя покупателю в лицо, а не бросая через

плечо лаконичные «да» или «нет». Согласитесь, что не так уж это просто: ведь целый день! Но вежливость — непрременное требование профессии продавца.

Конечно, вежливость не противопоставлена и самим покупателям, а среди них бывают и привередливые, и назойливые, и грубые... Но решающую роль играет все-таки поведение продавца, его умение (или неумение) вовремя сдержаться, терпеливо отвечать на бесчисленные вопросы, наконец, разбираться в людских характерах.

Именно поэтому в программах торговых училищ появилась новая дисциплина: «Профессиональная этика и психология в торговле». Она включает в себя сведения из таких наук, как история, общая психология, литература, этика, эстетика. Знание основ психологии, например, дает представление о темпераментах, помогает найти нужный тон в разговоре с любым покупателем — веселым или озабоченным, вечно спешащим или медлительным. Знание законов эстетики развивает художественный вкус, делает человека требовательнее к своему внешнему виду (а нам далеко не безразлично, как выглядят те, кто нас обслуживает). К продавцу нередко обращаются как к советчику, консультанту, так что хороший вкус необходим ему вдвойне. Особое внимание — этике, начиная с истории ее возникновения и кончая такими вопросами, как умение держать себя, вести беседу, всегда быть корректным.

Цель преследуется одна: сделать все необходимым, чтобы соблюдение этических норм стало не просто обязанностью, а потребностью работников торговли.

Е. АГАШИНА

Мамины уроки

ЭТО НЕ СЛАБОСТИ

«Я поссорилась со своей близкой подружкой и чем дальше, тем больше сомневаюсь: права ли я? Человек она добрый, отзывчивый. Но возмущает меня в ней одна плохая черта. Договоримся пойти в кино. Стою у кинотеатра, жду, недоумеваю. Уже и сеанс начался. Бегу к ней: что случилось?! А она лежит на диване с «Сагой о Форсайтах». «Очень интересно, не могу оторваться».

Она всегда и всюду опаздывает — жду ее я одна или пять человек. Когда начнешь объяснять, как это плохо, отвечает одно и то же: «Ты зануда. Не умеешь снисходить к чужим слабостям».

Переживаю и уговариваю себя: ведь она все делает не по злобе, такой уж у нее характер. Может, помириться мне с ней? А? Может, не занудничать?

Лена. г. Абакан.

Если хочется помириться, конечно, Лена, помирись. Только не спеши каяться в своем занудстве. Какое же здесь занудство? И не уверяй, что научишься, как того желает подруга, снисходить к ее слабостям. Ничего себе слабость! Можно снисходительно смотреть на страсть человека к детективным романам, на любовь к миндальным пирожным, привычку спать под гремя одеялами... А необязательность — одна из таких дурных привычек, которая приносит и самому человеку и всем его окружающим массу неприятностей.

Необязательность идет от внутренней несобранности, неумения рассчитывать свое время. Все это можно победить в себе,

если не оправдывать плохую привычку складом характера, дескать, тут ничего не поделаешь, не искать самоутешения, как твоя подруга: «Ну и что ж, что меня ждали пятеро, ничего с ними не случилось!»

Если она и не говорила подобного — скажет: на необязательности вырастает неуважение к людям, невниманию к ним. Ведь все это и проявилось в том случае, когда ты ждала ее у кинотеатра. Ты легко все простила, рассудив, вероятно, по-своему: «Да ладно, хоть и безалаберная, но подруга же...» Но в любом таком обмане — преднамеренном, непреднамеренном — всегда есть момент неуважения. Человек откладывает срочные дела, спешит, потом начинает волноваться: не задержала ли знакомого какая-нибудь неприятность? Нет, оказывается...

Ты пишешь, что подруга добра, отзывчива. Как ни странно, многие люди, от необязательности которых мы страдаем, милы, обаятельны, потому мы, наверное, их и терпим. Только доброта у таких людей часто похожа на фейерверк: вспыхнет ярко и погаснет. Тотчас. Вроде человек искренне захотел что-то для тебя сделать. Потом, глядишь, настроение у него испортится, погода изменится, а слова: «Я же обещал!» — не прозвучат внутри укоризной, не заставят в дождь выйти из дому.

И доброта твоей подруги может превратиться в такие же благие порывы, лишь порывы, начини прощать ей непунктуальность, пустые обещания. Хочешь с ней дружить — будь более требовательной. Помоги подруге победить дурную привычку.

Вооруженное столкновение на одной из улиц Бейрута.
Телефото ЮПИ—ТАСС.

ЧТО ПРОИСХОДИТ В ЛИВАНЕ?

«...Около тысячи трупов женщин, детей лежат в руинах лагеря палестинских беженцев Телль-Заатара»,— говорится в одном из газетных сообщений. «Мусульманский сектор западного Бейрута третью неделю почти полностью остается без электричества и воды, ощущается острая нехватка продуктов питания»,— читаем мы в другом. Почему это происходит? Почему разразился ливанский кризис?— пишет в «Работнице» Г. Н. Смирнова из Костромы.

Чем вызваны столь трагические события? Почему небольшая и благодатная по климату страна Ближнего Востока на многие месяцы превратилась в арену вооруженных столкновений? Почему целые районы ее столицы Бейрута обращены в руины, морской порт, куда заходили суда под флагами десятков государств, разрушен, а сотни тысяч ливанцев, покинув дома, выехали в соседние страны? Чтобы ответить на эти вопросы, расскажем, хотя бы коротко, об особенностях страны.

Одно из самых маленьких арабских государств с территорией чуть больше 10 тысяч квадратных километров и с населением примерно в три миллиона человек, Ливан в течение десятилетий стремился играть роль «ближневосточного перекрестка», своеобразного посредника между Западом и Востоком как в торговле и экономике, так и в политике и культуре. Утопающие в зелени горные долины и средиземноморские пляжи, обилие исторических памятников, благоустроенных гостиниц и магазинов с разнообразием привозных товаров привлекали сюда в летние месяцы многие тысячи отдыхающих из опаленных неистовым солнцем стран Аравийского полуострова— Саудовской Аравии, Кувейта, Иордании, Катара.

На обслуживании туристов специализировалась большая группа населения. Ливанская буржуазия, распахнув двери для зарубежных предпринимателей и финансистов, хотела видеть свою страну центром капитализма на Ближнем Востоке. С годами Ливан действительно превратился в главный финансовый и туристский центр этого района, в результате чего произошло накопление огромных богатств в руках небольшой части местной буржуазии, усилилось социальное расслоение общества, образовалась пропасть между кучкой паразитирующих богачей и сотнями тысяч обездоленных бедняков.

Как это ни парадоксально, но в Ливане, который производил на приезжих впечатление процветающей и зажиточной страны, отсутствовала система социального обеспечения (многие категории трудящихся были лишены пенсий по старости), десятки тысяч семей ютились в жалких хижинах, хотя в новых кварталах Бейрута тысячи квартир пустовали. Домовладельцы предназначали их для людей с пухлыми кошельками. Арендная плата за квартиры средних размеров достигала 1500—2000 ливанских фунтов в месяц (500—600 рублей по

курсу), в то время как заработок, например, строительного рабочего был в 4—5, а швеи—в 6—7 раз меньше.

На крайнем полюсе бедности оказались в Ливане палестинцы. Они попали сюда в 1948 году, когда создавалось государство Израиль. Заправили этой страны, чтобы захватить побольше земель, силой выгоняли палестинцев с обжитых мест. Всего с территории, погавшей тогда под контроль израильских властей, было изгнано около миллиона человек, которые расселились в соседних арабских странах и, скажем прямо, далеко не везде встретили радушный прием. Так случилось и в Ливане.

Речь идет, разумеется, о трудящихся, простых людях. Среди палестинцев есть буржуазия, которая ведет образ жизни, присущий своему классу, эксплуатируя и собственных соплеменников. Тем же, кто появился в чужих краях с пустым карманом и жалким шарбом, пришлось нелегко. В Ливане таким палестинцам было отведено пятнадцать небольших клочков земли, где они и создали свои лагеря—поселки, состоящие в основном из убогих лачуг, плохо обеспеченных водой и электроэнергией.

В 1967 году, когда Израиль захватил новые арабские территории, число палестинских беженцев еще больше увеличилось. К настоящему времени в Ливане живет более 300 тысяч палестинцев, из них не менее 200 тысяч находятся в лагерях.

С годами палестинцы создали свои освободительные организации, несколько вооруженных отрядов фидаев (партизан), подчиненных этим организациям, даже свою регулярную армию (правда, немногочисленную). Роль высшего органа выполняет Организация освобождения Палестины, которая поставила задачу создать собственное государство на землях, захваченных Израилем. Штаб этой организации разместился в Бейруте.

Нельзя не упомянуть и еще об одной особенности Ливана. С момента провозглашения независимости в 1943 году власть в стране строилась по религиозному принципу. Было точно предусмотрено, какой пост займет представитель той или иной религии. Например, президентом страны может быть только католик-маронит, премьер-министром—мусульманин-суннит, председателем парламента—мусульманин-шиит. Парламент избирается так, чтобы на каждые шесть христианских депутатов в нем было пять мусульман.

В момент введения этой системы считалось, что она соответствует реальной численности отдельных религиозных общин и их весу в обществе. Но с годами соотношение изменилось в пользу мусульман, а пропорции в органах власти не менялись, хотя ряд партий (в том числе коммунистическая), профсоюзы, женские организации потребовали вообще ликвидировать религиозный принцип формирования органов власти, рассматривая его как тормоз общественного развития.

Эти требования неизменно наталкивались на противодействие «традиционных» политических лидеров (преимущественно право-христианских), которые и слышать не хотели о каких-либо переменах. Объявление такой позиции надо искать в том, что ливанская буржуазия на $\frac{3}{4}$ состоит из христиан и существующие в стране порядки позволяли ей удерживать в своих руках и экономические и политические рычаги.

К весне прошлого года в Ливане из-за роста цен, нехватки жилья для трудящихся, ухудшения условий труда усилилась классовая борьба: забастовки следовали одна за другой. Одновременно резко обострились и обстановка на границе с Израилем. Участились израильские воздушные налеты на южные районы страны, обстрелы ливанских деревень, даже вторжения механизированных колонн. Все это делалось под тем предлогом, что, дескать, в Южном Ливане находятся базы палестинских отрядов, которые проникают на израильскую территорию.

В такой ситуации правохристианские лидеры, пытаясь отвлечь трудящихся от борьбы за свои классовые права, раздули антипалестинскую кампанию. Они поступали так и раньше, но теперь эта кампания достигла особой остроты. На этот раз они заявляли: если удалить палестинские организации из Ливана, то Израиль оставит его в покое и все внутрививанские споры можно будет легко решить. Дело дошло до того, что 13 апреля прошлого года отряд правой партии Катаиб напал на автобус с палестинцами и убил тридцать человек.

Эта вспышка послужила сигналом к острому вооруженному столкновению. Национально-патриотические силы выступили в защиту палестинцев. На противоположном полюсе объединились правые группировки, получающие оружие от капиталистических государств и даже от Израиля. В конфликте переплелись все проблемы, волнующие ливанское общество: социально-экономические, религиозная, палестинская. Проявилось вмешательство внешних сил, особенно США и Франции.

Ливанские события подогреваются империалистами, Израилем, так как играют им на руку, разьединяя арабские освободительные силы, отвлекая их от борьбы за возвращение оккупированных Израилем земель, удовлетворение законных прав палестинцев на создание своего государства. Советский Союз выступает за прекращение кровопролития в Ливане, против какого-либо иностранного вмешательства в дела этой страны, считая, что ливанцы должны сами уладить свои проблемы.

П. ДЕМЧЕНКО

ПОЧТА «РАБОТНИЦЫ»

Общее и, пожалуй, главное во всех письмах, которые получает наш журнал,— активность жизненной позиции советских людей. Человек увидел что-то интересное, новое, значительное, прекрасное — пусть об этом узнают другие. Встретились на пути недостатки, отрицательные явления — надо дать им бой! Сложный

вопрос возник на жизненном пути — давайте подумаем вместе! Письма питают страницы журнала, приносят журналистам новые темы, адреса командировок. Только в этом году в «Работнице» были напечатаны и использованы полтораста читательских писем. Сегодня мы публикуем несколько писем из нашей почты.

ПЯТЕРО МОИХ СЫНОВЕЙ

Я часто думаю: хорошо весной, когда в саду цветут вишни и яблони, собрать всю семью, всех пятерых сыновей — нашу с женой надежду и опору.

Наверное, это и есть счастье, о котором мечталось когда-то во фронтовой землянке, на всем трудном пути к победе, в только что освобожденной Праге и в далеком сорок шестом, когда у нас родился первенец — Володя. В детях человек продолжает себя.

Давно уехал из дома наш старший, он скоро будет защищать кандидатскую диссертацию в Ростовском государственном университете. Каждый день возвращаются из школы десятиклассник Петр и восьмиклассник Павел. Часто навещается домой Михаил, он учится в Ровно, в строительном училище. За хорошую успеваемость и дисциплину Михаил награжден почетной грамотой. Получили такую награду и мы, его родители, за хорошее воспитание сына.

Нашему младшему, Сашеньке, шесть лет. Это не только родительская радость, но и старших его братьев тоже.

Не стану кривить душой: забот с ребятами

много. Особенно на первых порах. И я и жена работаем. Один выходит на смену, второй спешит домой, к детям, по так называемому семейному графику. Тесновато было и с жильем. А когда решили построить собственный дом, свободного времени не оставалось совсем. Однако построили, и теперь приятно собраться в просторных комнатах, посмотреть телевизор, просто поговорить. Любим ходить в кино, на спектакль съездить в Ровно.

Как хотите, а меня лично не смущают трудности. Тем более со временем они отступают. Присоединяю свой отцовский голос к тем, кто ратует за многодетные семьи. Не с чужих слов знаю, какая это великая радость — дети.

И еще мне хотелось сказать, что родители не одни нынче растят детей. Во многом помогает государство: пособия выплачиваются матерям, ясли и сады для ребятшек, а потом лагеря летом, много различных льгот получают матери.

По-доброму относятся к многодетным семьям у нас на заводе. Взять, к примеру, семью Зинаиды Васильевны Жулавник. Сама она коммунист, первоклассная свердловщица. Но когда говорят о ней, то вспоминают не только ее трудовые заслуги. Зинаида Васильевна воспитывает пятерых детей. Старший, Юрий, уже работает вместе с матерью токарем.

Не обходят вниманием и нас с Анной Даниловой. Завод помог построить дом. Надолго останется в нашей памяти поездка всей семьей в дом отдыха. И не только материальная помощь важна. Хорошо, когда общественность не забывает многодетных матерей. На праздники обязательно в президиум хороших матерей посажат, скажут о них во всеуслышание доброе слово: растят женщины заводу рабочую армию, инженеров, а государству — достойных граждан.

Есть у меня и пожелание: побольше бы клубов для матерей, где бы они общались друг с другом, молодых приглашали. И вели бы задуманный разговор и о трудностях и о счастье родительском. И узнали бы молодые от старших, как приятно любить, ждать, встречать повзрослевших, возмужавших детей — смену свою, продолжение жизни своей.

А. КОСИНСКИЙ,
гальванист Квасиловского
опытного завода средств
технического обслуживания
машинно-тракторного парка

Ровенская область.

РОДНЕЕ РОДНЫХ

Пишет вам офицер запаса, участница Великой Отечественной войны, москвичка, проживающая по Ново-Михайловскому проезду. Я живу одна, часто прихварываю. Но, сказать по правде, не чувствую одиночества: рядом со мной всегда всегда хорошие люди. Это мои соседи: Лида Исаева, Шура Зевинс, Мария Кондакова, Вера Паничева, Ирина Максимова.

Идут ли на работу, возвращаются домой — заходят ко мне. Спросят о самочувствии, поделятся новостями, узнают, что мне купить. А когда сами не смогут, пришлют детей. И мои юные друзья так же заботливо относятся ко мне: сбегают за лекарством, за продуктами, наведут порядок в квартире.

Не могу без волнения писать, как добры ко мне все соседи. Роднее родных они мне. Спасибо им всем.

г. Москва.

К. АСЕСОРОВА

ТАК МЫ ЖИВЕМ

РОГОЖКИНА Дарья Васильевна, машинист электровоза мартеновского цеха Орско-Халиловского металлургического комбината, г. Новотроицк, Оренбургская область.

1. Ко мне не раз обращались товарищи по работе с просьбой дать им рекомендацию в партию. Это огромная ответственность — решить, достоин ли тот или иной человек стать коммунистом. Прежде чем взять в руки перо и бумагу, каждый раз я мысленно отвечаю сама себе на вопрос, который задали мне и вы: что же я ценю в этом человеке?

Убежденность? Несомненно. Идею, коммунистическую убежден-

ность. И рядом с этим — справедливость, душевность, честность. Прямоту в отношениях: нужно покриковать — критикуй, с чем не согласен — скажи, не знаешь — спроси. И еще я уважаю людей, которые не прячутся за частоклоном собственных забот, а стремятся больше сделать на общую пользу.

Вот такой человек у нас Светлана Ивановна Комарова, машинист электровоза, член цехкома. Она не только отличная работница, у нее душа общественная. Не помню, чтобы она отказалась от общественно-го поручения или не выполнила просьбу товарища. А у нее трое детей и, как говорится, своих хлопот полон рот. С чистой совестью рекомендовала я в партию этого надежного человека.

2. Новотроицк — ровесник Победы. В 1975 году ему исполнилось 30 лет. Главное предприятие города — наш комбинат. Мы помогаем расти городу, благоустраиваем и украшаем его. Я живу в новом микрорайоне, который, как и соседний микрорайон, появился в последнем пятилетии. Девятиэтажные дома, торговые центры, детские комбинаты, кинотеатры... Медсанчасть комбината — целый городок с больницей, клиникой, родильным домом.

Много новшеств на самом комбинате. Реконструирована крупнейшая мартеновская печь. Много сделано для улучшения труда и отдыха женщин, особенно в прошлом году — в Году женщины. По настоянию женсовета, председателем которого меня выбрали, в некоторых цехах установлена дополнительная вентиляция, лучше стало освещение, работники огнеупорного производства освобождены от ночных смен. Приняты наши предложения и об открытии дополнительных ясельных групп в детских комбинатах — мест еще недостаточно, о расширении пионерских лагерей.

В БРИГАДЕ ТОЛЬКО ДЕВУШКИ

В одной из командировок в Андижанской области, где нам часто приходится бывать, мы познакомились с бригадой Вафиры Янбаевой. Девчата — мы их сфотографировали во время работы — пришли на стройку в специализированную передвижную мехколону № 81 треста «Андижаноблсельстрой» сразу же после школы. И попросились в одну бригаду. Так началась трудовая биография Розияхон Хакимовой, Таджибар Яхишбаевой, Вазиры Хаджибековой и других девушек.

На первых порах не все ладилось: не умели правильно распределить силы, быстро уставали. Но у новичков был хороший, опытный наставник, и понемногу все пришло в норму. Вафира Янбаева терпеливо объясняла им премудрости малярного мастерства, не давала унывать.

Так сформировалась первая на сельских стройках республики комсомольско-молодежная бригада девушек-узбечек (в наших селах все еще бытует мнение, что строить — дело не женское). Эти молодые работницы доказали обратное, и теперь девушки тянутся к ним в коллектив.

Позади первый год работы. Девчата сдали две тысячи квадратных метров жилья, отделанного на славу. Объекты принимают у них с первого предъявления. Лидеры социального соревнования, они завоевали знамя, которое вручается за лучшее качество отделочных работ.

Работницы бригады В. Янбаевой обязались выполнить задание десятой пятилетки за четыре года, добиться звания «Бригада коммунистического труда», овладеть двумя-тремя смежными специальностями, вовлечь в свой коллектив не менее пятнадцати девушек-узбечек и обучить их своей профессии.

Закончив отделку домов в Ходжаабаде, бригада переехала в другое место. На какой стройке встретимся мы снова?

Ш. ШАКИРОВ, А. МИНГУЛОВ,
инженеры
Фото авторов.

г. Ходжаабад,
Узбекская ССР.

В жизни моей семьи тоже произошли хорошие перемены. Дочь с отличием окончила Ленинградский политехнический институт имени М. И. Калинина, получила распределение на Невский машиностроительный завод имени Ленина. Сына комбинат направил на учебу в Ленинградский институт холодильной промышленности, платит ему стипендию. Через три года он вернется сюда специалистом.

3. Детям хочу пожелать — я говорила об этом на собрании, где мы подписывали новое Стокгольмское воззвание, — чистого неба над головой. Чтобы они никогда не испытали горя войны, которое выпало на нашу долю.

В последние годы войны я работала на Дальнем Востоке. Была кочегаром на паровозе. Поезда водили день и ночь, перебрасывали в топку по 60 тонн угля. Досталось тогда. И горя кругом было много: в каждой семье плакали о погибших. А вообще-то жизнь моя, я считаю, сложилась счастливо. Участвовала в строительстве дороги Комсомольск-на-Амуре — Советская Гавань. Это был БАМ, самый восточный его участок. И приехала я туда, как и сейчас едут, по комсомольской путевке. Такая же комсомольская путевка была и у машиниста моего паровоза. Общая работа, общие трудности и победы сроднили нас, мы стали мужем и женой. Потом вместе строили дорогу в Монгольской Народной Республике, работали на строительстве начального участка БАМа: при нас рельсы дошли от Тайшета до Усть-Кута. А когда черной металлургии понадобились квалифицированные машинисты, нас с мужем командировали в Новотроицк. Командировали на два-три года, а мы здесь уже 16 лет и привязались к нему, наверное, навсегда.

Вот это участие в больших делах страны и то, что мы всегда в коллективе, с людьми, я и называю счастьем.

Отшумели, утихли олимпийские страсти. Все подсчитано — очки и секунды, рекорды и медали.

У сборной СССР 125 медалей (47 золотых, 43 серебряных и 35 бронзовых) — больше всех! Убедительная победа!

Отлично выступили на Олимпийских играх в Монреале наши спортсменки.

На высшую ступень пьедестала почета в спортивном зале «Форум» поднялась команда советских гимнасток. Они поддержали славную традицию своих предшественниц, с 1952 года ни разу не уступавших первенства в этом виде состязаний. Член команды Нелли Ким завоевала две золотые медали — завольные упражнения и опорный прыжок.

Большого успеха добились наши пловчихи на дистанции 200 метров брассом. Марина Кошечкина, Мария Юрченя и Любовь Русанова заняли на этой дистанции все призовые места. 16-летняя Марина Кошечкина установила новый мировой и олимпийский рекорды.

Ленинградская аспирантка Татьяна Казанкина была первой в беге на 800 и 1500 метров, в итоге — две золотые медали и новый мировой рекорд в беге на 800 метров!

Чемпионкой в прыжках в воду с вышки стала Елена Вайцеховская; победа в заездах на байдарках досталась Нине Гоповой и Галине Крефт.

Золотые медали нашей команде принесли и гандболистки, выигравшие все матчи. Рапиристки Елена Белова, Валентина Сидорова, Ольга Князева, Наиля Гиязова и Валентина Никитина тоже завоевали золотую награду...

Погас олимпийский огонь. Монреаль передал олимпийскую эстафету столице нашей Родины — Москве.

...Женский баскетбол был включен в программу летних Игр XXI Олимпиады впервые. И чемпионками стали советские баскетболистки. Сегодня мы рассказываем о них, членах сборной команды страны.

Мяч в игре!

На последний чемпионат Европы, он был в мае во Франции, я летела на два дня позже команды. Парижский таможенник, прочтя мою декларацию, оживился: «О! Советский Союз! Баскетбол! Семенова!»

В Перу, едва мы только переступили порог отеля в Лиме, служащие наперебой пытались выразить восхищение и показать свою спортивную эрудицию: «Советы! Баскетбол! Семьонов!»

Уля Семенова, несомненно, самая популярная баскетболистка в нашей команде. А это значит, что за день к ней могут прийти пять, десять, даже больше корреспондентов, и всем надо дать интервью. А вопросы они задают самые разные, не всегда приятные, порой нетактичные.

А самое главное, это значит, что, выходя на площадку, Уля своей безошибочной игрой, умением точно послать мяч в корзи-

ну каждый раз должна удивлять, поражать тех людей, которые пришли специально посмотреть советскую команду, а в ней ее, Улю Семенову.

Все тяготы своей баскетбольной жизни Уля сносит безропотно. С одним только она не может смириться. Тренеры на каждый матч готовят разные тактические планы. Иногда, желая сберечь Улины силы, не ставят ее на игру. Вот тогда-то Уля расстраивается, как малый ребенок, а в слез ее успокаивается, лишь выйдя на площадку.

Как-то раз в газете «Советский спорт» был дан этаким собирательный средний портрет игрока нашей баскетбольной сборной. Там были такие строчки: «Она высока и стройна, рост ее 183 см. И молода — ей 24 года». Действительно, баскетбол — игра высоких людей. Тренеры специально ищут длинноногих по всей стране. Так, Раймондас Карнитис

Монреаль. XXI летние Олимпийские игры. Со счетом 115:51 наша сборная обыграла баскетболисток Канады.

На снимке: момент игры. Надежда Захарова (11) и Тамара Даунене (14) в борьбе за мяч.

Фото ТАСС.

из рижской ТТТ (трамвайно-троллейбусный трест) нашел Ульяну Семенову. Уля самая высокая в нашей команде.

Но есть в ней и такие, кто, казалось бы, по баскетбольным меркам к этой игре не подходит. Надежда Захарова, например. Рост у нее — всего-то 170 сантиметров. Таких в баскетболе называют «малышами». А Надеда тем не менее капитан команды. Даже дважды капитан: и в своем клубе, ленинградском «Спартаке», и в сборной страны.

Как будто бы самый элементарный бросок — из-под кольца. Новички на втором-третьем занятии им овладевают. А Надеда в игре так из-под кольца бросит, что зал аплодисментами взрывается. Или пас такой отдаст, что зрители — да что там зрители! — игроки и те ахают. Как будто Знак качества на каждый свой бросок, на каждый пас ставит.

Капитана команды могут игроки выбрать, могут и тренеры назначить. Во всем этом есть некоторая доля случая. А вот то, что

Надеда не только капитан, но еще и разыгрывающая, в этом ничего случайного нет. Потому что вести игру — редкий, счастливый дар.

Вообще у каждого из двенадцати игроков сборной свои достоинства и свои недостатки, которые создают неповторимое лицо команды. В той же заметке о «средней баскетболистке» были такие строчки: «**Больше всего любит ходить в джинсах. Удобно, практично и стройность фигуры подчеркивает... Может сделать модную прическу...**» Эти слова с полным правом относятся к Ангеле Рупшене, и к Надеде Шуваевой, и к Тамаре Даунене, и к Рае Курвяковой. Этим они похожи, но в то же время совсем разные.

Ангеле — по-спортивному злая, смекалистая и смелая в игре, мягкая и застенчивая в жизни. Надеда в игре — огонь, быстроногая лань. Практичная, предприимчивая и очень общительная в жизни. Тамара рождена для баскетбола. Но, как говорится, ничто человеческое ей не чуждо. Приг-

лянулись ей туфли на высоком каблуке — купить? А вдруг выше мужа стану? Ну и что, раз нравятся, бери — советуют подружки. Каждый день ходила, страдала. А потом пошла и... накупила подарков племяннице. Про таких, как Рая, говорят: сорванец в юбке. У нее и бросок в прыжке такой, что не каждому мужчине под силу. И с лошастью лихо управляет, отчаянная наездница.

Еще о «средней баскетболистке» было написано: «**Она студентка, и сумка ее постоянно набита учебниками**». Это Оля Барышева, которая учится заочно в Московском технологическом институте. И не только она. Все без исключения баскетболистки сборной учатся или закончили институты.

О «средней баскетболистке» сказано: «**...отбоя нет от желающих танцевать с ней**». Это о Наташе Климовой, чья красота и женственность одинаково заметны как на игровой площадке, так и вне ее. Белокурая и синеглазая Наташа всегда любимица публики.

«**А еще в часы отдыха любит послушать музыку и собрала хорошую коллекцию пластинок**». Таня Овечкина, Таня Захарова, Оля Сухарнова, Неля Ферябникова не только любят слушать музыку, но и сами прекрасно поют. Неля окончила музыкальную школу и играет на аккордеоне. Оля и Неля — подружки, они из одной команды, выступают за подмосковный «Спартак». Неля старше. Она уже играла в сборной, когда Оля только пришла в «Спартак». Опыт, знания, что успела накопить Неля к тому времени, она передала Оле.

Как и все в их возрасте, девушки влюбляются и выходят замуж (больше половины команды), рожают детей (пока только четверо, но вспомните, как они молоды) и вновь возвращаются в баскетбол.

Вот такие они — двенадцать баскетболисток! Все вместе они составляют сборную команду страны. За последние годы наша команда не проигрывала не то что матча, даже тайма. Но это вовсе не значит, что победы ей доставались без труда. Были матчи, когда на первых минутах счет вели соперницы и приходилось отыгрываться. Во многих командах, даже национальных сборных, в такой ситуации часто все зависит от одного ведущего игрока, который выручает команду. Сила же нашей сборной в том, что трудно назвать одну баскетболистку, которая бы делала «погоду». Наши игроки универсальны — они умеют все. Тамара Даунене, к примеру, нападающая, но в матче с командой Чехословакии ее обязанностью было опекаеть одну из лучших центровых мира, Хану Доушеву, которая к тому же имеет преимущество в росте. И та за всю игру смогла принести чехословацкой команде всего два очка. Задача каждого игрока меняется в зависимости от тактического плана тренера, от того, с каким соперником предстоит встретиться. Но так как в нашей сборной нет звезды, вернее сказать, в ней все звезды и каждая из баскетболисток приносит команде примерно одинаковое количество очков (только, может быть, Семенова и Климова чуть выделяются в бросках), команда может играть любым составом.

На последнем чемпионате Европы наша сборная превела, как писали журналисты, «матч века»: играла с командой всех звезд Европы. Каждая из европейских знаменитостей блистала в своей команде. Но собрались вместе, стали играть с нами, и команда звезд была повержена — 86:114.

Обычно наши баскетболистки побеждают с большим преимуществом. На последнем чемпионате Европы мы, например, выиграли у бельгиек — 127:48. И, казалось бы, ну что особенного, если и передохнут наши игроки минутку-другую, ну забудут на 10 очков меньше. Но нет! Жесткий прессинг почти всю игру, постоянные перехваты мяча, ни мгновения отдыха бельгийкам. Дошло до того, что зрители стали аплодировать баскетболисткам Бельгии, если им удавалось перевести мяч на нашу половину площадки. Стремление отдать игре все силы и при этом не ошибаться и есть главное качество наших игроков. Всех без исключения.

Четыре года я близко наблюдаю сборную баскетболисток. И за все время — ни одного ЧП, ни малейшего нарушения дисциплины. В этой команде я не слышала даже, чтобы кто-нибудь повздорил, грубое слово сказал. Уж что-то, а владеть собой девушки умеют.

То хорошее, что есть в команде, во многом идет от тренера — Лидии Владимировны Алексеевой. Сама в прошлом выдающаяся баскетболистка, она прекрасно понимает своих девочек, не докучает мелочной опекой, предоставляя им максимум свободы, когда нет тренировок и других занятий.

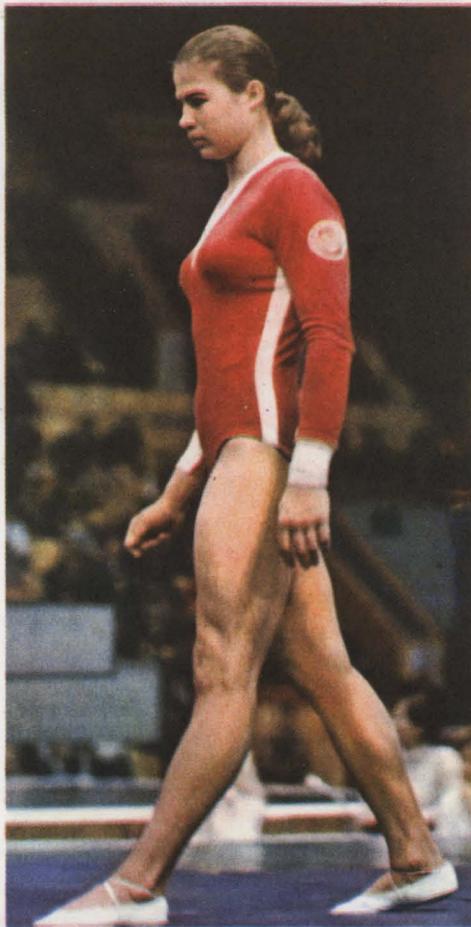
Но в игре она строга и требовательна. В матче с европейской сборной, о которой я уже писала, одна наша баскетболистка позволила себе на секунду, не больше, расслабиться. И тут же Лидия Владимировна заменила ее. Закон суров: либо держись до последнего, либо сиди на скамейке запасных.

У Лидии Владимировны свои взгляды на процесс воспитания. Скажем, расселение в гостинице. Можно распределить девушки по номерам — они, как правило, двухместные — по их желанию, учесть, кто с кем дружит. А Лидия Владимировна, к моему великому удивлению, поселяет подружек отдельно. Когда я поинтересовалась, зачем это, то в ответ услышала, что они, мол, и так дружат, а мне надо, чтобы все жили общими интересами. Так рождаются взаимопонимание, терпимость.

Я сама отдала много лет спорту, правда, гандболу, и помню, как тренер охранял нас от сильного пола. Упаси бог, а вдруг? По этому поводу Лидия Владимировна заметила, что она действует как раз наоборот: «Они же у меня такие высокие! И мужа найти себе под стать не так просто. Вот и стараюсь, чтобы по возможности они не чурались молодых людей, были с ними вместе». Поэтому для Лидии Владимировны замужество игрока не катастрофа, как для некоторых тренеров, а радость.

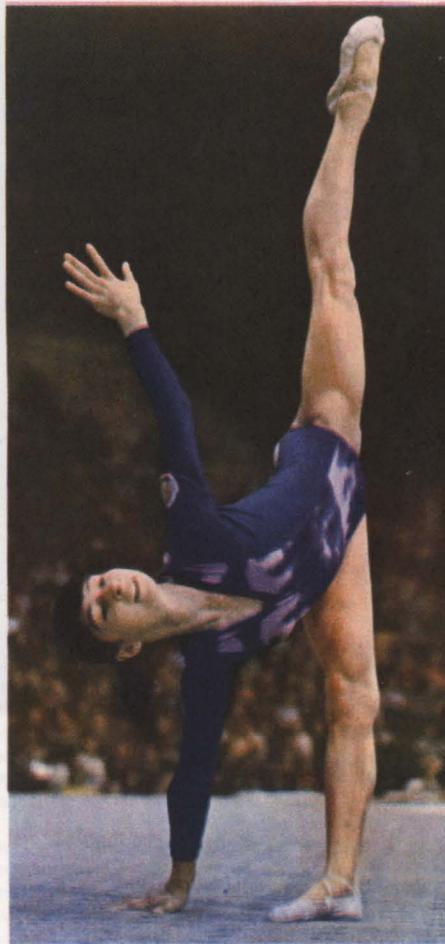
...Двенадцать баскетболисток и тренер. Сборная команда Советского Союза. Чемпионки Европы, мира, Олимпийских игр.

Е. РЕРИХ,
мастер спорта

Олимпийская сборная по гимнастике, завоевавшая золотую медаль в командном зачете: Нелли Ким, Мария Филатова, Людмила Турищева, Эльвира Саади, Ольга Корбут, Светлана Гроздова.

Фото А. БОЧНИНА.

0
1
2
3
4
5
6
7
8
9
0

Ю. ПИМЕНОВ. ЗАДУМАВШАЯСЯ ДЕВУШКА.

ВСЕМ МИРОМ

На 8560 мест увеличат сеть детских дошкольных учреждений предприятия Симферополя за годы десятой пятилетки.

Синий оком легендарных Зуйских партизанских лесов остается за спиной: машина взметнулась на взгорки, и впереди открылся город — фабричные трубы да плывущие в мареве крымского лета молодые кварталы, отскочившие в степь.

За спиной у нас — детский военно-спортивный лагерь «Юный защитник Родины», где работают с самой шаловливой ребятней удивительные педагоги — офицеры-отставники. Лесной лагерь у кромки Балановского водохранилища создан по инициативе группы руководителей предприятий и организаций города Симферополя. На средства предприятий и построен. Точно таким же путем родились военно-спортивные лагеря в лесах под Судакком.

— Кооперация заводских и учрежденческих средств — дело известное, — говорит мой гид и попутчик, председатель Киевского райисполкома Симферополя М. Д. Алехин. — Последний корпус на 100 мест в «Юном защитнике» строят, например, 33 предприятия, строят по принципу: от каждого — по возможностям. В лагерь вложено уже около 650 тысяч рублей; расход райсоветовского бюджета: ставки школьных воспитателей, питание детей, пошив формы для них, будничной и парадной.

— Доброе сделано дело.

— А знаете, — живо обернулся мой спутник, — дело это получило недавно в нашем городе новое продолжение.

— Каким образом?

Сначала от Алехина, затем от других партийных и советских руководителей города, а впоследствии и от других симферопольцев выслушал я рассказ, показавший мне поучительным.

В сентябре минувшего года собрался пленум Симферопольского горкома партии. Обсуждали, советовались, решали: что есть в резерве у города, чтобы расширить сеть детских дошкольных учреждений? Да не постепенно расширить, а прибавить резко, скоро.

Деловой, на 20 минут, доклад председателя горисполкома В. М. Максимова до предела насыщен информацией. Имеющиеся в городе сады и ясли могут принять лишь 60 процентов ребятшек дошкольного возраста. На предприятиях, стройках, в организациях очередь остро нуждающихся в устройстве детей в сад или ясли перевалила рубеж четырех тысячч. По выкладкам социологов, поросль дошкольников прибавится в пятилетии на 7 тысяч человек.

— Вот ситуация. Как ее изменить к лучшему? Будем помнить: по капитальным вложениям исполкому ежегодно могут быть выделены средства лишь на один детский комбинат, это 280 мест. Как добрать недостающее, нам вместе, товарищи, и решать.

Не могу написать: аудитория тотчас прониклась ситуацией и стала подавать записки в президиум с дельными предложениями. Написав так, я покривил бы душой. Поднимавшиеся на трибуну хозяйственники в один голос говорили, что в министерствах и ведомствах к их просьбам не прислушиваются, деньги и лимиты на материалы не выделяют, строить самим, чтобы себе и городу помочь, никакой возможности нет. Даже резкая критика В. М. Максимова в адрес наиболее консервативных в этом отношении руководителей добрым эхом пона-

чалу не отозвалась. Около четырехсот ребятшек работников управления грузового автотранспорта, которым руководит А. А. Боровиков, ходят в дошкольные учреждения городского отдела народного образования; такое же число поставлено на очередь. Однако отказался А. А. Боровиков проголосовать за проект постановления пленума горкома и тем самым попытался снять с себя заботу о строительстве детского комбината. Председатель правления совета облмежколхозостроя Ф. И. Понедельников вместо того, чтобы достраивать детский сад по улице Тополевой, «бросил людей»... на пристройку к зданию конторы.

Первый секретарь горкома партии Э. К. Покровский рассказал:

— Если откровенно, пленум наш был не совсем обычным. Дело не только в остроте выдвинутой им проблемы. Члены бюро горкома никому загодя не предлагали, подумай, мол, соберись с мыслями, выступи. Мы так решили: вопрос животрепетить, и пусть поднимает руку всякий, чью душу он затронул, и предлагает. А знаете, когда «лед тронулся»? После выступления работницы, кандидата в члены городского комитета партии Р. Б. Щегловой. У нее нашлись тогда убедительные слова — по-матерински проникновенные, по-государственному требовательные.

— Приходят, — делилась она наболевшим, — на предприятия молодые девчата со школьной скамьи. Их учат. Учат подолгу: за шесть месяцев, например, девушка приобретет специальность электрообмотчицы. А там — замужество. Ребенок. И нередко — увольнение: с кем оставши маленького, если заводские ясли перегружены? Люди пойдут на то, чтоб обождать с новосельем год — были бы к сроку ясли.

Щеглову спросили: у самой-то дети устроены? Она ответила: повезло ей, муж отработал на стройке детского комбината положенные часы, и решилась проблема — стали они внеочередниками.

Оживились в зале, заговорили. В самом деле: разве на одном централизованном строительстве свет клином сошелся? А возможности реконструкций? Хозспособа? Кооперирования средств — финансовых, материальных, проектировочных? Сколько запасных вариантов! Сложности с поставкой конструкций? Рабочие объединения «Крымжелезобетон» дадут их за счет перевыполнения плана.

— В свое время, — поделился опытом директор завода пластмасс Б. Н. Загребельный, — мы купили у исполкома за несколько сотен рублей одноэтажное здание школы, подлежащее сносу. Купили в общем-то место для будущего детсада. Никаких лимитов на новое строительство у нас не было, рассчитывали только на себя, используя статьи расходов на капитальный и текущий ремонт, на соцкультбыт. Коротче: объявили реконструкцию старого дома, а подняли новый двухэтажный детский комбинат: Конечно, основная тяжесть легла на плечи заводской стройгруппы, но и от метода народного стройки не отказались, люди охотно предлагали свою помощь, уговаривать не приходилось...

Исподволь, незаметно обсуждение вошло в деловое русло, когда опыт одних развеивал сомнения и опаску других, когда все яснее стала проступать перспектива: возможно это,

по силам и по деньгам — поставить в пятилетии за счет предприятий сады и ясли на 8560 мест. Позднее был выработан и десятками авторитетных подписей скреплен многостраничный рабочий план-график строительства, разверстаный по годам. Объявили социалистическое соревнование между районами города, между предприятиями и организациями за лучшее строительство детских дошкольных учреждений.

Почин симферопольцев был поставлен всем крымчанам в пример на пленуме областного комитета партии.

Что же успели сделать?

— До конца этого года, — говорит Э. К. Покровский, — введем в эксплуатацию шесть учреждений на 1310 мест. Первый год — «разминочный», с момента, как навалились на проблему всем миром, времени прошло маловато. Зато в следующем году введем вдвое больше.

Я заглянул в пусковой график, что теперь постоянно лежит на столе секретаря горкома, прочел верхнюю строчку: «Телезавод, 330 мест, июнь...» Число 330 удивило.

— Нетиповое здание?

— И да и нет. Хотите взглянуть?

Мы на Симферопольском заводе телевизоров имени 50-летия СССР. У директора Е. И. Шиповского настроение оказалось приподнятым; одновременно две радости в коллективе: пошел с конвейера цветной телевизор «Фотон — 707» — раз; полностью «подмели» очередь тех, кто нуждался в устройстве ребенка в ясли или сад, — два.

— В старших группах даже мест пятьдесят свободных, отдадим их, не жадничая, исполкому. — В директорском голосе прорезались горделивые нотки.

Я подумал: как взаимосвязаны, казалось бы, полярные эти заботы — наращивать выпуск новейших телевизоров и печься о том, чтобы молодые мамы не сидели вынужденно дома. Молодые, потому что средний возраст заводчан 24 года. Социологи предприятия прогнозируют нужду в яслях по годам, дирекция с их мнением считается, своя стройгруппа строит.

— Все так, — соглашается директор, — прогнозируем и строим. Увы, министерство не так уж нас балует. Но как только перепадет заводу малость централизованных средств, осваиваем их быстро и из своих фондов добавляем. Приходится преодолевать и иные трудности. О плановом снабжении начинкой готового уже здания детского комбината говорить не приходится: его ведь не ждали. Ищем мебель сами, не находим — делаем тоже сами. Для последнего комбината рабочие футлярного цеха изготовили 330 кроваток.

— Кстати, откуда такая цифра? Проектанты, помнитесь, дали образчики на 140 либо 280 мест.

— Верно. А наши рационализаторы проект подправили, взамен одноэтажных крытых переходов между корпусами сделали двухэтажные и прекрасно разместили в них спортивный и музыкальные залы для групп, вот и увеличилось помещение.

— Еще вопрос. Без потерь на таком благородном, но, как видим, довольно тернистом пути не обходится?

Директор ответил, не раздумывая:

— Две новостройки гнали мы своими силами одновременно — детский комбинат и жилой

дом. В пусковой период встал вопрос: какой отдать предпочтение, какую пускать на финиш первой? Люди выбрали комбинат! И 75 новоселов отодвинулись во второе полугодие...

Права, вспомнилось сразу, права была Щеглова, горячо убеждавшая: с новой квартирой можно обождать, с яслями — нет! И прав Б. Н. Загребельный, не раз повторявший, что вопрос резкого увеличения детских дошкольных учреждений — вопрос прежде всего кадровой политики, закрепления специалистов, а следовательно, умножения производственных сил, улучшения качества продукции...

На заводе пластмасс форсируют в эти дни подготовку к строительству крупного детского комбината. Лимитов на проектирование не было — стройка неплановая, — и директор поехал на родственный завод. Там оказался неиспользованный резерв; поделились — одного министерства предприятия, разберутся.

— Вы слышали, — спросил меня директор, — об инициативе проектантов нашего города? Они обязались изготовить на общественных началах документацию для строительства пятнадцати дошкольных учреждений. Великая помощь, но подоспеев она лишь в течение года, а нам некогда ждать...

Некогда ждать! Некогда — и торопит время комплексная бригада А. И. Тисяка из треста «Симферопольпромстрой», сооружающая детский комбинат на 280 мест в новом массиве по улице Аральской... Обязательство коллектива — сдать объект с опережением нормативного срока на 50 дней. С призывом возводить детсады и ясли быстрыми темпами и с повышенным качеством отделки, считая это конкретным вкладом в выполнение решений XXV съезда КПСС, бригада обратилась через «Крымскую правду» ко всем строителям Крыма. Призыв услышан, подхвачен.

Мы побывали с Э. К. Покровским и в этой славной бригаде и в других, идущих следом, мы проехали и прошли по молодым микрорайонам, заглядывая в действующие детские учреждения и в строящиеся. Секретаря горкома узнавали издали, он приветствовал многих по имени-отчеству, беседуя с людьми, быстро ориентировался в обстановке, помечая в блокноте вопросы, которые сегодня потребуют его вмешательства. Во время этих встреч пополнялся и мой блокнот. Факты разные, а все одно к одному ложилось: закладка и ввод в эксплуатацию новых детских комбинатов и школ — большой праздничный церемониал; на долевых взносах предприятий строится корпус детской больницы; открыт комбинат питания школьников со специализированным меню; до конца года будут обеспечены вне очереди жильем все семьи, имеющие четверых и более детей, — в новых высотных домах для них предусмотрены пятикомнатные квартиры площадью 96 квадратных метров... Рядом с добрыми этими делами инициатива первого секретаря упоминалась нередко. Да она и так на виду. Это его партийный долг и долг депутата Верховного Совета УССР, где он активно работает в комиссии по делам молодежи. Не ошибусь я, предположив, что есть в настойчивых и энергичных хлопотах Э. К. Покровского и чувства личные, отцовские — не может не быть их у человека, вырастившего четверых детей.

Симферопольцы не открывают нам неизданного, расширяя сеть детских учреждений. Пример их в том, что провели они работу всеми возможными способами, все вместе, сумели по-настоящему привлечь общественное внимание к проблеме. Именно так: ухватились за гуж всем миром! Родитель, отработавший на стройке часы. Директор предприятия. Депутат. Бригадир строителей. Секретарь горкома... Если все вместе, в одной связке пошли они на высоту, которую сами себе определили на пятилетие, — высота будет взята.

Георг ГИРГЕНС

г. Симферополь.

Юрий РЮРИКОВ
Творение
совместимости

ДВА СЧАСТЛИВЫХ

В первой части статьи («Работница» № 8) говорилось, что есть несколько средств, которые улучшают отношения между супругами: подкрепление любовных влечений дружескими, выравнивание домашних нагрузок, подъем любовно-половой культуры. Есть и еще одно важное средство: умение видеть глубинные перемены в человеческой психологии, понимать, что они несут с собой.

Обычно перемены в нас намного опережают их осознание, и мы долго не понимаем, какие новые плюсы и минусы кристаллизуются в нашей психологии. Если мы поймем это, нам будет легче растить плюсы и умерять минусы, будет легче друг с другом и с самими собой — с тем новым в нас, что ждет и нового к себе, отношения.

Любовь — как бы зенит человеческих чувств, самое, пожалуй, полное выражение всех наших духовных и физических сил. К сожалению, не у всех людей любовь служит главной опорой брака. Иные женятся не по любви, а по влюбленности, влечению (чувству менее стойкому), а то и по другим мотивам¹. Нередко влечение через несколько лет проходит, и его место занимают другие опоры: симпатия, или привычка, или родительские обязанности, или покорность судьбе, или то и другое сразу. Могут ли люди в таких семьях давать друг другу счастье и радость?

Спокойное счастье, счастье домашней дружбы, может быть и без яркой любви — просто при хороших отношениях, симпатии. Но такое счастье рождается не сразу. Семейная жизнь строится не на одном чувстве, а на других душевных опорах. И когда одна из этих опор слабеет, остаются другие, и на них (если они, конечно, есть) вполне может держаться семья.

Судьба нынешнего брака (это показали работы психологов и социологов) чаще зависит не от чувства, с каким люди женятся, а от их характеров, душевных свойств: эгоизма или неэгоизма, внимательности или невнимательности, доброты или недоброты. От этих душевных свойств зависит, как люди будут относиться друг к другу, насколько они подойдут друг другу, то есть зависит и судьба их чувства.

Сама жизнь рождает в наше время новую основу для брака, более широкую, чем раньше. Эта основа — не просто чувства, а разносторонняя индивидуальная совместимость жены и мужа: совместимость их чувств (любви или влечения), совместимость темпераментов, характеров, совместимость взглядов, интересов, совместимость привычек, поведения. Именно от такой многогранной совместимости все чаще зависят сейчас судьбы брака: чем полнее она, чем больше у мужа и жены близких друг другу сторон, тем лучше им друг с другом, тем дольше живут и их чувства; чем меньше, тем хуже их жизнь.

Это особая, сложная система влечений сердца, ума, тела, сплетение духовных и физических нитей, моральных и психологических.

Французские психологи называют этот сплав супружеским чувством. Это, наверное, не очень точно: кроме чувств, сюда входят и другие духовные «вещества» (взгляды, идеалы, привычки). Тяжеловесное слово «совместимость» тоже не очень подходит здесь, но, пока другого нет, приходится применять его.

Термин «совместимость» родился в медицине и биологии. Когда в один организм пересаживают частицу из другого, она может прижиться или не прижиться, то есть оказаться совместимой или несовместимой. Для биологической совместимости чаще всего нужно почти близнецовое родство двух организмов. Психологическая совместимость в этом смысле проще: для нас достаточно, чтобы люди хотя бы в чем-то главным были похожи друг на друга или дополняли друг друга.

Причем лучше всего уживаются люди, у которых близка, похожа их духовная сторона — взгляды, интересы, идеалы, симпатии, и непохожа, а то и полярна, сторона биопсихологическая — тип нервной системы, темперамента.

Например, легче всего могут ужиться между собой флегматик (человек со спокойным темпераментом, с неторопливым и глубоким течением чувств) и сангвиник или холерик (человек быстрых чувствований, порывистых — вспышками — ощущений).

В прошлом году я проводил круглый стол молодой семьи в «Комсомольской правде», и там были две счастливые пары, в которых мужья были как раз флегматики, а жены — сангвиники.

Пары эти живут душа в душу, не ссорясь, — во многом именно потому, что их темпераменты дополняют друг друга. Один из них мгновенен в реакциях и бурен в чувствах — другой восхищается этими его свойствами, так как их не хватает ему самому. Первый завидует невозможности и стойкости чувств другого — их тоже недостает ему самому.

¹ Как выяснили социологи, примерно 75 процентов всех браков заключаются у нас по сердечной склонности — по влечению или по любви; 20 — «по шаблону» («все женятся, и мне надо») и 4—5 процентов — по расчету.

ФОТО
И. КОНСТАНТИНОВА

Плюсы их темпераментов как бы помогают друг другу, минусы нейтрализуют друг друга. Жены из этих семей рассказывают, что у них могли бы быть ссоры, но мужья не отвечают на их вспышки, и напряженность сразу разряжается, спадает.

Есть, видимо, психологический закон — «подобное вызывает подобное». Ссоры часто вспыхивают из-за того, что на нервные слова одного другой откликается такими же словами. Флегматик — из-за неспешности своих нервных процессов — часто попросту не успевает ответить вспыльчивостью на вспыльчивость: пока в глубинах его нервов медленно рождается эмоци-

ональный отпор, в дело вступает разум, и искра ссоры гаснет, не разгораясь. Поэтому, кстати, флегматик — самый мирный спутник жизни, будь то жена или муж.

При всем том сангвиник (или холерик) и флегматик могут быть и недовольны теми же психологическими свойствами друг друга, но уже в теновом их проявлении: один — медлительностью и «бесчувственностью» другого, другой — нервностью и неровностью первого. И чтобы прочно ужиться друг с другом, полярные психологические свойства должны, видимо, уравновешиваться похожими моральными свойствами, близкими взглядами, общими интересами.

А как быть, если муж и жена оба сангвиники, холерики, флегматики? Наверно, им стоит опасаться чрезмерного сходства, вернее, одинаковых минусов своего нервного склада.

На встрече в «Комсомолке» была одна такая пара — оба с быстрыми нервными реакциями, с резкой возбудимостью и ослабленными тормозами чувств. В первые годы их совместной жизни вспышка одного мгновенно будила ответную вспышку, ссоры нарастали, как тучи осенью, и скоро весь их домашний горизонт был устлан этими хмурыми тучами.

Потом они поняли, что минусы одного будят и усиливают минусы другого, поняли, что они все больше поворачиваются друг к другу своими недостатками. Они сумели постепенно обуздать эти недостатки. Помогли им общие интересы, близкие взгляды: без этого у них могло бы ничего не выйти. Именно духовная близость спасла их от краха, именно она помогла им постепенно возродить почти угасшее чувство.

Чувства, к сожалению, живут столько, сколько мы помогаем им жить, помогаем не какими-то искусственными мерами, а всем образом жизни, всем складом отношений, поведения.

Тех, кто пассивно плывет по течению чувств, часто засасывает в омуты и водовороты быта. Те, кто к алым парусам чувств добавляет еще и моторы сознательно творимой совместности, плывут дольше, интереснее.

Творить такую совместность приходится каждый день, без перерывов. Наверное, только такой «неустанный труд любви» (так называл его Достоевский) позволит нам уберечь лучшее в своих отношениях.

И это именно творчество. Семейная жизнь — это творчество добра, радости, хороших отношений между людьми. И это, пожалуй, самое доступное многим из нас — душевное творчество.

К сожалению, в некоторых семьях домашняя жизнь состоит в основном из «потребления». Потребляют телевизор, выпивку, потребляют новости о соседях, о тряпках, плывут по течению своей домашней жизни, а не творят ее.

Конечно, не стоит ударяться в крайность и думать, что хорошие отношения у мужа и жены могут быть только при полной совместности. Часто людей связывают совсем не все возможные нити, но супруги и терпимо относятся к неприятным черточкам друг в друге и уважают право друг друга на самостоятельность.

Полная, всесторонняя совместность вообще встречается редко. Куда чаще она бывает неполной, но ее обычно хватает для хороших отношений, если только бережно относиться к ней.

На почве такой совместности может вырасти спокойное и долготелее счастье домашней дружбы, семейной приязни. Оно не столь сильное, как счастье любви, но и не столь быстролетно. Радости его тихие, но зато их больше, и они могут сопровождать людей долгие годы.

Сейчас это имеет не только морально-психологическое значение. Нервные перегрузки — теневая сторона урбанизации — увеличивают роль отрицательных эмоций (так психологи называют неприятные ощущения). Эти эмоции вредят нашему здоровью, настроению, чувствам. Лечение радостями здесь — лучшее из лечений. Радости продляют в нас душевную молодость и свежесть чувств, отдалают постарение и потускнение.

В теплом климате спокойного счастья люди чувствуют себя уверенно, защищенно. Им хорошо друг с другом, хорошо с детьми, а детям хорошо с ними. В счастливых семьях дети вырастают добрыми, умеющими помогать другим людям, любить глубоко и неэгоистично. По всем этим причинам для нас так важно уметь переводить бурное счастье любви в спокойное счастье душевной близости.

Возможно, что бурное и спокойное счастье — это разные возрастные ступени счастья: бурное — особенность молодости, спокойное — зрелости. И если бурное счастье — дар судьбы, то спокойное — творение своей души, дар себе и близкому человеку.

Для семейной жизни это творимое нами самими счастье важно, пожалуй, не меньше, чем любовь, особенно когда люди выходят из «младшего супружеского возраста» и у них спадает первый пыл чувств. Нынешнему человеку оно дает более широкие и более устойчивые фундаменты семейной жизни, чем одно только чувство.

ОДНА СЕМЬЯ

Димовы—Ефим и Анатолий с сыном Серезей и сын Татьяны Степановны Лагуновой Вячеслав (слева).

Толя Димов в классе был самым маленьким, едва из-за парты видать. Татьяна Степановна, входя в класс, первым делом искала взглядом его и встречала чернушние, огромные на худеньком лице глаза. Такая острая жалость схватывала сердце — не вздохнуть...

Впрочем, всех своих ребятишек она жалея — всех их жестоко осиротила война, все были худы, недокормлены, не по-детски тихи. А этот — самый маленький.

И Татьяна, как начались каникулы, увезла Толю домой, к своим родителям. Пелагея Павловна, Танина мать, как увидела, что дочка привезла из детдома мальчика, только охнула: да ты что, девка, думаешь, что берешь на себя? Не игрушка, человек. Его воспитать надо, а тебе самой-то сколько годков...

Татьяне Лагуновой только-только исполнилось восемнадцать. Ровно за год до этого, в 1942-м, окончила она педагогическое училище и получила назначение в Каргапольский детский дом Курганской области. Дали ей третий класс. Там она и заметила черноглазого Толю. И вот привезла...

Танины родители Степан Сергеевич и Пелагея Павловна, сестра ее Нина привязались к мальчику как к родному. Где четверо живут, там и пятому не тесно. А через год стало их шестеро: из другого детдома, Шатровского, пришел к Лагуновым Толин брат Ефим. Услышал, что Толю взяла к себе учительница, и пришел.

Так и жили. Ребята старались во всем помочь по дому — сено ли убирать, в огороде ли работать, воды наносить. Росли, учились. Из дому уезжать никуда не хотели — не забывалось сиротство. Только когда подошла пора идти в армию, проводили Лагуновы сначала Ефима, потом Толю.

Вернулись парни домой, отгуляли свадьбы. Ефим стал машинистом на тепловозе, Анатолий работает в Китайском райисполкоме. У каждого свои семьи, по двое детей. Анатолий, когда-то самый маленький в классе, завоевал звание мастера спорта по тяжелой атлетике.

Лагуновы живут сейчас в Каменске-Уральском. Пелагее Павловне уже 75 лет. Татьяна Степановна преподает в младших классах 60-й школы, Нина Степановна тоже учительница. От Каменска-Уральского до Катайска недалеко. То Лагуновы едут погостить к Димовым, то Димовы навещают родню.

...В 1973 году Анатолий Димов поехал сдавать последнюю сессию в Балашиху, в сельскохозяйственный институт, где учился заочно. Профессор П. Г. Репьев заинтересовался — откуда, мол, у вас болгарская фамилия? Анатолий рассказал, что он болгарин, что их, трех братьев, еще до войны привезли в Москву, но он ничего не знает о своих родных в Болгарии и помнит только: была у них сестра по имени Буря. Репьев познакомил Анатолия со студентом одного из московских вузов болгаринном Злати Златевым. Ему-то и удалось узнать судьбу семьи Димовых.

Тридцатые годы. Болгария. В квартире коммунистов Ивана и Парашкевы Димовых собирались на нелегальные встречи руководители Болгарской компартии и комсомола. Здесь же, в подвале, была подпольная типография, где печатались газеты болгарских коммунистов «Работнически весник» и «Червено знамя», листовки, брошюры.

В июле 1934 года типографию и явочную квартиру выдал провокатор. Парашкеву товарищи успели укрыть, а потом организовали ее переброску в Советский Союз — через Грецию, в одежде матроса. Иван Димов попал в руки

охранки. Газета болгарских комсомольцев «Народна младеж» в публикации, посвященной семье Димовых, приводит документ, подписанный тогдашним главой охраны генералом Драгомировым, о том, что Ивана Димова подвергли пыткам, но никаких сведений получить от него не удалось. Умер Димов в 1938 году.

ЦК Болгарской компартии позаботился о детях Димовых: коммунистка Дона Богатинова в 1935 году нелегально вывезла трех братьев в Москву, к их матери. Маленькую Буряну приютили надежные люди в Болгарии. В 1938 году после смерти Парашкевы Димовой мальчики воспитывались в детском доме. В начале Великой Отечественной войны детей эвакуировали в Зауралье, и братья оказались в разных детских домах. К сожалению, старшего брата Димовы и их названные родители не разыскали до сих пор.

А с Буряной братья встретились. В апреле прошлого года Центральный Комитет Болгарской компартии пригласил Ефима и Анатолия с семьями в Болгарию погостить. Анатолий писал Лагуновым:

«...На аэродроме в Софии нас передавали из рук в руки, целовали, обнимали, плакали от радости. Кругом стояли незнакомые люди, улыбались и плакали... Вчера посетили музей революционной борьбы, где есть материалы, которые касаются революционной деятельности родителей. Посетили место, где стоял наш дом, была типография. Многие соседи живы, хорошо помнят нас, все приглашают в гости».

А вот письмо Буряны Татьяне Лагуновой: «У нас здесь все удивляется, что чужие люди приютили совсем чужих детей, их воспитали и так заботливо к ним относились. Все знакомые говорят так: только русские с их широкими, благородными душами, люди, которые сами перенесли большие страдания, способны поступить так».

Писем из Болгарии множество, от знакомых и незнакомых, писем, полных глубокого, искреннего восхищения душами простых русских женщин.

Прошлым летом, в школьные каникулы, пригласили в Болгарию Татьяну Лагунову. Повернулась она с названной сестрой Буряной, вернулась, растроганная теплым приемом, вниманием, которым была окружена, — болгары добра не забывают.

«У вас две родины, — пишет Анатолию Димову его вновь найденная родственница, Людмила Добринова. — И если другим это — раздвоение, вам это — счастье большое, потому что Болгария и Россия — самые близкие страны».

А история русско-болгарской семьи Лагуновых-Димовых не окончена. Хочется верить, что сбудется мечта братьев и сестры — найдется Димо Димов.

В. МАШКОВА

По следам наших выступлений

Предложения ткачихи поддержаны

В № 6 журнала «Работница» было опубликовано «Открытое письмо машиностроителям» ткачихи Калининского хлопчатобумажного комбината Героя Социалистического Труда Л. И. Парфеновой.

Как видно из ответа, который прислал в редакцию заместитель министра машиностроения для легкой и пищевой промышленности и бытовых приборов СССР В. А. Шалашов, письмо ткачихи машиностроители

прочли внимательно и признали, что в нем «правильно поставлен вопрос об улучшении труда работниц, обслуживающих ткацкие станки». Предложения ткачихи полностью приняты.

Специалисты Минлегпищемаша тщательно изучили усовершенствования, внесенные в станок СТБ2—175 работниками ивановских и других текстильных предприятий.

Составлен план внедрения этих новшеств в производство. Ими будут оснащаться станки, выпускаемые промышленностью уже с первого квартала 1977 года. Вносятся и другие конструктивные изменения, которые позволят уменьшить трудоемкость обслуживания станка, создадут ткачихам удобство в работе.

Будут совершенствоваться и автоматические ткацкие пневморепирующие станки с уче-

том опыта текстильных фабрик, испытанных их в работе.

В. А. Шалашов сообщил, что всем заводам — изготовителям технологического оборудования вменено в обязанность постоянно изучать опыт эксплуатации машин в текстильной промышленности и своевременно вносить усовершенствования, разработанные текстильщиками.

«Неприглядная история»

В «Работнице» № 6 под таким заголовком была опубликована статья В. Кононенко. В

Была она надежд полна...

Как дни, недели, месяцы
В одну цепочку нижутся,
И словно вверх по лестнице
Неслышно годы движутся...

И что ни день, приходит в цех
Умелица-работница,
И кажется, что больше всех
Хлопочет и заботится.

И руки стали смелыми
И овладела тайнами...
Деталей горы сделала
Руками неустанными.

Вдруг узнают,—ну кто ж не рад!—
Что через две недели
Поставят чудо-автомат
На смену рукоделию.

С красавца Маривановна
Пылиночки сдувала...
А только Маривановна
Напрасно ликовала.

Команду мастер подает,—
Уж рассудите сами,—
К станку приставить не ее,
Кого-либо «с усами».

Поскольку жив еще пока
Взгляд вредный, дикий, ложный,
Что коль мужчина у станка,
Так все-таки надеждней.

Была она надежд полна,
Что жизнь начнет иную...
Но снова трудится она
По-прежнему. Вручную...

Бор. ЮДИН

НАДУВНОЙ СЮРПРИЗ

Лидии Степановне Чечкиной, проживающей в деревне Наберухи, Пермской области, очень хотелось приобрести красивое покрывало. Полгода ломали себе голову работники Центральной базы «Посылторга», как бы лучше выполнить ее заказ. И решили: зачем Чечкиной покрывало, которое она просила зимой, не лучше ли выслать что-либо этакое, сезонное. Резиновый надувной матрас, например. Пусть нежится себе на солнышке.

Только ахнула от такой заботы владелица матраса. Горячо благодарит она работников базы за их чуткость.

ПЕРСОЛЬ

Двор — НЕ огород!

Уважаемая редакция!
Пишет вам мать двоих детей, а к моему голосу присоединяются и все остальные женщины-матери, проживающие в Волгограде, по улице 13-я Гвардейская, в домах №№ 10 и 12. Мы просим вернуть нашим детям двор, который отдельные жильцы превратили в свои приусадебные участки. Они на грядках лелеют огурчики и помидорчики, а наши дети вынуждены играть на проезжей части улицы или возле железнодорожного полотна.
Много раз обращались мы в домоуправление № 2. Обещали нам помочь — разбить во дворе детскую площадку, но дальше обещаний дело не идет.

Е. ХРАМУШИНА

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА.

Фотоматериал

Наташенька Бутина готовилась отпраздновать славный юбилей — первую годовщину своей жизни.

— Эх,—вздыхали папа и мама,—хорошо бы именинницу нашу сфотографировать на память...

Но чародеи фотообъектива еще не обосновались здесь, в поселке Магистральном, Иркутской области, что стоит на БАМе. И вдруг — о радость! 31 августа, заметьте — прошлого года, мастера Братского цеха № 3 Иркутской областной фабрики фотохудожественных работ приехали... и сфотографировали Наташеньку по всем правилам своего мастерства, взяв за услугу 8 рублей 64 копейки.

Наташенька начала уже говорить. Одна из первых ее фраз: «А где мой полтлет?»

Портрету год уже исполнился. Только лежит он не в семейном альбоме, а сгинул где-то в Братске. Нет его. Не прислали, не привезли. Но обещают...

ней рассказывалось, как по вине руководства Ащелисайского элеватора в поселке Приозерном, Актюбинской области, было введено в эксплуатацию недостроенное здание детского сада. 50 детей рабочих элеватора оказались в помещении без отопления, с цементными полами, с трещинами в стенах. Хотя, как следовало из документации, лишь на центральное отопление «потрачено» 2170 рублей. В акте о приеме детского сада говорилось, что отклонений от проекта нет, однако не построены были предусмотренные сметой теплая веранда, ледник, овощехранилище, мусоросборник, не покрыт асфальтом двор. Неоднократные жалобы заведующей детсада Л. Я. Поповой директор элеватора М. К. Саркулов оставлял без внимания.

После опубликования статьи редакция по-

лучила ответ из прокуратуры Актюбинской области. Заместитель прокурора Г. Л. Лукбанов сообщает, что ревизии, проведенные специалистами-строителями и бухгалтерами, выявили несоответствие зафиксированной в документах суммы фактическим затратам на строительство детсада. Прокуратурой обнаружены «признаки преступления, предусмотренного статьей 151—1 УК Казахской ССР, то есть приписки и искажения государственной отчетности». Возбуждено уголовное дело. Расследование поручено прокуратуре Ленинского района.

Для выяснения причин завышения фактической стоимости детского сада дано указание провести «глубокую комплексную документальную ревизию по всем строящимся в

тот момент объектам». Расследование дела взято областной прокуратурой на контроль.

Актюбинское областное производственное управление хлебопродуктов за введение в эксплуатацию незаконченного объекта с низким качеством произведенных работ объявило директору элеватора М. К. Саркулову строгий выговор с указанием в кратчайший срок устранить все недостатки.

Итак, получен ответ из прокуратуры. Администрация же и общественные организации Ащелисайского элеватора пока не ответили на выступление журнала. Хранят молчание Ленинский райком КП Казахстана и райисполком. А интересы детей и их матерей — работников элеватора требуют решительного вмешательства советских и партийных органов.

ЛЕСНАЯ КРАСАВИЦА

Теплые дни выпадают все реже. И если в городе еще не замечаешь, что наступила осень, то, оказавшись сентябрьским утром в лесу, сразу ощутишь: лето кончилось. Природа словно притаилась накануне больших перемен и исподволь, не спеша готовится к ним: шьет себе новое платье. Сначала рисунок ткани нечеткий, но проходит немного времени, и вот

стоит уже лес в разноцветном, пышном наряде.

Осень щедро на краски—каких только она не раздарила лесу! Не обидела и рябину. Отовсюду видна лесная красавица, ветви ее едва выдерживают тяжесть созревших плодов. Снуют стайки вездесущих синиц. Вдруг неожиданно раздаются: «Ра-ра-ра... Ра-ра-ра». И испуганные птицы, заметив опасность, покидают дерево. Но если затаятся за ближайшим кустом, они не заставят долго ждать—вернутся непременно. Очень любят дрозды-рябинники плоды этого дерева. Птиц, желающих полакомиться рябиной в лесу, много. За эту свою слабость пернатый нередко приходится расплачиваться свободой: птичеловы использовали красивые и вкусные плоды в качестве приманки. Потому-то в латинском названии рябины есть слово, которое в переводе означает «ловить птиц».

Человеку, всю жизнь прожившему в средней полосе, трудно представить ягоды рябины иначе как ярко-оранжевыми. Кстати, говорить «ягоды» о плодах рябины не совсем точно. На самом деле это крошечные яблочки: мясистые, с семечками внутри. Они бывают желтого, бурого, черного и белого цвета.

На земном шаре насчитывают 84 вида рябины, в нашей стране растет 34 из них. Место жительства одних (полярной, сибирской и анadyрской)—тундра и земли, расположенные севернее Полярного круга. Другие—бузинолистная, камчатская, амурская—распространены на Дальнем Востоке и Камчатке. Встречается рябина в высокогорных районах Средней Азии, много ее на Северном Кавказе, в Крыму. А всю центральную, среднюю и северную полосы европейской части СССР и значительную часть районов Урала и Сибири занимает самая распространенная обыкновенная рябина.

Не каждая, подобно той тонкой рябине, о которой поется в известной всем песне, склоняет «голову» к тыну: порой вырастают деревья, высота которых достигает 30 метров. Отличаются рябины друг от друга и формой крон.

У рябины много достоинств. Она, например, способна легко переносить холод. Обыкновенная рябина не боится даже сильных морозов. Живет она достаточно долго. Правда, каждому

виду отпущен свой срок. У обыкновенной рябины в средней полосе он равняется 80—100 годам. Однако отдельные деревья-долгожители достигали весьма почтенного возраста—двухсот лет. К долгожителям можно отнести садовую рябину, растущую в Крыму. А вот финская рябина живет всего 30 лет.

Стала появляться рябина и как декоративное растение возле домов, в садах, вдоль дорог, в парках. В нашей стране введено в культуру 14 ее видов. Но рябина привлекала людей не только своей красотой. О том, что она целебна, знали еще древние греки. А в средние века в Европе ею и лечились.

В народной медицине применяли ее как кровоостанавливающее и мочегонное средство, а свежим соком лечили дизентерию.

Плоды дикорастущей рябины терпкие, горьковатые. Но едва их тронет мороз, вкус меняется. Чтобы отведать плоды невежинской рябины, не надо ждать и холодов. Не удивительно: в них содержится почти девять процентов сахара. Поэтому идут они на варку компотов, киселей, варенья, приготовление сиропов, пастилы, желе, наливки. Урожай с каждого дерева собирают богатый—80—120 килограммов, на все хватает.

Плоды рябины—настоящая кладовая витаминов. Витамина С в ней больше, чем в лимонах. Есть в рябине и витамин Р, каротин, органические кислоты, сахар, дубильные вещества. Весной и зимой, когда человеку обычно не хватает витаминов, воспользовавшись сушеными или законсервированными плодами, можно восполнить этот недостаток. У рябины по сравнению с другими растениями есть еще одно преимущество: сочетание витаминов С и Р, что дает возможность употреблять ее для профилактики и лечения атеросклероза и гипертонии. С этой же целью в последнее время стали применять уроженку Северной Америки—черноплодную рябину. В ней содержатся те же витамины, что и в обыкновенной, а среди минеральных веществ обнаружены фосфор, медь, марганец, магний, железо и редко встречающийся в растениях йод. Большие плантации этого ценного кустарника находятся в Ленинградской области, Алтайском крае и на Сахалине.

Л. СТИШКОВСКАЯ

Рябина на зиму

Созревает рябина в сентябре, тогда и собирают ее кистями, стараясь не повредить плодов. Если есть чердак, часть урожая можно сохранить там, положив рябину слоем не выше 10 см. Замороженная рябина так же вкусна и полезна, только нельзя давать ей оттаивать и снова заморозить. В городских квартирах условий для хранения рябины нет, поэтому ее лучше консервировать.

Соки

Дикая лесная рябина да и многие садовые сорта горчат. Для получения сока хороши невежинские, моравские рябины, мичуринские сорта—Бурка, Десертная—и черноплодная рябина. Плоды отделяют от кистей, бланшируют в кипящей воде 2—3 минуты и сразу же, пока горячие, протирают через сито. Еще лучше пропустить

рябину через соковыжималку. В готовый сок добавляют кипящий сахарный сироп (250 г сахара на литр воды или яблочного сока). Для садовых сладкоплодных рябин сироп и сок берут в равных количествах. Для черноплодной: на 2 стакана сока—1 стакан сиропа. Смесь кипятят в течение минуты, разливают в банки или бутылки, ошпаренные кипятком, и закупоривают.

Сок черноплодной рябины хорош с холодным молоком, которое добавляю по вкусу.

Мармелад из черноплодной рябины и слив

Из рябины готовят сок с мякотью, как описано выше.

Сливы очищают от косточек, добавляют воду (стакан на килограмм слив), проваривают до мягкости и протирают через дуршлаг. Пюре из рябины и слив смешивают в равных пропорциях и нагревают до кипения. Варят на слабом огне 5 минут и постепенно вводят в массу сахарный песок (полкило на килограмм смеси). Поварив 20 минут, всыпают еще 100 г сахара и, непрерывно мешая, варят до тех пор, пока масса станет отставать

от дна кастрюли. Готовность мармелада можно проверить и так: вылить на тарелку ложку массы и быстро охладить. Мармелад готов, если масса хорошо режется ножом. Слегка охладив, мармелад выкладывают на блюдо, покрытое пергаментной бумагой, смазанной сливочным маслом. Дня через три он подсохнет, и его можно нарезать ромбиками, квадратиками, обсыпать сахаром и уложить в стеклянные банки, которые накрывают пергаментом и плотно обвязывают.

В мармелад из сладкоплодной рябины можно положить протертые печеные яблоки—1 часть яблок на 2 части рябинового пюре.

Заготовка для киселей и компотов

Отобранные, тщательно вымытые плоды рябины укладывают в чистые банки, заливают кипящей водой или кипящим рябиновым соком: трехлитровые банки не доливают до верха на 3 см, литровые—на 1,5—2 см. Банки прикрывают прокипяченными крышками и стерилизуют в кипящей воде: литровые—10, двухлитровые—15, трехлитровые—20 минут. После чего банки закупоривают.

Варенье из черноплодной рябины со сливами

Крупные, хорошо созревшие плоды бланшируют 5 минут. Затем их откидывают в дуршлаг.

Готовят сироп: 2,5 стакана воды (лучше использовать ту, в которой бланшировали рябину) и 800 г сахара доводят до кипения. В него опускают 700 г черноплодной рябины и 300 г очищенных от косточек слив. Таз накрывают полотном и оставляют на 10 часов. Затем добавляют еще 400 г сахара и доводят до кипения. Оставляют на 8 часов. После этого варенье доваривают.

Чтобы получить густое варенье, его варят дольше и проверяют готовность по тому, сохраняет ли капля сиропа свою форму. Варенье раскладывают в банки холодным и закрывают пергаментом. Варенье с более жидким сиропом горячим разливают в горячие, но сухие простерилизованные банки. Закрывают крышками. Варенье хорошо сохраняет аромат.

В варенье из сладких сортов рябины вместо слив можно добавить яблоки, которые перед варкой тоже бланшируют.

С. КРАСНОКУТСКАЯ

Польская мода в СССР

Ежедневно из Польши в Советский Союз идут поезда с модными и красивыми товарами. Польша — самый крупный среди государств СЭВ поставщик готовой одежды в нашу страну. За последние годы эти поставки возросли более чем вдвое. В этом году польское внешнеторговое предприятие «Текстильмпэкс» предлагает советским покупателям 1400 моделей швейных и более 600 трикотажных изделий. Одежду для всех и на все времена года.

В Польше считают, что советские покупатели, в особенности женщины, требовательны и знают толк в новейшей моде. Поэтому польские модельеры и производители стараются, чтобы товары для СССР отличались особо высоким качеством, были привлекательны и в то же время практичны, отвечали стремительному и деловому стилю современной жизни.

На фотографиях вы видите несколько моделей, которые «Текстильмпэкс» предлагает СССР для закупки.

textilimpex

«Прекрасен, как и оригинал»...

Огюст Ренуар познакомился с актрисой Жанной Самари, когда ей едва исполнилось двадцать лет. Только что с успехом прошел дебют Самари на сцене одного из самых популярных театров Парижа, «Комеди Франсез», и ее имя не сходило с уст строгих ценителей актерской игры. Художник был тоже ею очарован. Жанна Самари была наделена красотой, которую художник искал всю жизнь. Но, перенося черты живые на холст, старался передать не только внешнее сходство, но и ощущение собственного восторга. Не удивительно, что Ренуар был счастлив, когда к нему в мастерскую пришли родители Жанны и попросили написать портрет дочери.

Позже Жанна рассказывала, что Ренуар так всегда спешил приступить к работе, что порой забывал даже поздороваться. Во время работы над портретом он часто посещал спектакли «Комеди Франсез»: ему необходимо было наблюдать Жанну и в естественной домашней обстановке и при свете лампы. Парадный большой портрет, который сейчас находится в Эрмитаже в Ленинграде, был написан не сразу. Сначала художник выполнил этюд к нему. Этот этюд (1877 года), хранящийся в Государственном музее изобразительных искусств имени А. С. Пушкина в Москве, настолько совершенен по исполнению, что может считаться самостоятельной и к тому же великолепной работой Ренуара.

Долгое время этот портрет находился у мужа Жанны П. Лагарда, потом попал к знаменитому торговцу картинами Дюран-Рюэлю и, наконец, был куплен известным русским коллекционером И. А. Морозовым. В 1904 году картина привезена в Россию и с тех пор покидает Москву лишь на время больших международных выставок.

А впервые зрители увидели портрет актрисы почти сто лет назад, в 1877 году, на третьей выставке произведений художников-импрессионистов в Париже.

К этому, как сейчас мы его воспринимаем, удивительно ясно, нежному, изысканному по цвету портрету современная ему критика отнеслась по-разному. После открытия выставки в журналах появились отзывы резко отрицательного характера. Известный в то время критик Леруа назвал портрет «блюдом, приготовленным из ванили, красного крыжовника и фисташек, которое следует есть ложкой». Но были и другие отзывы. Критик Жорж Ривьер с восторгом писал: «Портрет м-ль Самари в высшей

степени прекрасен, я бы хотел сказать—так же прекрасен, как и оригинал, и едва ли можно требовать большего от художника. С этим согласятся все». Но не все согласились.

Почему же возникли столь разные суждения и настолько противоречивые оценки произведения Ренуара? Вглядимся в портрет. Но прежде мысленно перенесемся на сто лет назад и попробуем посмотреть на него глазами публики 1877 года. Ежегодно в Париже открывались двери Салона, традиционной выставки французской Академии художеств, где были представлены произведения, тщательно отобранные специальным жюри с учетом определенных академических норм.

Парижане привыкли уважать мнение этого жюри и смотрели на Салон как на единственное место, где художник может добиться известности. То, что импрессионисты противопоставили себя Салону, устроив свою особую выставку, воспринималось как нарушение традиции. Споры вызывала и сама манера живописи импрессионистов. Избранная публика, с интересом следившая за выставками в Салоне, теперь увидела живопись, резко отличавшуюся от привычной. Она, эта живопись, поражала и вызывала неодобрение и недоверие у многих.

Группа молодых французских художников, позднее названных импрессионистами, образовалась в 1873 году. В ее состав входили Эдгар Дега, Камиль Писсарро, Огюст Ренуар, Клод Моне, Берт Моризо и другие. Свое название группа получила во время первой независимой выставки 1874 года. В переводе на русский язык слово «импрессион» значит «впечатление». Критик Леруа, увидев на выставке картину Моне «Впечатление. Восход солнца», воскликнул: «Так это всего лишь «впечатление» и больше ничего». Сказанное сначала в осуждение слово это со временем стало определением мировоззрения, видения, манеры живописного исполнения художников.

Творчество импрессионистов было тесно связано с традицией реалистического искусства Франции того времени. Импрессионисты резко выступали против оторванного от жизни академического искусства, против надоевших мифологических и исторических сюжетов и трафаретных художественных приемов.

В основе художественного метода импрессионистов было пристальное наблюдение процесса жизни природы и человека. Они стремились к простоте и естественности изображения, ценя превыше всего

свежесть и непосредственность своих зрительных впечатлений, красоту мгновения.

Одним из инициаторов создания группы был Пьер Огюст Ренуар. Художник родился в 1841 году в семье портного. С тринадцати лет он стал зарабатывать себе на жизнь, расписывая тарелки на фарфоровой фабрике. В 1861 году он поступил в мастерскую известного тогда художника Глейра, где и познакомился со своими будущими товарищами по группе. Художник начал работать в традиционной манере классической живописи с ее темной гаммой красок. Он пишет пейзажи, портреты, сцены из жизни парижских кафе. И посылает на палитра его светлеет. К 70-м годам складывается та импрессионистическая манера, которой Ренуар будет верен все последующие годы. Портрет Жанны Самари, который мы здесь воспроизводим, выполнен именно в этой манере. В нем видны все характерные особенности живописи импрессионистов.

Ренуар пишет прямо на холсте и выбирает чистые, несмешанные краски, наиболее соответствующие самой природе. Каждый мазок его виден. Но на расстоянии отдельные мазки создают впечатление трепещущей воздушной среды.

Картины импрессионистов нужно смотреть с определенного расстояния. Тогда-то и происходит чудо мазки сливаются и дают тот образ, которого добивался художник. В портрете молоденькой актрисы Ренуар хотел передать свое первое впечатление от цветущей ее красоты и выразил его в звонком звучании зеленых, розовых, голубых тонов. Именно светлые краски юности восхитили Ренуара—синие сияющие глаза Самари, пуантовый рот, золотисторыжие волосы, нежный румянец. Художник чутко уловил состояние легкой задумчивости и в этом коротком миге человеческой жизни как бы раскрыл всю поэтичность женской души.

Перед нами не великая, а только начинающая, окрыленная удачей актриса и очаровательная молодая женщина. Но судьба Жанны Самари оказалась не такой счастливой, как обещала быть: она умерла в 32 года от брюшного тифа.

Сын художника Жан Ренуар справедливо писал о впечатлении, какое создается от портрета Самари: «В ней воплощен весь театр: тут все оттенки благородного авторитета и робости перед публикой. Представляешь себе, как она делает по утрам покупки на улице Лейк, с сумкой, полной лука-порей... Вечером в чудесном белом платье и театральном гриме она становилась королевой. Но прежде всего она—это Ренуар».

Действительно, только Ренуар мог так тонко передать все обаяние и свежесть, легкость и лукавство этой чуть кокетливой игры, которую ведет Жанна со зрителем, доверяя ему и ожидая от него ответного доверия.

Т. СЕДОВА

На первой странице обложки: Валя Венско, старшая пионервожатая школы № 21 г. Братска.

Фото Н. МАТОРИНА.

В приложении к этому номеру: Комплекс упражнений женской гимнастики. Выкройка платья большого размера. Вязание.

Главный редактор В. Е. ВАВИЛИНА.

Редакционная коллегия:

А. П. БИРЮКОВА, И. Г. ВОЛОБУЕВА,
Д. Т. КАРАКОВА, Е. В. КОНОНЕНКО,
М. И. РОЖНЕВА, З. Н. ТИМОФЕЕВА
(зам. главного редактора),
А. Г. ХРИПКОВА, Р. А. ЭЛЬДАРОВА.

Адрес редакции:
101458, Москва, А-15, ГСП-4,
Бумажный пр., 14.

ТЕЛЕФОНЫ ОТДЕЛОВ:

промышленного—250-11-72; международной жизни—250-44-80; литературы и искусства, коммунистического воспитания—250-12-30; семьи и быта, науки и антирелигиозной пропаганды—250-11-93; художественного оформления—258-14-13; писем—250-57-38; массовой работы—250-44-80; зав. редакцией—253-30-05.

Сдано в набор 23/VI-1976 г.
А 00971. Подписано к печ. 18/VI-1976 г.
Формат 60×90¹/₈.
Усл. печ. л. 5,43. Уч.-изд. л. 9,56.
Тираж 13 000 000 экз.
(1-й завод: 1—11 233 900 экз.).
Изд. № 2064. Заказ № 2581.

Ордена Ленина
и ордена Октябрьской Революции
типография газеты «Правда»
имени В. И. Ленина.
125865, Москва, А-47, ГСП-4,
улица «Правды», 24.

Оформление художника
Я. Е. МИРОШНИЧЕНКО.

Технический редактор
В. В. МАСЛЕННИКОВ.

Renoir 177

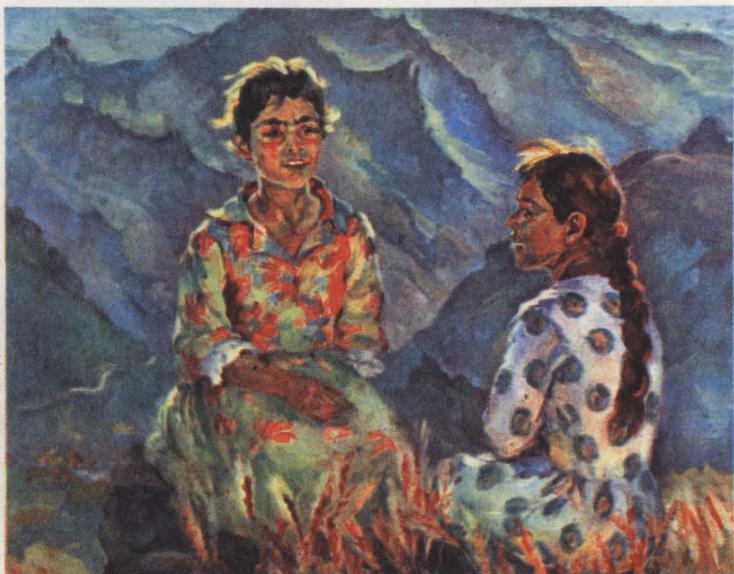
ОГЮСТ РЕНУАР. ПОРТРЕТ ЖАННЫ САМАРИ.

Древний храм на берегу Севана.

МНОГОГРАННЫЙ ТАЛАНТ

Мечты.

В тридцати трех музеях нашей страны и за рубежом — в Японии, Англии, Индии, Германской Демократической Республике — радуют зрителей картины заслуженного художника Армянской ССР Ерануи Асламзян. Персональная выставка художницы, с большим успехом начавшаяся в Москве в 1974 году, по сей день путешествует по стране: с ней знакомились в Ереване и Горьком, Красноярске и Свердловске, Новосибирске и Иркутске, знакомились с глубоким интересом и признательностью.

Ерануи Асламзян работает в различных жанрах: портрете, пейзаже, натюрморте. Трудно сказать с уверенностью, какому из них она отдает предпочтение.

Индивидуальность художницы проявляется в мягкости, утонченности

цветовых сочетаний. Используя порой лишь два-три цвета, она передает такое множество оттенков и полутонов, что возникает ощущение колористического богатства палитры. Ее живопись хочется назвать глубинной: темперамент художницы угадывается, несмотря на внешнюю сдержанность и уравновешенность ее полотен.

...На краю высокого утеса сидят две девочки. За ними — окутанные сизой дымкой горы. Девочек не страшит высота, они здесь дома. В них много задора, молодой энергии, уверенности в будущем — вся жизнь со множеством различных дорог впереди, и поэтому слегка кружится голова и захватывает дыхание... «Мечты» назвала художница это лирическое, проникнутое оптимизмом полотно.

Ерануи Асламзян говорит, что

больше всего любит писать портреты людей труда. Ею созданы серии портретов «Герои армянских полей» и «Мои современники». Каждый год Московская художница уезжает надолго в родную Армению, в горные села. И пишет, пишет...

Значительное место в творчестве художницы занимает натюрморт. Но у Асламзян это далеко не «мертвая природа». В ее натюрмортах всегда присутствует внутренняя связь между отдельными его компонентами, они как бы взаимодействуют между собой.

Вы видите «Натюрморт с медной посудой и гранатами». Художница собрала в картине творения рук старых армянских мастеров, и предметы доносят до нас аромат прошлого. Почти такой же «Восточный натюрморт». Уже около десяти лет находится он в Дрезденской галерее в ГДР.

Любит Ерануи Асламзян и пейзаж. Большое место в пейзажной живописи художницы занимают виды Арарата и Севана. Она хорошо знает их с детства, но с каждым новым свиданием

открывает в них что-то новое. «Арарат на закате», «Арарат вечером», «Розовый Арарат»... Целая сюита об Арарате. Другую свою «сюиту» Асламзян посвятила высокогорному озеру Севан. Вы видите «Древний храм на берегу Севана». Какой-то первозданностью веет от пейзажа. В нем, как и в других полотнах, посвященных Арарату и Севану, чувствуется значительность и монументальность, несмотря на совсем небольшие размеры картин.

Есть и еще одна сфера творчества, увлекающая Ерануи Асламзян. Это керамика. Мастерская художницы уставлена керамическими изделиями, на стенах — керамические панно, блюда. Работы красочные, яркие.

Многое из того, что сделано Ерануи Асламзян в керамике, в частности чайные и кофейные сервизы, идет в массовое производство.

— Моя главная задача, — говорит художница, — сделать жизнь людей красивой, радостнее, щедрее.

И это вполне удается Ерануи Асламзян.

О. ОБОЛЬСИНА

Индекс 70770

Цена 10 копеек.

Натюрморт с медной посудой и гранатами.

